

The Fourth International Conference on History and Political Sciences

9th November, 2014

«East West» Association for Advanced Studies and Higher Education
GmbH, Vienna, Austria

**Vienna
2014**

«The Fourth International Conference on History and Political Sciences».
Proceedings of the Conference (November 9, 2014). «East West» Association
for Advanced Studies and Higher Education GmbH. Vienna. 2014. 216 P.

ISBN-13 978-3-902986-55-9

ISBN-10 3-902986-55-7

The recommended citation for this publication is:

Orzechowska K. (Ed.) (2014). The Fourth International Conference on History and Political Sciences. Proceedings of the Conference (November 9, 2014). Vienna, OR: «East West» Association for Advanced Studies and Higher Education GmbH, Vienna.

Editor	Kamila Orzechowska, Poland
Editorial board	Valery Gurchin, Ukraine Nóra Szekeresné, Hungary Jessica Nadel, Austria Rangel Bonev, Bulgaria Jacek Mikołajczyk, Poland
Proofreading	Andrey Simakov
Cover design	Andreas Vogel
Contacts	“East West” Association for Advanced Studies and Higher Education GmbH, Am Gestade 1 1010 Vienna, Austria
Email:	info@ew-a.org
Homepage:	www.ew-a.org

Material disclaimer

The opinions expressed in the conference proceedings do not necessarily reflect those of the “East West” Association for Advanced Studies and Higher Education GmbH, the editor, the editorial board, or the organization to which the authors are affiliated.

© «East West» Association for Advanced Studies and Higher Education GmbH

All rights reserved; no part of this publication may be reproduced, stored in a retrieval system, or transmitted in any form or by any means, electronic, mechanical, photocopying, recording, or otherwise, without prior written permission of the Publisher.

Typeset in Berling by Ziegler Buchdruckerei, Linz, Austria.

Printed by «East West» Association for Advanced Studies and Higher Education GmbH, Vienna, Austria on acid-free paper.

Section 1. Archaeology

*Hroshyk Valentyn,
Uzhhorod National University,
student, Faculty of History,
E-mail: valik19954@mail.ru*

The History of the research of the Royal Castle Nyalab

In terms of the cultural and historical aspects, one of the most striking features of the Transcarpathia are mysteries of the past that are still not completely solved. Particularly those hidden in the grandeur of the castle buildings of the Middle Ages.

The fortresses in this area were constructed in different times by various rulers of different nations. They are scattered in time, but share common purpose and geography, i. e. to be a stronghold guarding not only of its master's life, wealth and interests but those of his vassals as well. They were the wardens of the rocky domain, protecting it from the enemies of both West and East¹.

The first defensive fortifications on the Transcarpathian land date back to the Bronze Age. These settlements, fortified with an earth rampart, gradually acquired the form of a castle during the 13th – 17th centuries. The ruins and the buildings of the following eleven medieval castles are currently known in Transcarpathia:

1. Uzhhorod Castle (Uzhhorod) — now a museum;
2. Palanok Castle (Mukachevo) — now a museum;
3. Nevytsky Castle (Nevytske, Uzhgorod district) — ruins;
4. Seredne Castle (Seredne, Uzhgorod district) — ruins;
5. The castle of the Chinadievo “Saint Miklos” (Chynadiyovo, Mukachevo district) — a private museum;
6. Kvasovo castle (Kvasovo, Beregovsky district) — ruins;
7. Borzhava Castle (Varievo, Beregovsky district) — hillfort ruins;
8. Royal Castle Nyalab (Korolevo, Vynohradiv district) — ruins;
9. Ugocsa Castle (Vynohradiv) — ruins;

---

¹ Prohnenko I. A. , Gomolyak E. M. , Zombor I. T. Issledovanie zamkov Zakarpat'ya. – 2009.

10. Khust Castle (Khust) — ruins;
11. Vyshkivsky castle (Khust district) — watchtower¹.

They rose up in the Carpathians on the border line of the Principality of Halych and the Kingdom of Hungary. The most interesting of them in terms of archaeological findings bears a proud name of Nyalab, or Királyháza in Hungarian, or the Royal Castle. It is situated in the village of Korolevo on an igneous mountain of 50–60 metres high above the sea line.

In the years of its heyday (16th century) this fortification was an important strategic and military object. Its purpose was to defend the trade routes, as well as, the hunting lands of the Hungarian king and his vassals.

The main buildings of the castle are located on the highest part of hill. From an areal viewpoint it is asymmetric and has a form of a trapezium, fitted to the roughness of the slopes, which gives it an advantageous position in military terms. A semicircular tower is located in the south-western corner, with a well is in the middle of the yard. The length of the upper castle is 57 m., the width is 47, with the height of the walls up to 9.5 m. and thickness of more than 1.5 m. Fortifications forming a rectangle with sides of 24 x 32 m, adjoin the main building of the castle. A separate watchtower of a circular form is situated In the south-eastern part of the hill at a considerable distance from the central fortifications. Its size is 9.65 x 10.15 m., the height is 6.8 m., the thickness of the walls — 2.65 m. The rock behind the tower is slotted with a deep moat, which corroborates that the castle was practically impregnable, and a small garrison could hold it for a few months².

The first archaeological research on the territory of the Royal Castle was carried out by an expedition financed by the Hungarian government. They started their work in the middle of the 19th century (1848). It resulted in a remarkable material that was sent to a museum in Budapest. In the course of excavations, the expedition found a double cross of Lorraine, which is also known as englopion, and some jewellery, which was most likely from the burial in the crypt³.

After this expedition, nobody carried out any archaeological excavations in the Royal Castle for about a hundred years. The rumours about the Czech expedition excavations carried out on site in the twenties of the 20th century are not confirmed. At the end of the 20th century an expedition from Kyiv, which was looking for findings of the palaeolithic era, made a small bore pit in the area of the so-called arch at the site of the Nyalab castle. The remnants of ceramic pottery of the late Middle Ages and

---

¹ Pop Dmitrij, Pop Ivan. Puteshestvie po arhitekturnym pamyatnikam Podkarpatskoj Rusi. – 2007.

² Mihok L., Prohnenko I.A. Analysis of Iron Objects From Korolevo And Vinogradovo Castles. – 2008.

³ Sova Petr. Arhitekturnye pamyatniki Zakarpat'ya. – 1961.

the coin of King Matthias Corvinus, (1458–1490), which was one of the Hunyadies, were found there. The coin was sent for research to the archaeological laboratory of the Uzhhorod National University.

The next stage of archaeological research on site was carried out in 1990, during the registration of all Ukrainian castles, including those in Transcarpathia. In this region it was entrusted with Lviv-West Restoration project. A group of archaeologists from Lviv undertook the work. However, they carried out only surface exploration of the site, not a complete research. The expedition concerned itself only with the excavations of the central part. Their aim was to find the walls of the castle in order to clarify the planning of the fortification. The expedition made about thirty bore pits, with a total area of 15 square metres. The area of a separate bore pit was 50 x 50 cm., depth — 40–50 cm. In other words, only the upper layer of the soil was removed¹. Given that the castle was blown up by the decree of the Austrian Emperor Leopold in 1672, the Lviv archaeologists found stones from the walls everywhere on the site. Since complete archaeological excavations were not conducted and a poor historical research of the monuments was carried out, we can characterize this expedition as unprofessional.

Starting from 2007, Uzhhorod National University undertook the research of the Royal Castle, as well as of the ten other Transcarpathian castles, such as Chinadievo Castle, Vyshkivsky Castle, Ugocsa Castle, Nevytsky Castle, Kvasovo Castle and others. A fully-fledged exploratory archaeological expedition was held, which enabled us to clarify a rather significant unresolved question concerning the chronology of the castles, It should be noted that in the course of excavations the scientists gave priority to the Royal Castle, which was of the utmost archaeological significance. After 2007, excavations continued only in 2011 and have been carried out until present time.

Basing on the materials gathered during the excavations, the following conclusions were made: the findings mainly represent a significant quantity of ceramics, including the fragments of unique for the region graphite ware (Austrian import) and two goblets of the Loshtits type (Moravian import), as well as other individual findings: nails, shoes parts, arrowheads of crossbow quarrels, Polish and Hungarian coins and a St. Francis medallion. It is speculated, that the Hungarian sword of the 14th century BC, which is stored in the Central Museum of Armed Forces of Ukraine (Kyiv), comes from the Royal Castle as well².

The analysis of the material obtained in the course of excavations of the Nyalab Castle allows us to determine the following stratigraphical image.

---

¹ Macyuk Orest. *Zamki i forteci Zahidnoi Ukraïni*. – 2005.

² Gomolyak O. M. *Do pitannya pro istoriyu zamkiv Zakarpattya*. – 2007.

The building of the stone fortifications dates back to the beginning of the 14th century AD, however low life intensity and poor cultural layer were recorded during that time. The Castle was reconstructed in the first half of the 16th century AD. After the reconstruction of the fortifications, a more massive cultural layer was formed. In the 16th century AD the castle was assaulted. However, whether the assault was successful or not is a question. Active life in Nyalab continued, at least, until the beginning of the 17th century AD.

A unique discovery made during the excavations in 2012 is also worth mentioning. A remarkable heating system, also known as hypocaust, was found on site. There are only two such hypocausts in the upper region of the river Tisza, situated in the major castles of Spiš and Sharish.

Given all these points, we can argue that in the period of its heyday (15th-16th centuries) the castle was the heart of a cultural, political and military life in the region and the centre of a strong power of the Hungarian feudal landlords. The excavations show a significant cultural layer, which is represented by versatile variety of archaeological artefacts. Therefore, the Royal Castle bears a significant cultural value and should be a subject for further study.

References:

1. Prohnenko I. A., Gomolyak E. M., Zombor I. T. Issledovanie zamkov Zakarpat'ya. – 2009.
2. Pop Dmitrij, Pop Ivan. Puteshestvie po arhitekturnym pamyatnikam Podkarpatskoj Rusi. – 2007.
3. Mihok L., Prohnenko I. A. Analysis of Iron Objects From Korolevo And Vinogradovo Castles. – 2008.
4. Sova Petr. Arhitekturnye pamyatniki Zakarpat'ya. – 1961.
5. Macyuk Orest. Zamki i forteci Zahidnoi Ukraini. – 2005.
6. Gomolyak O. M. Do pitannya pro istoriyu zamkiv Zakarpattya. – 2007.

*Orfinskaya Olga Vjacheslavovna,
Russian Research Institute
for Cultural and Natural Heritage
named after D. S. Likhachev,
senior researcher
E-mail: orfio@yandex.ru*

**The history of tailoring.
The evolution of tailored sleeve**

*Орфинская Ольга Вячеславовна,
Российский научно-исследовательский институт
культурного и природного наследия им. Д. С. Лихачева,
старший научный сотрудник
E-mail: orfio@yandex.ru*

История кроя. Версия появления отрезного рукава

Все многообразие современной наплечной одежды можно разделить на группы. В основе каждой группы будет находиться некая базовая выкройка. Для появления самых архаичных форм одежды в определенной исторической культуре было необходимо наличие, как минимум двух факторов: сырьевой базы и технологий¹. Сырьевая база полностью зависела от среды обитания, а набор знаний, умений и технических приспособлений, чтобы перевести сырье (шкуры, растительные или животные волокна) в конечный продукт — одежду, вырабатывался людьми в процессе их жизнедеятельности.

Однако, формирование подкройной выкройки, которая в наше время завоевала ведущее место во всем мире, шло не по этой схеме. Основное отличие современной выкройки от архаичных форм, это подкройной крой, который позволяет создать одежду, плотно прижатую к телу. Эта задача, создание удобной для работы и войны одежды, решалась на первых порах очень просто — подпоясыванием. Пояс повязывался в самом узком месте человеческого тела: у мужчин, в основном на талии и ниже, а у женщин на талии и выше. Это обеспечивало свободу движения рук и ног и не позволяло одежде свободно развиваться, а, следовательно, цепляться за посторонние предметы. Появление пояса, чисто теоретически, могло повлиять на деления стана на две части: верх и низ, но не могло послужить толчком для появления новой системы кроя. Что же было началом? Как одну из возможных версий можно рассмотреть следующую логическую цепочку.

Шаг первый заключался в поиске некоего материала, который мог бы покрывать сложный рельеф человеческого тела. Например, как «нефритовый костюм принца Лю Шена», выполненный из 2,5 тысяч нефритовых пластинок, сшитых между собой тонкой золотой проволокой (II век до н.э). Задача этого костюма — сохранение контуров человеческого тела². Ту же задачу, решали

---

¹ Орфинская О.В. Три источника, или к вопросу о классификации кроя одежды // Женская традиционная культура и костюм в эпоху средневековья и новое время. Материалы международного научно-образовательного семинара 9–10 ноября 2012 г. – М.–С.-Петербург, – 2012. – С. 76–92.

² Информационный портал о Китае «Современный Китай». – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.chinamodern.ru/?p=16717> – дата обращения: сентябрь 2014.

и древние египтяне, мумифицируя и заворачивая в бинты и различные пелены, своих покойников. Но вряд ли проблемы мертвых в данном случае могли дать толчок для развития живых.

На выставке «Древний Китай: ритуал и музыка» в Государственном музее изобразительного искусства им. А. С. Пушкина в Москве были представлены доспехи китайского война (V–III вв. до н. э.) из собрания Художественного и археологического Музея провинции Хубэй. Эти доспехи были сделаны из небольших прямоугольников толстой кожи, соединенных между собой шелковыми лентами¹. Ту же систему соединения пластин наблюдаем и на войнах «Терракотовой армии», которая сопровождает погребение первого императора династии Цинь — Цинь Шихуанди (III в. до н. э.)². Проблему защиты воинов решали и на другом конце света. Уже микенская Греция (XVI–XI вв. до н. э.) имела доспехи в виде пластинчатой кирасы из бронзы. Не являясь специалистом по доспехам, хочу только отметить появление в Древнем Риме, более дешевого, чем бронзовый вариант доспехов, льняного панциря, общепризнанной реконструкции которого, пока не существует³. Исходя из общих соображений, он мог напоминать стеганный жилет.

Выводы по первому шагу

Потребность армии в некоей защитной форме одежды вызвала появление доспехов. Основными характеристиками, которые выделяют эту форму от всех существующих ранее, являются вырезанные отверстия для рук⁴, что обеспечивало достаточно плотное прилегание одежды к телу и оставляло свободу движения рук⁵. Первый шаг, это появление вырезанной проймы.

Шаг второй связан с войнами и крестовыми походами, когда тысячи людей в Европе, вовлеченные в войну, были вынуждены почти постоянно находиться в защитной одежде и иметь при себе оружие. Именно в этот период, вероятно, одежда с проймой переходит из категории защитной в категорию бытовую. Этот шаг проследить крайне трудно, но, в данном случае, можно сделать допущение: из доспеха

---

¹ Шедевры древнего Китая в Москве. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.mk.ru/photo/gallery/8264-127843.html> (дата обращения: сентябрь 2014).

² Терракотовая армия//Википедия, – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://ru.wikipedia.org/wiki/%D2%E5%F0%F0%E0%EA%EE%F2%EE%E2%E0%FF_%E0%F0%EC%E8%FF (дата обращения: сентябрь 2014).

³ Кираса//Википедия, – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Кираса> (дата обращения: сентябрь 2014).

⁴ До этого отверстие для рук не вырезали. Если одежда была без рукавов, то по боковым швам просто оставляли несшитые участки. Ткань закрывала плечо и верхнюю часть руки.

⁵ Руки защищались специальными пластинами (или системами пластин), свободно прикрепленными к плечу.

сформировался некий жилет и корсет. Влияние военной формы на формирование мужской одежды отмечалось в литературе по костюму еще в начале 20 века¹. Можно предположить, что колет², сначала закрывал доспехи и служил украшением, так как шился из дорогих и красивых тканей, а затем стал самостоятельной деталью костюма. Родство женского корсета с доспехами отражено в названиях отдельных его частей, например тассеты (англ. tassets) — деталь латного доспеха, защищающая бёдра³, а в женском корсете — небольшие детали, которые пришивались к нижнему краю корсета и служили для крепления юбки. Так же у корсета есть эполет — полоска, проходящая по плечу.

Выводы по второму шагу

Защитная форма одежды трансформируется в повседневную. Появляются жилет (колет) и корсет, плотно прилегающие к телу, которые вошли в повседневную мирную жизнь.

Шаг третий

Археологический материал из погребений в Гренландии, в частности мужская рубаша из болота Moselund, расположенного недалеко от Виборга (Moselundskjortlen № С 5238–39)⁴, по С14 датируется 1050–1155 гг. На этой, замечательно сохранившейся рубаше видно, что пройма и рукав уже «нашли друг друга» и имеют сложные линии кроя. Следовательно, на севере Европы уже в XII в. сформировалась подкройная пройма с посаженным рукавом. Соединение рукава со станом, так, чтобы оставалась свобода движения, это сложная технологическая задача. Она решалась, вероятно, постепенно и не равномерно по территории Европы. С начала, судя по археологическим данным, отрезной рукав появился на севере, где природные условия заставляли человека утепляться, прижимать к себе теплые шерстяные одежды. По портретам эпохи Возрождения можно заключить, что в XV веке рукав еще не соединился со станом, а привязывался на ленточки или частично закреплялся на плече. Рассуждения искусствоведов, что это осознанное решение, чтобы показать наличие нижней рубахи, частично справедливо. Возможно, начальное неумение плотно соединять рукав, привело к появлению сменных рукавов, многочисленных прорех и завязок. Возможность демонстрации нижней рубахи (богатство) и тормозило стремление соединить рукав со станом на юге Европы. Однако, вероятно в XV–XVI веках, этот процесс завершился по всей территории Европы.

¹ Kohler Carl. A History of Costume, Dover Publications, – NY, – 1963. – P. 178. Книга впервые была издана в 1923 г.

² Колет – верхняя мужская короткая приталенная куртка без рукавов (жилет) (Википедия, – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ru.wikipedia.org>)

³ Большая Энциклопедия ВнеЗемелья. – [Электронный ресурс]. – <http://www.vnezemelie.ru/>

⁴ Østergård Else. Som syet til jorden. Aarhus Universitetsforlag – 2003. – P. 136–137. – Fig. 96–97.

Выводы по третьему шагу

Создание единой конструкции: стан, прижатый к телу и рукав, посаженный в пройму.

Шаг четвертый

В современной одежде широко используются выточки, которые, вероятно, могли появиться в результате наблюдений за складками, образованными на широкой нижней рубаше, после снятия верхнего, плотно прижатого корсета. На последнем этапе шлифуется линия плеч, рассчитываются выточки, появляются лекала.

Заключение по четвертому шагу

С XII–XVI века формируется выкройка, в основе которой заложены пропорции человеческого тела, по которой, применяя различные варианты моделирования, можно было сшить любую форму одежды с рукавами или без них. Дальше развитие шло именно по пути моделирования в зависимости от модных течений и различных влияний.

Заключение

Какую пользу может принести эти рассуждения, в некотором смысле, дилетанта в практической работе по реконструкции исторического костюма. Самое главное, это очень внимательное отношение к крою. Например, на выкройке кафтана VIII века из Мошевой Балки (Северный Кавказ), показана линия проймы сложной формы¹. Исследование аналогичных кафтанов из скальных могильников Северного Кавказа², показало, что выкройка, предложенная А. А. Иерусалимской, имеет неточности. «Хвостатая» шуба IV – III вв. до н. э. из Пазырыка³ также имеет вырезанную пройму и слабо выраженную линию оката на рукаве. Возможно ли это? К сожалению не всегда можно проверить результаты опубликованных работ по археологическому текстилю. Но если исследователь и реставратор будет учитывать общие схемы базовых выкроек, то они, возможно, уделят больше внимание отдельным деталям и отметят растянутую или замятую ткань около проймы. Точность выкроек конкретных артефактов гарантирует приближение наших знаний к той, туманной, но желанной истине по истории кроя, так как история костюма, без кроя, это как внешний облик, без внутреннего содержания.

---

¹ Иерусалимская А. А. Мошевая Балка. Необычный археологический памятник на Северокавказском шелковом пути. – С.-Петербург: Эрмитаж, – 2012. – С. 240. – Рис. 142.

² Orfinskaya O., Arzhantseva I. The Cut of the Clothes of North Caucasian Alans//Archaeological Textiles Review. – Volume № 55. – Copenhagen. – 2013. – P. 86–97; Kajitani N. A Man's Caftan and Leggings from the North Caucasus of the Eighth to Tenth Century: A Conservator's Report. Metropolitan Museum Journal 36, – 2001. – P. 85–124.

³ Полосьяк Н. В. Баркова Л. Л. Костюм и текстиль пазырыкцев Алтая (IV–III вв. до н. э.). – Новосибирск «Инфолио», – 2005. – С. 57. – Рис. 2.30.

Section 2. History of the world

*Kazhenova Gul'nar Tuligenovna,
Ualikhanov Kokshetau State University,
Manager by the department of history of Kazakhstan
E- mail: gkazhenova@mail.ru*

*Kushpaeva Almagul' Burkutbaevna,
Ualikhanov Kokshetau State University,
Manager by the department of World history
E- mail: kushpaevaab@mail.ru*

«Vatican of the Soviet Union»: German And Polish catholics in Kazakhstan

*Каженова Гульнар Тулегеновна,
Кокшетауский государственный
университет им. Ш. Уалиханова,
заведующая кафедрой истории Казахстана
E- mail: gkazhenova@mail.ru*

*Кушпаева Алмагуль Буркутбаевна,
Кокшетауский государственный университет,
заведующая кафедрой Всемирной истории
E- mail: kushpaevaab@mail.ru*

«Ватикан Советского Союза»: немецкие и польские католики в Казахстане

Формирование католического населения в Казахстане, представленного в основном немцами и поляками происходило в конце XIX – начале XX вв. в ходе переселенческого движения и демографической политики царизма. Однако основной поток католиков произошел в годы массовых репрессий и депортации народов в конце 1930 – начале 1940-х гг.

Депортация народов рассматривалась советским государством как превентивная мера с целью «очищения» стратегически важных территорий СССР от потенциально «нелояльного» населения. Проведение массовой депортации народов в рамках государственной политики не ограничивалось искоренением «врагов» на приграничных рубежах СССР, а включала в себя еще и задачи экономического характера, суть которых заключалась в освоении новых регионов, для чего требовались людские ресурсы, которые можно было пополнить репрессированными. К таким регионам в первую очередь относились Западная Сибирь и Казахстан.

Первые принудительные миграции в Казахстан произошли в довоенный период. На основании Постановления СНК СССР 1936 г. «О переселении лиц польской национальности из Украинской ССР», в Казахстан были высланы представители польской национальности католического вероисповедания. Основной поток польских спецпереселенцев пошел с января 1940 года, после занятия Красной Армией территории западных областей Украины.

Широкомасштабная депортация немцев началась в годы Великой Отечественной войны, с Указа Президиума Верховного Совета СССР от 28 августа 1941 г. «О переселении немцев, проживающих в районах Поволжья». Затем последовали указы и постановления по выселению населения немецкой национальности из других регионов Советского Союза. Основное ядро советских немцев сосредоточилось в Казахстане. По переписи 1939 г. на территории Казахстана проживало 92 тыс. немцев. По данным переписи 1959 г. в Казахстане их насчитывалось около 660 тысяч¹.

Ареалом наибольшего сосредоточения спецпереселенцев немцев и поляков явились Северо-Казахстанская и Карагандинская области. Причина превращения данного региона в одно из мест сосредоточения «наказанных народов» определялась задачами государственной политики. Для расселения депортированных выделялись «изобилующие пахотной землей» районы, к которым относился Северный Казахстан. В регион с суровыми климатическими условиями и низкой плотностью населения требовались людские ресурсы для его хозяйственного освоения. Массовые мобилизации немецкого населения в 1942–1944 гг. в промышленность Казахстана происходили, прежде всего, в промышленность Караганды и Карагандинской области. Довольно высокая численность поляков отмечалась в Северном Казахстане. Согласно Всероссийской переписи населения 1959 г. в Северо-Казахстанской области их проживало 24 733 чел. (44 %) и в Кокчетавской — 25 232 чел. (47,5 %) ². Итого — около 50 000 человек. Таким

¹ Казахстан в цифрах. Краткий статистический сборник. – Алма-Ата, – 1987. – С. 5.

² История Казахстана. Народы и культуры: Учебное пособие/Масанов Н. Э. и др. – Алматы: Дайк-Пресс, – 2000. – С. 518.

образом, результатом массовых принудительных перемещений населения в СССР Казахстан стал одним из основных регионов расселения католиков СССР.

Война, работа в трудовой армии стали настоящим адом. Под «трудовой армией» понимается специфическая форма принудительного труда граждан СССР тех национальностей, родственные государства которых вели войну с Советским Союзом. Все работоспособные мужчины в возрасте 17–50 лет (у немцев дополнительно мужчины 15–16 и 51–55 лет, а также женщины в возрасте от 16 до 45 лет) мобилизовывались через райвоенкоматы и передавались в ведение НКВД. Из них формировались рабочие колонны, которые использовались на производственные нужды в восточных районах страны: на важнейших стройках, для добычи леса, угля, нефти и т. д. Формально статус «трудоармейцев» был как у военнообязанных рабочих. Однако казарменное положение, разлука с семьей, лагерное ограждение, нормы питания, тяжелый физический труд фактически ставили их в положение равное с заключенными. Проживание в условиях спецпоселений в послевоенное время также характеризовалось суровыми жизненными обстоятельствами. Все это лишало католиков условий для практической религиозной жизни и живого участия в таинствах церкви.

Положение верующих католиков менялось в соответствии с проводимой государственной политикой СССР в отношении религии. До 1956 года люди собирались тайно. В каждом населённом пункте, где жили переселенцы, был комендант, который мог наказать «политически ненадёжных людей». После реабилитации переселенцам стало немного легче. Пожилые люди, которые не работали, могли собираться беспрепятственно. Работающие и молодёжь посещать собрания верующих не могли, так как их могли исключить из школы или уволить с работы. В 1960-е гг., когда собираться в молитвенные группы запретили даже старушкам, проверяющие ходили по домам, снимали расписания, иконы. За тайные собрания могли привлечь к суду. В эти годы родители часто подвергались преследованиям за любые попытки обратить детей к религии, порой им угрожали отобрать детей, даже за то, что они молятся с ними дома. Практиковать религиозную жизнь было небезопасным.

Натиск антирелигиозной пропаганды в СССР и очень жесткая позиция государства в вопросе атеистического воспитания детей и молодежи, запрещавшая религиозное обучение до 18 лет и уголовное преследование за его нарушение способствовали ослаблению католических общин. Важнейшим фактором сохранения веры и религиозного уклада жизни католиков являлась семья, которая фактически противостояла атеистическому государству и превратилась в «домашнюю церковь».

В этот период на территории СССР никаких католических административных структур не существовало. Католики могли объединяться только вокруг

священников, высланных в Сибирь и Казахстан. В Караганде сосредоточились и тайно вели душепастырскую работу католические священники, получившие духовное образование ещё в дореволюционный период и выжившие после заключения и ссылок. В их числе такие яркие личности как Владислав Буковинский, Александр Хира, Альбинас Думбляускас, Михаэль Стонес, Александр Штауб, Франц Атоматис, Михаэль Бенгас, Стефан Пришляк, Иосиф Шабан и другие. Здесь же находился священник Алексей Зарицкий (1912–1963), впоследствии причисленный к лику блаженных священномучеников.

Деятельность ссыльных католических священников в Караганде в 1950-е – 1980-е гг., стала одним из факторов превращения Караганды в центр возрождения, сохранения и развития католической веры не только в масштабах Казахстана, но и всего Союза. Об этом католичка Клара Риттер вспоминала: «Мы жили 15 лет на севере под комендатурой. Когда ее сняли, отец поехал по родственникам, чтобы посмотреть, куда было бы лучше переехать. Вернувшись, он сказал: «Везде можно жить, но в Караганде — там вера». И мы решили поехать туда, где вера... Здесь были священники, которые тайно служили людям»¹.

Германский исследователь Герд Штриккер отмечает: «Регион Караганды в Казахстане с может быть полумиллионом депортированных разных национальностей стал центром католицизма в Советском Союзе, «Ватиканом Советского Союза», как называли город депортированные. После смерти Сталина в 1953 г. открылись ворота многих размещавшихся там лагерей. Среди них находилось значительное число священников, которые после своего освобождения еще некоторое время оставались в Караганде. Так в середине 50-х гг. в Караганде было одновременно пять-шесть, некоторое время даже двенадцать подпольных священников»². В середине 50-х гг. в Караганде было 3 католических церкви (часовни), открытых без разрешения властей. Но просуществовали они недолго, и в течении 1957 г. все 3 были закрыты властями³. Караганда став нелегальным центром возрождения католической веры, получила в народе наименование «второго Рима», «Ватикана Советского Союза».

Караганда была не единственным местом, где сосредоточились католические верующие. Так, в 1958–1959 гг. в Целинограде (ныне г. Астана) была сделана первая попытка легализовать в условиях советского режима католическую общину города, открыть и зарегистрировать церковь. На средства верующих был куплен

---

¹ «Караганда – второй Рим» // Кредо. Газета Римско-католической Церкви Казахстана, – № 3 (115), – март 2005. – С. 16.

² Deutsche Geschichte im Osten Europas. Russland. Hrsg. G. Stricker. Siedler Verlag. – Berlin, – 1997. – S. 408.

³ Буковинский Владислав. Воспоминания о Казахстане // Шченный Анджей. Отцы Церкви. Отцы наших отцов. Мы дети нашего Отца. – Караганда: библиотека «Встреч», – 2000. – С. 248.

дом для молитвы. Но в условиях того времени эти попытки не увенчались успехом. Но в 60-е – 70-е годы, в г. Целинограде существовало несколько частных домов, где в условиях строгой конспирации происходили молитвенные собрания верующих¹.

В обстоятельствах отсутствия церквей, центральной фигурой становился священник, который в создавшемся положении представлял собой своеобразную, находящуюся в постоянном движении нелегальную «церковь». Местом Богослужений были дома верующих. Отец Буковинский, в течение 20 лет осуществлявший подпольную душепастырскую опеку верующих католиков, об этом писал: «Я постоянно хожу по домам. Я не устраиваю никаких больших Богослужений у себя в доме, так как очень быстро власти могли бы осудить меня за нелегальную Церковь». При этом дом для душепастырской работы тоже выбирался с особой осторожностью, обычно на окраине, вдали от административных и общественных учреждений, учитывалось и наличие хороших соседей. Так как паства была национально неоднородной, то священнику приходилось при совершении св. Мессы справляться и с разницей языков². В таких условиях осуществлялась религиозная жизнь верующих в Караганде и во многих других местностях Казахстана.

Несмотря на сосредоточение относительно большого количества священников в Казахстане, характерной особенностью здесь являлось то, что основная часть католиков никогда не видела священника. Старшее поколение верующих, пережившее депортацию, в последний раз видело священников в середине 1930-х гг. в прежних местах проживания. Поколение их детей, рожденных в конце 30-х гг. и в послевоенные годы, вообще не знало на своем веку ни священников, ни настоящей Церкви с ее Таинствами. Х. Роймих, характеризуя, применительно к 60-м гг., положение 3-х немецкоязычных христианских конфессий в СССР, в том числе и католичества, отмечает, что они «уже 30 лет не имеют пасторов, проповедников и рукоположенных священников, и несколько десятилетий живут посреди атеистического мира не как организованная Церковь, а как отдельные религиозные общины...»³.

Там, где десятилетиями не было священника, главными фигурами становились простые, набожные женщины-католички старших возрастов. Ими же, светскими лицами, и совершались основные религиозные обряды. Эти женщины, названные «евхаристическими» тайно крестили детей, проводили обряд венчания, ими же совершались обряд погребения и даже Евхаристические поклонения и раздача

---

¹ История прихода//Римско-католический приход Матери Божией Неустанной помощи: [site]. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.katast.kz/история-прихода/>

² Буковинский Владислав. Воспоминания о Казахстане//Шченский Анджей. Отцы Церкви. Отцы наших отцов. Мы дети нашего Отца. – Караганда: библиотека «Встреч», – 2000. – С. 250, 251.

³ Roimich H. Zeugen des Glaubens unter den Mächten des Unglaubens//Heimatbuch der Deutschen aus Russland. – Stuttgart, – 1965. – С. 37.

Святого Причастия. Такое явление было распространено во всех населенных местах, где проживало по несколько десятков католиков.

В условиях установившегося в 1940–1980-е годы нелегального положения Католической церкви, верующие не могли осуществлять полноценную религиозную практику. Основной формой религиозной жизни стала молитва, религиозные обряды и таинства в основном совершали пожилые верующие женщины. В результате разрушения моноконфессионального принципа немецких поселений в период депортации и дисперсного расселения католики оказались в иноконфессиональном окружении. Это наложило такие особенности в практику религиозной жизни католиков, как обращение к православным, к лютеранам и, в крайнем случае — к мусульманским священникам для проведения отдельных обрядов в отсутствие священника или женщины, умеющей совершать эти обряды.

Таким образом, в результате политических процессов в СССР в 1930–1940-х годов Казахстан превратился в центр католической религии в СССР. Ряд политических обстоятельств обусловил со стороны советских властей более негативное отношение к католикам, по сравнению с представителями других конфессий. Несмотря на целый комплекс разрушительных факторов, вытеснение религиозно-го сознания, католики сумели сохранить свою религиозную идентичность. Этому способствовали глубокая религиозность и традиционная консервативность немцев и поляков. Главной формой выживания католиков и защитным механизмом, оберегающим человека от жестокостей тоталитарного режима стали семья и община, выступающие главными хранителями традиций и религии.

Список литературы:

1. Буковинский Владислав. Воспоминания о Казахстане//Шченский Анджей. Отцы Церкви. Отцы наших отцов. Мы дети нашего Отца. – Караганда: библиотека «Встреч», – 2000. – С. 199–283.
2. История Казахстана. Народы и культуры: Учебное пособие/Масанов Н. Э. и др. – Алматы: Дайк-Пресс, – 2000. – 608 с.
3. История прихода//Римско-католический приход Матери Божией Неустанной помощи: [site]. – URL: <http://www.katast.kz/история-прихода/>
4. Казахстан в цифрах. Краткий статистический сборник. – Алма-Ата, – 1987. – 100 с.
5. «Караганда – второй Рим»//Кредо. Газета Римско-католической Церкви Казахстана, – № 3 (115), – март 2005. – С. 14–16.
6. Deutsche Geschichte im Osten Europas. Russland. Hrsg. G. Stricker. Siedler Verlag. – Berlin, – 1997. – S. 408–415.
7. Roimich H. Zeugen des Glaubens unter den Mächten des Unglaubens//Heimatabuch der Deutschen aus Russland. – Stuttgart, – 1965.

*Kuraev Islam Baktiyar oglu,
University of Foreign Languages and Business Career,
student of the Chair «History and religion sciences»
E-mail: islam_kuraev@inbox.ru*

Flower of the ottoman empire

*Кураев Ислам Бактияр-оглы,
Университет иностранных языков и деловой карьеры,
Студент кафедры «Истории и религиоведения»
E-mail: islam_kuraev@inbox.ru*

Цветок османской империи

Турки-месхетинцы, известные также как турки-джавахцы, месхетинские турки, ахалцихские турки, месхетинцы, кавказские турки являлись жителями Стамбула, и назывались «Ахыска», что переводится как «Цветок Османской империи». Цветок, лепестки которого разбросаны по всему миру.

Целью написания статьи является общее изучение истории турков-ахыска, которая, на наш взгляд, за последний несколько веков множество раз искожалась. Исходя из поставленной задачи, нами определены следующие задачи, а именно: приведение аналитической справки по истории турков-ахыска; изучение происхождения турков-месхетинцев; проведение сравнительно-сопоставительного анализа переломных моментов в истории турков-ахыска.

Согласно исторической статистике общая численность на территории бывшего СССР составляла 362–408 тыс. человек¹. Говорят на одном из *восточно-анатолийских диалектов турецкого языка*. Верующие — *мусульмане-сунниты*.

Происхождение турок-месхетинцев крайне запутано и существуют две основные его версии. А именно протурецкая версия гласит следующее: большинство (более 80 % турок-месхетинцев — потомки этнических турок — ерли (турецко-говорящие земледельцы) и терекялы (азербайджано-говорящие пастухи), а меньшинство (около 20 % — потомки коренных грузин и армян (хемшилы), ставших мусульманами в XVII–XVIII веках и перешедших на турецкий язык. Имеется версия о том, что месхетинцы произошли от симбиоза одного из родов турок-османов, осевших здесь, с грузинским племенем месхов, прогрузинская: большинство турок-месхетинцев — потомки отуреченных в XVII–XVIII веках грузин-месхетинцев, с небольшой примесью этнических турок и азербайджанцев.

---

¹ Турки-месхетинцы//Официальный сайт www.narodru.ru. Режим доступа: <http://www.narodru.ru/peoples1273.html> (дата обращения: 27.10.2014).

В этногенезе турков-месхетинцев участвовали два основных компонента: грузинское племя месхов и тюрки, массовое появление которых в Малой Азии и Закавказье началось в XI веке¹.

Далее мы приводим статистические данные по проживанию и расселению турков-ахыска на постсоветском пространстве (табл. 1).

Таблица 1. – Расселение турков-ахыска по постсоветским республикам (2001–2010 гг.)²

№	Наименование республики	Количество людей (приблизительно)
1.	Казахстан	200 тыс. человек
2.	Азербайджан	38 тыс. человек
3.	Россия	от 70 до 110 тыс. человек
4.	Кыргызская Республика	30 тыс. человек
5.	Узбекистан	15 тыс. человек
6.	Украина	от 7 до 10 тыс. человек
7.	Грузия	от 2 до 5 тыс. человек

В этногенезе турков-месхетинцев участвовали тюрки, массовое появление которых в Малой Азии и Закавказье началось в XI веке. Район Месхетского хребта сделался пограничной областью, разделявшей сферу влияния грузинских царей и турецких султанов. Массовые миграции, вызванные нашествием монголов в XIII веке и походом Тимура в 1395 году, увеличили численность тюрков в пограничных юго-западных районах Грузии и особенно в Месхетии, что облегчило впоследствии ассимиляцию османскими турками части её населения³.

С вхождением в 1555 году в состав Османской империи территория Самцхе-Саатабаго оказалась в ареале воздействия турецкого этноса. Ассимиляция турками коренного населения происходила по религиозному и языковому направлениям. Переход в ислам всячески поощрялся, в Османской империи в местностях со смешанным населением разговорный турецкий язык становился языком межнационального общения. В результате возник общий этноним тюрки-турки (в турецком языке эти слова не различаются), обозначавший земледельцев-мусульман, говорящих на местных диалектах турецкого языка.

К новому этнониму часто делалось добавление, конкретизирующее место проживания данной группы крестьян (в Месхетии — турки-месхетинцы).

¹ Турки-месхетинцы//Официальный сайт www.narodru.ru. Режим доступа: <http://www.narodru.ru/peoples1273.html> (дата обращения: 27.10.2014).

² Турки-месхетинцы. Статистические данные//Официальный сайт «Википедия». Режим доступа: <http://ruwiki.org/Турки-месхетинцы> (дата обращения: 28.10.2014).

³ История турков-месхетинцев//Официальный сайт war.karachai.wen.ru. Режим доступа: war.karachai.wen.ru/n/turk_mesh/ist.html (дата обращения: 27.10.2014).

Ко времени присоединения Ахалцихского региона в составе Грузии к России 1829 года мусульмане-мехетинцы составляли меньшинство населения этого региона, на протяжении XIX и 1-трети XX веков их доля постепенно возросла от 1/3 до 2/5 населения. Ко 2-й половине XIX века для мехов-мусульман турецкий язык был уже родным, став языком общения в семье. К концу 1930-х годов у мехетинских мусульман имелся общий этноним «турки-мехетинцы»; местные мехи (православные с XIX века) называли их «турками». Бесспорно, что в этногенезе турок-мехетинцев принимали участие многие народы, но точное соотношение их долей остаётся вопросом дискуссий. Сами турки-мехетинцы придерживаются протурецкой версии своего этногенеза¹.

Однако с начала XIX в. в жизни народов Южного Кавказа происходят новые, кардинальные политические и этнические перемены, связанные с экспансией Российской империи. В 1801 г. большая часть Грузии оказалась под ее властью. В 1828 г. началась война России с Турцией и вскоре, 15 августа 1829 г., русские войска штурмом захватили г. Ахыска (Ахалцих) и с этого дня открылась новая трагическая страница в жизни мусульман, теперь уже Ахалцихского уезда. Еще в ходе войны более половины мусульман края, спасаясь от преследований русской армии, переселилась в восточные районы Османской империи. А сразу после окончания войны, процесс депортации принял организованный характер: в начале в 1828 г. главнокомандующий И. Ф. Паскевич издал распоряжение, позволяющее мусульманам, желающим переселиться в Турцию, продавать их участки и недвижимость. А чуть позже, в соответствии с ст. 13 Адрианопольского договора от 2 сентября 1829 г., подданным двух государств, изъявившим желание переселиться, разрешалось осуществить это в 18-месячный срок, продав при этом недвижимость и взяв с собой движимое имущество².

Общие масштабы переселения сегодня определить сложно. Известно только то, что переселение сильно коснулось горожан-мусульман, особенно заметное в Ахалцихе и ее окрестностях, а также некоторых районах Джавахети. С этого времени в Ахыске большинство мусульман, в основном турки, проживало в сельских районах. По некоторым данным, после русско-турецкой войны к 1829 г. население края сократилось со 100 тыс. до 45 тыс. чел. Тогда же, в 1829–1831 гг. российские власти переселили сюда более 30 тыс. армян. И впоследствии российские власти оказывали больше доверия армянам, нежели грузинам. Известно, что

---

¹ Турки-мехетинцы // Официальный сайт <http://dic.academic.ru>. Режим доступа: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/1150712> (дата обращения: 27.10.2014).

² Договоры России с Востоком. Политические и торговые. – СПб., – 1869, – С. 78–79; Ломсадзе Ш. В. Южная Грузия Самцхе-Джавахети с середины XVIII в. по 50-е гг. XIX в. Автореферат докторской диссертации. – Тбилиси, – 1973, – С. 29; Avsar B. Z., Tuncalp Z. S. Ahiska Turkleri. – Ankara, – 1994, – P. 15.

сразу после взятия Ахалкалаки в 1829 г., грузинские князья и дворяне представили генералу И. Ф. Паскевичу жалованные грамоты грузинских царей на земли в Ахыске, но последний отказал им в их просьбе.

Следующие крупные переселенческие волны в Ахыске произошли после очередных русско-турецких войн 1853–1856 и 1877–1878 гг. Первая перепись населения в Российской империи в 1897 г. показала, что в Ахалцихском и Ахалкалакском уездах Тифлисской губернии проживало 141,5 тыс. чел., из них турок было зафиксировано 43,3 тыс. чел. или 31 % населения. А большинство уже стали составлять армяне (48 % населения края). Грузин было 13 %, а остальные были русские, курды и др. народы. Однако турки составляли большинство в Ахалцихском уезде — 36,5 тыс. чел. или (53 %), а армяне — в Ахалкалакском — 72 %. Накануне падения Российской империи, в 1916 г., в Ахалцихском и Ахалкалакском уездах Тифлисской губернии уже проживало 172 тыс. чел. Из них турок было 59 тыс. чел. (34 %), армян — 80 тыс. (46 %) и грузин — 29 тыс. (17 %). Однако турки по-прежнему составляли абсолютное большинство в Ахалцихском уезде — 52 тыс. чел. (72 %), тогда как армяне в Ахалкалакском — 76 тыс. чел. (76 %) ¹.

В конце XIX – начале XX столетия значительно усиливаются репрессии против турок. Хорошо вооруженные отряды армянских боевиков развязали массовый террор против местного населения тем самым претендую на грузинские земли, в частности где проживали турки-мехсетинцы. Перед лицом этой опасности турки начали организованно сопротивляться. Лидеры местных турок Омар Фаик бей, Осман Сарвар Атабек и Диканлы Хафиз бей во главе отрядов добровольцев делали все возможное для обеспечения мира и спокойствия в этих местах ².

Первая мировая война и бурные военно-политические события 1917–1920 гг. в очередной раз внесли изменения в этническую ситуацию в этом крае: большинство сел было уничтожено армянами и грузинами, а многие мусульмане погибли. В ответ на это 13 апреля 1918 г. 40 тюркских делегатов из Ахалцихского и Ахалкалакского уездов выступили на Батумской мирной конференции с соответствующим заявлением и потребовали присоединить эти районы к Турции. В противном случае, писали они, «при оставлении их в составе Грузии, они подвергнутся опасности потерять в недалеком будущем не только национальные

---

¹ Договоры России с Востоком. Политические и торговые. – СПб., 1869, – с. 78–79; Ломсадзе Ш. В. Южная Грузия Самцхе-Джавахети с середины XVIII в. по 50-е гг. XIX в. Автореферат докторской диссертации. – Тбилиси, – 1973, – С. 29; Avsar B. Z., Tuncalp Z. S. Ahiska Turkleri. – Ankara, – 1994, – P. 15.

² История турок-ахыска//Официальный сайт <http://www.ahiska-gazeta.com/ru>. – Режим доступа: <http://www.ahiska-gazeta.com/ru/histories/47/>(дата обращения: 27.10.2014).

связи с турками, но даже язык и религию, тем более в этом отношении грузинами с начала революции принимаются энергичные шаги»¹. А 14 июля 1918 г. в Южной Грузии мусульманское население провело референдум и высказалось за вхождение в состав Турции.

После развала Османской империи местное турецкое население 29 октября 1918 г. образовало «Временное правительство Ахыска» («*Ахыска хокумати-муваггатаси*») под предводительством Омара Фаиг-бека. Столицей Республики Ахыска стал г. Карс. Но вскоре турки-ахыска, столкнувшись с экспансией грузинских и армянских войск, сочли нужным объединиться с азербайджанцами в Армении и Нахичевани и образовали совместную Аразо-Турецкую Республику («*Араз Тюрк Джумхуриййати*»).

Весной 1919 г. после ожесточенных боев грузинским войскам удалось занять значительную часть Ахыски, при этом немало турок было убито, еще больше изгнано. Лидер турок-ахыска Омар Фаиг-бек был вынужден бежать в Азербайджан. А вскоре, в феврале 1921 г., в Грузии была установлена Советская власть и начался новый период в истории ахыскинских турок. Были ликвидированы все имевшие место государственные образования ахыскинцев².

Ближе к концу 1918 – и начала 1919 года провокации дашнаков привели к военному столкновению между Грузией и Арменией. Следует заметить, что, лишь появившись на Кавказе в начале XIX века, армяне уже начали претендовать на грузинские земли. В 1913 году наместник Кавказа граф Воронцов-Дашков создал специальную комиссию для обсуждения требований армян вывести Борчалинский и Ахалкалакский уезды из состава Тифлисской губернии и присоединить к Гюмри. В 1917 году поднимается вопрос о создании Гюмринской (Александропольской) губернии и присоединения к ней еще и области Лору. В тот же самый период выдвигается идея о создании «великой Армении» на обширной территории между тремя морями, включая и земли Грузии и Азербайджана. Напряженность ситуации вынудила турок и грузин создать летом 1917 года на съезде крестьян в Тбилиси антиармянский грузино-мусульманский союз. В 1919 году христианские организации грузин призвали армянских лидеров прекратить террор против мусульман. В свою очередь, ахалцихские турки помогали грузинам в самые тяжелые минуты, во время армянского террора предоставляли убежище грузинам-католикам, спасая их от смерти. В одном только селе Уде с января по март 1919 года было таким образом спасено 180 грузин-католиков³.

¹ Документы и материалы о внешней политике Закавказья и Грузии. – Тифлис, – 1919. – 591 с.

² Осипов А. Г. Основные направления изменений в самосознании и культуре Ахалцихских (месхетинских) турок (20-е гг. XIX – 90-е гг. XX в.). Автореферат на соискание кандидатской степени. – Москва, – 1993. – с. 14.

³ Бараташвили Л., Бараташвили К. Мы – месхи.../Литературная Грузия, – 1988. – № 9. – 132 с.

Договор подписанным в Москве 16 марта 1921 г. между Турцией и Россией, Ахалцихский и Ахалкалакский уезды отошли к русским, а позже были присоединены к Грузинской ССР. Но и в советское время армяне не оставляли попыток прибрать эту территорию к рукам. Армянами были выдвинуты официальные требования создать еще одну армянскую административную единицу на базе областей Ахалкалаки и Борчалы. Параллельно проводилась тактика ползучей армянизации областей Ахалкалаки и Ахалцихе за счет переселенцев.

Уже в 20–30-е годы XX века усиливается культурное и экономическое развитие ахалцихских турок, формируются новые культурно-просветительские центры, растут национальные кадры, открываются технические и педагогические школы, курсы политпросвещения. Омар Фаиг Неманзаде, Осман Сервер бей, Ахмед Пепинов, Мамед Зеки Дурсунзаде, Мамед Али бей, Афзал бей, Мамед Шейхзаде играли видную роль в общественной жизни Закавказья. Газеты и журналы, выходившие в Грузии на турецком языке, в том числе «Адыгюн колхозчусу» (1931 г.), «Гызыл ренджбер» (1933 г.), издававшиеся в Адыгюне, «Коммунис» (1930 г.) — в Ахалцихе, «Багбан», «Сосиализм кянди» (1940 г.) — в Аспиндзе, играли прогрессивную роль в общественной жизни турок¹.

Вместе с этим, в 1920–1930 годы открываются кружки театральной самодеятельности. В 1934 г. при содействии Тбилисского азербайджанского театра начал функционировать Адыгюнский колхозно-совхозный театр под руководством Ибрагима Исфahanлы².

Ближе концу 20-х годов в этом регионе были созданы пять новых районов — Адыгюн, Ахалкалаки, Ахыскине, Аспиндза и Богдановка. По переписи 1939 г. больше половины населения Ахалциха (28 480 из 55 490) составляли турки. Отметим, что эти статистические данные были необъективны, во всех сообщениях численность турок в Ахыске-Ахалкалаке занижена. В информации Института истории, археологии и этнографии имени Н. Джавахашвили даны более или менее реальные цифры, отличающиеся от данных официальной статистики на 1939 год: в Адыгюнском районе турки составляли 80 % населения, в Богдановке — 70 %, Аспиндзе — 66 %, в Ахалцихе — 51 %³.

Из документов становится ясно, что план выселения турок из этих мест готовился давно. С этой целью еще в начале войны от Боржоми до Вале была проложена 70-километровая железнодорожная ветка. Постановление № 6279 о

¹ Гаджиев А. Тифлиский азербайджанский театр. – Б. – 1984. – 159 с.; его же, Тифлиский азербайджанский и Адыгюнский тюркский театры. – Б. – 2006.

² Там же.

³ К уточнению важного исторического факта/Газета «Народное образование», – Тбилиси, – 30 июля 1989, – С. 10–11.

переселении турок было принято Государственным комитетом обороны 31 июля 1944 года, а 20 сентября издан приказ НКВД под номером 001176.

Перед депортацией среди турок проводилась унижительная агитация, их пытались склонить к принятию грузинской национальности. Но, как указывается даже в грузинских источниках, народ решительно отвергал подобные предложения, выражая приверженность к своим корням.

В начале ноября 1944 года районы расселения турок были блокированы войсками, а после объявления здесь военного положения на рассвете 15 ноября началась бесчеловечная депортация мирного населения. За несколько дней из 220 сел было депортировано 125 тысяч человек — 115 тысяч турок, 7 тысяч курдов и 3 тысячи хемшин. В это время 46 тысяч ахалцихских турок сражались на фронтах второй мировой войны, из них 26 тысяч погибли, но тем не менее все вернувшиеся домой, в том числе сотни награжденных орденами и медалями за мужество и отвагу, включая 8 героев Советского Союза, были высланы в места депортации¹.

По официальной информации НКВД, к середине декабря 1944 года было выслено 92 307 человек, из них 18 923 мужчины (старики и инвалиды), 27 399 женщин, 45 085 детей до 16 лет. Первые эшелоны с депортированными турками прибыли в Ташкентскую область 9 декабря 1944 года после 22-дневного пути. Люди, которым было приказано взять еды на три дня, ехали по большей части без продуктов и теплой одежды в разбитых товарных вагонах.

По явно заниженным данным НКВД СССР на июнь 1948 года, в ходе этой варварской операции погибло 14 895 человек. В действительности за первые 6 месяцев погибло 37 тысяч человек, в том числе 17 тысяч детей. Депортированные турки, ограниченные в свободе передвижения, ущемленные в социальных и гражданских правах, были расселены в сельских местностях республик Средней Азии и Казахстана. В течение 12 лет они жили в статусе спецпереселенцев, в условиях комендантского режима, в обстановке полного беспорядка и произвола. Но даже такие испытания и лишения не сломили дух народа².

После XX съезда КПСС, 28 апреля 1956 г. был издан указ президиума Верховного совета СССР за № 135/142, снявший с ахалцихских турок ограничения по спецпоселению и освободивший их от комендантского режима. В то же время в указе говорилось, что снятие ограничений не влечет за собой возмещения материального ущерба и не дает права возвращаться в места, откуда они были высланы. За долгие годы ахалцихские турки так и не дождались от советской власти полноценной реабилитации.

¹ Бараташвили М. Правовое положение месхов-репатриантов в Грузии. – Тбилиси, – 1998. – 65 с.

² Там же.

Первая небольшая группа ахалцихских турок прибыла в Азербайджан в 1958 году. Переселение в Азербайджан в целом сыграло положительную роль в судьбе этого народа, который получил возможность сохранить и развивать национальную культуру, активно участвовать в общественно-политической жизни, вообще жить в обстановке мира и дружбы.

Список литературы:

1. Турки-месхетинцы//Официальный сайт www.narodru.ru. – Режим доступа: <http://www.narodru.ru/peoples1273.html> (дата обращения: 27.10.2014).
2. История турков-месхетинцев//Официальный сайт war.karachai.wen.ru. – Режим доступа: war.karachai.wen.ru/n/turk_mesh/ist.html (дата обращения: 27.10.2014).
3. Турки-месхетинцы//Официальный сайт <http://dic.academic.ru>. Режим доступа: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/1150712> (дата обращения: 27.10.2014).
4. Договоры России с Востоком. Политические и торговые. – СПб., – 1869, – С. 78–79; Ломсадзе Ш. В. Южная Грузия Самцхе-Джавахеги с середины XVIII в. по 50-е гг. XIX в. Автореферат докторской диссертации – Тбилиси, – 1973, – С. 29; Avsar B. Z., Tuncalp Z. S. Ahiska Turkleri. – Ankara, – 1994, – Р. 15.
5. История турок-ахыска//Официальный сайт <http://www.ahiska-gazeta.com/ru>. – Режим доступа: <http://www.ahiska-gazeta.com/ru/histories/47/> (дата обращения: 27.10.2014).
6. Документы и материалы о внешней политике Закавказья и Грузии. – Тифлис, – 1919. – 591 с.
7. Осипов А. Г. Основные направления изменений в самосознании и культуре Ахалцихских (месхетинских) турок (20-е гг. XIX – 90-е гг. XX в.). Автореферат на соискание кандидатской степени. – Москва, – 1993. – С. 14.
8. Бараташвили Л., Бараташвили К. Мы – месхи... /Литературная Грузия, – 1988. – № 9. – 132 с.
9. Гаджиев А. Тифлисский азербайджанский театр. – Б. – 1984. – 159 с.; Гаджиев А. Тифлисский азербайджанский и Адыгюнский тюркский театры. – Б. – 2006.
10. К уточнению важного исторического факта/Газета «Народное образование», – Тбилиси, 30 июля – 1989, – с. 10–11.
11. Бараташвили М. Правовое положение месхов-репатриантов в Грузии. – Тбилиси, – 1998. – 65 с.

*Moiseenko Marina Andreevna,
South Federal University, student,
Institute of History and International Relations
E-mail: M-moiseenko@bk.ru*

The Origins of American Neoconservatism: Ideology and Institutes

*Моисеенко Марина Андреевна,
Южный Федеральный Университет, студент,
Институт Истории и Международных отношений
E-mail: M-moiseenko@bk.ru*

Зарождение неоконсерватизма в США: идеология и институциональное оформление

«Можно сопротивляться врагу, вторгшемуся в твою страну,
но нельзя сопротивляться идее, чье время пришло»

В. Гюго

Неоконсерватизм, как идейное течение элиты США выделился в 60–70х гг. XX века и до сих пор остается неофициальным. Истоки этого течения берут свое начало в идеях политика и философа Лео Штрауса. Немецкий еврей, иммигрировавший в 1937 году в США, где стал основателем “Штраусеанства” — довольно эклектической, но и оригинальной школы политической философской мысли, опирающейся, в частности, на идею Западной цивилизации как единства “Афин” и “Иерусалима” — Мышления и Откровения¹. «Современным» отцом неоконсерватизма, в таком виде, в котором он существует сейчас, считается Ирвинг Кристол и Роман Подгорец. Неоконсерваторами были многие антикоммунисты, социалисты, евреи, бежавшие от проводимой политики антисемитизма. Примечательно, что неоконсервативная политическая идеология очень близка религиозным и национальным установкам. Скорее всего, это связано с тем фактом, что большинство неоконсерваторов было именно евреями по рождению и исповедовали иудаизм. Этим можно объяснить такую «понятность» штраусеанства и широкую в дальнейшем его привлекательность именно для выходцев еврейского происхождения. Но «современные неоконсерваторы» к штраусеанству обращаются не так часто — считается, что это учение уже несколько далеко от современных мировых процессов, требующих новых идей и концепций.

¹ Генисаретская В. Неоконсерватизм в США. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.apn-nn.ru/diskurs_s/27.html

Таким образом, неоконсерваторы — это некая единая сеть, объединение людей со схожими политическими, экономическими, религиозными взглядами. Сам Ирвинг Кристал говорил по этому поводу следующее: «... было бы совершенно неверно представлять его (неоконсерватизм) в виде особого «движения». Он не проводит никаких конференций, не имеет никаких организационных форм, у него нет никаких особых программных целей...»¹. С этим нельзя не согласиться, это всего лишь круг людей, разделяющих основные элементы этого идеологического течения как такового, но в это же время резко отличающихся друг от друга по тем или иным пунктам. Это общество людей любящих дискутировать, рассуждать на те, или иные политические темы. Но последователи неоконсерватизма, занимающие высшие государственные должности и работающие в сфере политики — представляют собой уже более четко обозначенное течение. Это всегда сторонники президента США, некая его опора, сторонники жесткой силы.

Можно выделить основные идейные взгляды неоконсерваторов:

1. Противопоставление «элиты» основной массе. Власть должна принадлежать людям, находящимся в высших кругах руководства.
2. Жесткий милитаризм во внешней политике.
3. Насаждение «демократических ценностей» по всему миру.
4. Приоритет Израиля. Израиль — стратегический партнер.
5. Неоконсерваторы сторонники вмешательства государства в экономику. Преимущественно рыночная экономика.

6. Ограничение демократических свобод (ради национальных интересов).

Ирвинг Кристал выделил основные черты неоконсерватизма в своей статье «Признания подлинного, возможного, единственного неоконсерватора, считающего себя таковым»². Он уточняет, что неоконсерватизм возник из — за разочарования в либерализме. Консерватизм носит *философско – политический характер*. Особую роль неоконсерваторы отводят экономическому росту, считая, что это одно из условий нормального развития демократического общества.

Будет не лишним дополнение, что неоконсерватизм в чистом виде и в строгом соблюдении принципов и норм не проявил себя. Сам Кристал, говорил о неоконсерватизме следующие слова: «это только тенденция, а не четко определенное движение»³.

Неоконсерватизм так же отличает постоянное беспокойство за безопасность Америки, признание того, что США являются самым сильным государством

---

¹ США: консервативная волна//Под.ред. А. Ю. Мельвиля. – М., – 1984. – С. 89.

² Там же.

³ Там же.

в истории, но все-таки уязвимым. Враги повсюду — и любой признак слабости и готовность к компромиссам — это реальный риск¹.

Президент Рональд Рейган, избранный в 1981 году, считается первым президентом, при котором неконсерваторы проявили себя. Многие консерваторы, помогали ему с предвыборной компанией. И придя к власти, Р. Рейган заявил: «Консервативное движение в Америке в 20 в. через все трудные, тяжелые времена пронесло свое стремление к истине»². В своей первой инаугурационной речи от 20 января 1981 года Рональд Рейган провозгласил некоторые задачи для своей администрации. Это, прежде всего:

1. «... здоровая, энергичная и процветающая экономика, обеспечивающая равные возможности для всех американцев — без барьеров, порожденных фанатизмом или дискриминацией»;

2. «Я намереваюсь ограничить размеры и влияние федеральных органов власти и буду настаивать на реализации четкого разделения полномочий федерального правительства и полномочий, закрепленных за правительствами штатов или за народом»;

3. «С теми соседями и союзниками, которые, как и мы, ценят свободу, мы укрепим исторические связи. <...>Что же касается врагов свободы, наших потенциальных противников, то им мы напомним, что мир — это наивысшее стремление американского народа. Мы будем проводить ради этого переговоры, мы будем приносить ради него жертвы...»³.

Инаугурационная речь содержит уже некоторые черты, характерные для неоконсерваторов. Важно отметить и то, что не часто можно встретить в инаугурационных речах президентов четкое обозначение дальнейших целей проводимой политики.

Окружение Р. Рейгана менялось, и вместе с ним менялись его взгляды на политику, на управление государством. Как замечает У. Лафебер, один из видных американских историков, президент Р. Рейган рассматривал свою политику «через телескоп конфликта между США и СССР»⁴. Помощниками, окружавшими президента и способствующими выработке у президента такого антисоветизма были такие люди как Каспар Уайнбергер, Ричард Перл, Уильям Кларк, Джин Киркпатрик.

Идеи и взгляды многих неоконсерваторов были отражены в главном документе страны — стратегии национальной безопасности 1987. Ее критиковали

¹ Justin Vogt. An American ideology: Neoconservatism under the microscope//The National. – 2010. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.thenational.ae/arts-culture/books/an-american-ideology-neoconservatism-under-the-microscope>

² США: консервативная волна//Под.ред. А. Ю. Мельвиля. – М., – 1984. – С. 11.

³ Инаугурационные речи Президентов США. – Харьков: Фолио, – 2009. – С. 292–295.

⁴ Иваниц Э.А. Рональд Рейган: хроника жизни и времени. – М., – 1991. – С. 303.

за чрезмерный военно — силовой компонент¹. А именно упор на данный компонент является характерной чертой для неоконсерватизма. Стратегия состоит из 6 частей. В третьей части — «Внешняя политика США» провозглашаются ее основные инструменты²:

1. Мораль и политический пример.
2. Военная сила и экономическая жизнеспособность.
3. Союзнические отношения.
4. Помощь в обеспечении безопасности.
5. Экономическое содействие.
6. Торговая политика.
7. Наука и технологическое сотрудничество.
8. Личный интерес в развивающихся странах.
9. Дипломатическое посредничество.
10. Международные организации.
11. Поддержка борьбы за свободу.

Сам собой напрашивается вопрос — а что из этих указанных внешнеполитических инструментов соответствует идеалам неоконсерватизма? А это — военная сила и экономическая жизнеспособность, мораль и политический пример, помощь в обеспечении безопасности, экономическое содействие, торговая политика, поддержка борьбы за свободу, международные организации, личный интерес в развивающихся странах. То есть 8 из 11 пунктов отражают идеологические предпочтения неоконсерваторов. Если перевести цифры в процентное соотношение — то выходит, что 73 % из 100 % указанных инструментов внешней политики США являются приоритетным для сторонников неоконсервативных взглядов.

В целом, внешняя политика, выраженная в основных ее компонентах, сочетала в себе силу и сотрудничество. Так, в следующих пунктах провозглашаются политика и информация — как основные составляющие национальной силы. Основная борьба видится против идеологии Советского Союза. Говорится о том, что политическая и информационная стратегия должна найти отклик в странах Восточной Европы и СССР, раскрыть многие преимущества. А достигнуть это предполагается путем СМИ, письменных материалов, обменом идеями³.

---

¹ Рыхтик М. И. Влияние консервативных идей на концепцию национальной безопасности США в период республиканских администраций Р. Рейгана и Дж.Буша. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа:[http://85.143.0.20/pages/issues/vestnik/99990200_West_MO_2004_1\(2\)/3.pdf](http://85.143.0.20/pages/issues/vestnik/99990200_West_MO_2004_1(2)/3.pdf)

² National Security Strategy. The White House. – January 1987. – P. 9.

³ Ibid. – P. 13.

Первая стратегия 1987 года готовилась в очень короткие сроки. До нее было создано более 250 секретных директив — так называемые субстратегии¹. Главное в стратегиях США до окончания холодной войны — это определение политики по отношению Советскому Союзу. Как раз таки и в этом сходство со следующей, переработанной стратегией 1988 года.

Большинство идеологий, систем взглядов в то же время имеют тенденцию к своему институциональному оформлению. Это позволяет распространять свою систему взглядов более эффективно и под контролем определённых лиц. Для начала я бы хотела пояснить, что подразумеваю под словами «институт неоконсерватизма» — это структурное, чаще научно — исследовательское объединение, имеющее свои цели и задачи, зависящие от характера данного объединения и использующее имеющиеся финансовые средства для обозначенных нужд. В роли таких институтов могут выступать самые различные организации. К примеру: университеты, исследовательские институты, «мозговые центры».

«Мозговые центры». Само понятие появилось после второй мировой войны. (think tank). В США этим термином стали обозначать организации, вовлеченные в проведение исследований в таких областях, как экономика, политика, стратегии промышленного и технологического развития, военно-политические проблемы и т. п.². Иногда указанный термин переводят как «фабрики мысли». Но это не совсем корректно, по мнению Кочеткова Г. Б. и Супяна В. Б. так как «фабрика мысли» подразумевает массовое производство.

Универсальной классификации мозговых центров не существует — но классификация американских исследователей Эндрю Рича и Кента Уивера заслуживает внимания³ (таблица 1).

«Одной из особенностей «мозговых центров» является их позиционирование между академическими и государственными организациями. Они имеют больше временных и иных ресурсов для более полной и глубокой проработки проблемы по сравнению с государственными структурами. Можно сказать, что

---

¹ Рыхтик М. И. Влияние консервативных идей на концепцию национальной безопасности США в период республиканских администраций Р. Рейгана и Дж. Буша. — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: [http://85.143.0.20/pages/issues/vestnik/99990200_West_MO_2004_1\(2\)/3.pdf](http://85.143.0.20/pages/issues/vestnik/99990200_West_MO_2004_1(2)/3.pdf)

² Кочетков Г. Б. Супян В. Б. «Мозговые центры» в США: наука как инструмент реальной политики // Проблемы прогнозирования, — 2010, — № 5. — С. 52

³ Мирзаян Г. В. «Мозговые центры» и процесс принятия решений в США // Россия и Америка в XXI веке, — № 3, — 2011 — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.rusus.ru/?act=read&id=301>

Таблица 1. – Классификация «мозговых центров»

Тип центра	Характер финансирования	Определение целей деятельности	Идеология	Характер исследований
Академические центры	Диверсифицированные источники (эндаументы, гранты, спонсорская помощь организаций и отдельных граждан)	Ведущую роль играют исследователи	Стремление быть нейтральным источником идей	Ориентированы на выдвижение новых идей и долговременные перспективные исследования; цель — оказывать экспертное воздействие политикам. Укомплектованы ведущими учёными
Контрактные центры	Основывают деятельность на контрактах с государственными органами	Ведущую роль играют потребности прайвательства	Стремление сохранить нейтральную идеологическую позицию	Ориентированы на потребности государственных органов; цель — оказывать экспертное воздействие политикам. Укомплектованы высококвалифицированными исследователями и экспертами
Политические, идеологически и тематически ориентированные центры («адвокатские центры»)	Учредители играют большую роль	Ведущую роль играют идеологические ориентиры	Либеральная либо консервативная	Ориентированы на идеологические соображения; цель — оказывать экспертное воздействие политикам; результаты исследований — распространяются среди поддерживающих политических групп. Укомплектованы экспертами, но часто неимеющими академического статуса.

«мозговые центры» представляют собой связующее звено между теоретическими идеями и практической деятельностью по их реализации»¹.

Одним из первых консервативных центров США был создан «Фонд Наследие». Фонд наследие находится в Вашингтоне и является организацией правоконсервативного толка. Основан в 1973 году. Директор — Эдвин Фелнер (сегодня). Фонд выпускает различные монографии по проблемам внутренней и внешней политики США, имеет 6 периодических изданий, а так же журнал «Полиси ревью». Декларируемая идея института — построить статистическую модель общества и обеспечить доступ к ней широкой общественности.

Что касается институтов, то одним из важных является институт стратегических исследований США. Институт стратегических исследований армии США, концентрирующийся на исследованиях и анализе геостратегии и национальной безопасности США. Расположен в г. Карлайле (Пенсильвания). Директором SSI является Дуглас Лавэйс (сегодня). Институт стратегических исследований имеет свою структуру:

1. Стратегический отдел исследований и анализа концентрируется на глобальной, европейской и функциональных проблемах.
2. Региональный отдел института сосредоточен на региональных стратегических вопросах.
3. Академическая программа взаимодействия создает и поддерживает партнерские отношения по глобальным стратегическим вопросам². Имеет партнерские отношения с Российским институтом стратегических исследований.

Американский предпринимательский институт (Вашингтон). Независимый негосударственный исследовательский институт США консервативного толка. Учрежден в 1943. Институт является неправительственной организацией, финансируемой такими компаниями как Microsoft, Motorola, AmericanExpress, ExxonMobil, Chevron, AT&T и другими. Цели: Исследования в области государственной политики. Заявленная миссия — защищать принципы и улучшать институты американской свободы и демократического капитализма Америки: ограничение власти правительства, частное предпринимательство, индивидуальную свободу и ответственность, американскую внешнюю политику и национальную оборону путём проведения научных исследований и открытых дебатов. Во времена президентства Рональда Рейгана активным членом института предпринимательства была Джин Киркпатрик и Майкл Новак (при Рейгане он — член Совета по международным отношениям, представитель США в ООН по правам человека).

¹ Чесноков С. Роль негосударственных «мозговых центров» в процессе принятия решений военно-политическим руководством США в области обороны и безопасности/С. Чесноков// Зарубежное военное обозрение. – 2007. – № 5. – С. 2–6.

² Strategic studies institute. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.strategic-studiesinstitute.army.mil/about/strategic-studies-institute.cfm>

Таким образом, можно сделать вывод о том, что неоконсервативная идеология в США кардинально изменила политику и стратегию самого государства. После принятия стратегии национальной безопасности, которая стала первой стратегией, отразившей неоконсервативные взгляды, произошло их распространение. Внешняя политика США начинает строиться с позиций военно — силового компонента, что отчетливее проявиться во время правления следующего президента, тесно сотрудничавшего с неоконсервативными, — Джорджа Буша — старшего.

Список литературы:

1. National Security Strategy. The White House. – January 1987.
2. Официальный сайт фонда «Наследие»: Strategic studies institute. – [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.strategicstudiesinstitute.army.mil/about/strategic-studies-institute.cfm> (дата обращения 26.04.14).
3. Инаугурационные речи Президентов США. – Харьков: Фолио, – 2009.
4. Генисаретская В. Неоконсерватизм в США. – [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.apn-nn.ru/diskurs_s/27.html (03.11.13).
5. Иванян Э.А. Рональд Рейган: хроника жизни и времени. – М., – 1991.
6. Кочетков Г.Б. Супян В.Б. “Мозговые центры” в США: наука как инструмент реальной политики // Проблемы прогнозирования, – 2010, – № 5.
7. Мирзаян Г.В. «Мозговые центры» и процесс принятия решений в США // Россия и Америка в XXI веке, – № 3, – 2011.
8. США: консервативная волна // Под ред. А. Ю. Мельвиля – М., – 1984.
9. Рыхтик М.И. Влияние консервативных идей на концепцию национальной безопасности США в период республиканских администраций Р. Рейгана и Дж. Буша. [Электронный ресурс] – [http://85.143.0.20/pages/issues/vestnik/99990200_West_MO_2004_1\(2\)/3.pdf](http://85.143.0.20/pages/issues/vestnik/99990200_West_MO_2004_1(2)/3.pdf) (дата обращения 05.01.14).
10. Чесноков С. Роль негосударственных “мозговых центров” в процессе принятия решений военно-политическим руководством США в области обороны и безопасности // С. Чесноков // Зарубежное военное обозрение. – 2007. – N 5.
11. Justin Vogt. An American ideology: Neoconservatism under the microscope // The National. – 2010. – [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.thenational.ae/arts-culture/books/an-american-ideology-neoconservatism-under-the-microscope> (дата обращения 03.11.13).

*Preymak Alexander Romanovich,
Ryazan State University, postgraduate student
of General History and International Affairs Department
E-mail: preymak@gmail.com*

Native American activism in action: 1969–1971 occupation of Alcatraz

*Преймак Александр Романович,
Рязанский государственный университет, аспирант,
кафедра всеобщей истории и международных отношений
E-mail: preymak@gmail.com*

Оккупация острова Алькатрас в 1969–1971 году: Начало «активной фазы» индейского активизма

В ноябре 1969 года 200 коренных американцев попытались захватить федеральную тюрьму Алькатрас, располагающуюся на острове Алькатрас в заливе Сан-Франциско. Оккупация продлилась 19 месяцев. Данной акцией протеста индейцы пытались привлечь внимание к проблемам индейских резерваций¹. Активисты из организации «Индейцы всех племен» предложили купить остров у США за «стеклянные бусы и красную ткань, стоимостью в 24 доллара» по аналогии с покупкой острова Манхеттен. Двадцатого ноября 1969 года 79 североамериканских индейцев, в числе которых были студенты, семейные пары и шесть детей направились к Алькатрасу с целью оккупации. Большинство из них остановила береговая охрана, но некоторым все же удалось прорваться к острову. Первыми 14 людьми, прибывшими на остров, были студенты Ричард Оукс², ЛаНада Минс, Джо Билл, Дэвид Лич, Джон Белый Лис, Росс Харден, Джим Вон, Линда Араяндо, Вернелл Блайндмен, Кэй Мени Хорс, Джон Виджил, Джон Мартелл, Фред Шелтон и Рик Ивнинг. Вскоре на остров прибыли и другие люди, в том числе Джон Труделл. Гленн Додсон³, смотритель острова, предупредил индейцев, что они совершают противоправные действия и затем проводил их в самое обустроенное здание тюрьмы — резиденцию смотрителя.

¹ Occupation 1969, Alcatraz is not an island, PBS, – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.pbs.org/itvs/alcatrazisnotaniland/occupation.html>.

² Студенческая оккупация острова, под началом Ричарда Оукса, старосты Индейского студенческого общества Университета штата в Сан-Франциско, проходила отдельно от основной оккупации. Ее целью был протест против ужасного отношения правительства к коренным американцам и нарушению многих договоров.

³ Утверждал, что является на одну восьмую коренным американцем.

Они расположились в штабе тюрьмы и отметили успешную высадку на остров церемониальным пением и поувоу¹.

После того, как пожар уничтожил индейский центр в городе Сан-Франциско, министр внутренних дел Уолтер Д. Хикель предложил переоборудовать Алькатрас в национальный парк, что привело к возмущению в рядах коренных американцев². Именно это событие в последствии привело к попытке захвата острова. После того, как индейцы высадились и обосновались на острове, ЛаНада Минс³, одна из первых оккупантов, начала активно готовиться к представлению индейцев в прессе. Она писала речи выступлений и различные обращения к газетам и правительству США, объясняющие причину оккупации острова. Индейцы заняли Алькатрас для одной цели — получить полный контроль над землями острова, согласно договору у форта Ларами⁴, для создания на его территории культурного центра для коренных американцев. Согласно плану захватчиков, данный центр должен был включать в себя центр изучения индейской истории, центр для религиозных собраний, экологический центр и музей культуры американских индейцев. Минс хотела получить государственный грант на развитие данного проекта. Она также акцентировала внимание на то, что в центре будут работать коренные американцы: научные консультанты, преподаватели, библиотекари и прочий персонал. Коренные американцы так же просили у правительства США закончить политику терминации и обвиняли его в нарушении ряда индейских договоров.

В День благодарения на остров прибыло несколько сотен сторонников оккупации для проведения праздничного ужина⁵. Затем в декабре, Джон Труделл⁶, член племени Сиу, организовал ежедневное радиовещание с острова, а уже в январе 1970 года оккупанты начали выпускать новостной листок. Джозеф Моррис,

---

¹ Occupation 1969, Alcatraz is not an island, PBS, – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.pbs.org/itvs/alcatrazisnotaniland/occupation.html>.

² Johnson Troy R. “Roots of Contemporary Native American Activism”, American Indian Culture and Research Journal, – 20 (2): 127–154.

³ На момент оккупации являлась старостой Индейского студенческого общества в Калифорнийском университете в Беркли.

⁴ Договор у форта Ларами от 1851 года, согласно которому, племена разрешили правительству США за компенсацию возводить на индейских территориях различные постройки, в числе которых дороги, торговые посты и форты. Второй договор у форта Ларами был заключен в 1868 году, после столкновения в 1866 году коренных американцев с военными США под Форт-Кинри. Согласно второму договору, американские военные, пойдя на уступки, согласились убрать с территории индейцев племени Лакота все форты и посты, а также вывести гарнизоны.

⁵ Occupation 1969, Alcatraz is not an island, PBS, – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.pbs.org/itvs/alcatrazisnotaniland/occupation.html>.

⁶ Американский писатель, поэт, актер, музыкант и активист про-индейских движений. В 2005 году про него был снят документальный фильм «Труделл».

член племени Блэкфут, организовал постоянную поставку продовольствия для людей, находящихся на острове¹. Оккупация Алькатраса получила настолько широкую огласку в прессе, что поддержать оккупантов на остров прибыли актриса Джейн Фонда, актеры Энтони Куинн, Марлон Брандо, Джонатан Уинтерс, фолк-исполнительница Баффи Сент-Мари и комикс Дик Грегори.

Вскоре на остров прибыл Боб Робертсон, член Республиканской партии, работающий на Национальный совет по возможностям индейцев. ЛаНада Минс представила ему проект своего гранта для индейского центра. Она пригласила его на деловой ужин, где предложила Робертсону выделить индейцам грант в размере 500 тысяч долларов на восстановление острова². Робертсон отказался выдать деньги и отвечал отказами на все предложения коренных американцев о сотрудничестве, до мая 1970 года, когда правительство начало передавать земли острова Алькатрас министерству природных ресурсов США в качестве национального парка. Уже к маю того же года правительство обесточило остров и отключило телефонную связь. В связи с этим индейцы начали постепенно покидать место оккупации. Одиннадцатого июня 1971 года последние пятнадцать коренных американцев покинули Алькатрас³.

Оккупация Алькатраса сыграла важную роль в становлении активизма коренных американцев. Именно после этого события, при поддержке вице-президента Спиро Агню, курс государства по «индейскому вопросу» стал постепенно меняться — от политики терминации к попыткам возвращения коренным американцам прав на автономию. И хотя прямые цели оккупации не были достигнуты, администрация Ричарда Никсона обратила свое внимание на создавшуюся ситуацию. Восьмого июля 1970 года президент обратился к Конгрессу США с посланием по индейскому вопросу. Именно это выступление можно назвать официальной датой начала политики самоопределения коренных американцев. Никсон отметил, что: «Можно и нужно распространять идею самоопределения среди коренных американцев без намека на возможную терминацию»⁴.

Оккупация Алькатраса стала отправной точкой для начала «активной фазы» индейского активизма. Новые акции протеста начали проходить по всей стране именно после событий на острове Алькатрас, в их числе такие крупные, как акция Тропой нарушенных договоров, последующий захват здания Бюро по делам ин-

¹ Occupation 1969, Alcatraz is not an island, PBS, – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.pbs.org/itvs/alcatrazisnotaniland/occupation.html>.

² Paul Chaar Smith and Robert Allen Warrior, Like a Hurricane: The Indian Movement from Alcatraz to Wounded Knee, – New York: The New Press, – 1996, – P. 74.

³ Occupation 1969, Alcatraz is not an island, PBS, – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.pbs.org/itvs/alcatrazisnotaniland/occupation.html>.

⁴ Nixon Richard, Special Message to the Congress on Indian Affairs, – July 8, – 1970.

дейцев 2 ноября 1972 года, захват резервации Пайн-Ридж, инцидент у Вундед-Ни и Долгая прогулка. Коренные американцы наконец-то почувствовали, что могут выражать свои интересы, выставлять условия для переговоров и влиять на общественное мнение. Следующие пять лет можно считать одним из важных периодов американской истории, впервые после Индейских войн североамериканские индейцы начали активно отстаивать свои права.

*Poghosyan Samvel Andranikovich,
Armenian State Pedagogical University
after Khachatur Abovyan, Yerevan, Doctor
of History, Docent in Chair of Armenian History
E-mail: poghosyansamvel@yahoo.com*

The solidarity of Armenian organizations in the USA and the voluntary movement during World War I

The main political organizations of the Armenian Diaspora in the United States had sharp contradictions with one another at the beginning of the 20th century. However, the World War I made the parties put aside the controversies and cooperates for the cause of saving the Armenian population of the Ottoman Empire from Genocide and liberating the homeland.

The American-Armenians were looking for methods to help their compatriots. The solidarity and cooperation between Armenian organizations became particularly evident in 1917, in organization of military groups of Armenian-American volunteers, who joined the Armenian Legion in Cyprus. One question that remains unanswered with respect to this cooperation is whether or not the idea of the endangered fatherland was powerful enough to unite the parties previously hostile to each other. What were the mechanisms of resolution of mutual controversies? Were there external factors making this cooperation possible? My paper will try to answer these questions by an analysis of documents, memoirs of public figures of the Armenian Diaspora.

During WWI 78,000 Armenians lived in the USA¹. There were seven main Armenian organizations operating there — The Armenian Apostolic Church, Armenian Evangelical Church, Armenian General Benevolent Union and four Armenian political parties (Armenian Revolutionary Federation-Dashnaksutyun, Social Democratic Hunchakian Party, Restored Hunchakian Party, Constitutional Democratic — Ram-

---

¹ Malcom V. The Armenians in America. – Boston, – 1919, – P. 65.

kavar Party). All organizations had sharp contradictions with one another. There were especially political parties who had serious mutual disagreements, which sometimes reached extreme forms of enmity and confrontation.

After the beginning of the World War I, the public and political organizations in all countries started to put their disagreements aside and consolidate around the main objective that is, supporting their endangered fatherland. There were such processes which were also formed among the American-Armenians with the purpose to support Western Armenians in the fight of liberation from the Turkish rule. The American-Armenians used all possible human, material, military, and organizational resources for protection, liberation, and survival of the Western Armenians. At the same time, they were closely cooperating with American humanitarian, political, and diplomatic organizations to save their compatriots.

In the autumn of 1914, the Russian government decided to organize Armenian volunteer units to fight on the Caucasian front. As compensation, it promised Armenians self-government in the Western Armenia. The Armenians reacted positively to the offer of fighting side by side with the Russian Army as the liberation of Western Armenia was connected with its victory and advancement. The Armenian organizations in the US decided to put the disagreements aside and join forces to support the voluntary movement.

In November 1914, the “Interparty Council” was created in Boston. It was soon renamed into “American Committee of National Defense.” In 1915 the “Union for Defense National Interests” was created. In September 1915, these two organizations merged as a result of which “The Armenian Union of National Defense” was formed. The union included Social Democratic and Restored Hunchakian Parties, Ramkavar Party, Armenian General Benevolent Union, The Apostolic and Evangelical Churches¹. Only Armenian Revolutionary Federation-Dashnaktsutyun didn’t join and continued acting alone. It must be noted that Dashnaktsutyun was the most powerful Armenian party, and the majority of American-Armenians favored it.

During 1914–1915, the American-Armenians sent 800 volunteers and 342,000 dollars for the voluntary movement in the Caucasus². The volunteers reached the Caucasus mainly at their own expense. They were equipped with the latest firearms, telescopes, and field telephones; however all the equipment was confiscated in Tiflis by Russian authorities. Many volunteers became disillusioned for that reason³.

---

¹ The bulletin of Armenian National Union of America 1917–1921. – Boston, – 1922, – P. 10.

² Lazyan G. The Armenia and the Armenian Cause: Documents. Cairo, – 1946, – P. 187–188.

³ Avagyan Q. The social-political activities of American-Armenians in preceding years of Sevres Treaty//Proceedings of the Conference on Great Genocide: from judgment to compensation. – Yerevan, – 2011, – P. 54.

However, the collaboration in the United States failed soon because of disputes that resumed among Armenian Parties¹. Day after day, the news about the massacres of Armenians was arriving from Turkey. The information was sent by diplomats and missionaries of neutral countries. According to the information received, the Turkish authorities set out to annihilate all the Armenian population.

During 1915–1916, the Turkish government committed the first genocide of the 20th century. One and a half million Armenians were killed, about one million had to leave their homeland and become refugees. The murder of innocent children and women was accompanied by terrible tortures. On May 24, 1915, British, French, and Russian governments made a joint announcement, criticizing Turkish atrocities and holding the Turkish authorities responsible for organizing “a crime against humanity”. However, this announcement didn’t stop the Turkish government from the plan of destroying the Armenian race. The witness accounts of the massacres and atrocities of Armenians were published by Arnold Toynbee² and Lord James Brice³.

The greatest tragedy forced Armenians living in different parts of the world to mobilize their efforts and work for saving the Armenian deportees from the deserts of Syria and Mesopotamia and bringing them to their homeland.

The American-Armenians were searching methods to help their compatriots. On October 21–22, 1916, by efforts of the Armenian community and by decision of the US president Woodrow Wilson and the Senate “The Day of Armenians” was announced in the United States. In about 400 cities, meetings and demonstrations were organized to condemn the violence against Armenians and to raise money for Armenian deportees. The Americans collected about 30 million dollars for Christian Armenians persecuted at the hands of the Turkish government.

The solidarity and cooperation among the Armenian organizations became particularly evident at the beginning of 1917 in organization of military groups of Armenian-American volunteers, who joined the Armenian Legion in Cyprus to liberate Cilicia.

In autumn 1916, France decided to organize an Armenian voluntary Legion in Cyprus which had to fight under the French flag to liberate Cilicia. On May 16, 1916, France, Great Britain, and Russia, signed Sykes-Picot secret agreement about dismemberment of the Ottoman Empire. According to the agreement, after the war France was to gain Syria, Cilicia and southern and western parts of Western Armenia. France didn’t have enough forces in the East to occupy the mentioned territories and therefore decided to form voluntary forces from Armenians and Syrians.

---

¹ Damadyan M. From my memories. – Beirut, – 1985, – P. 113.

² Toynbee A. The Armenian Atrocities: The Murder of a Nation. – London, – 1915.

³ Bryce J. The Treatment of Armenians in the Ottoman Empire: 1915–1916. – London, – 1916.

French authorities reached an agreement with Boghos Nubar Pasha, the representative of Western Armenians and the head of the Armenian National Delegation, on organization of the Armenian Legion. France promised to give autonomy to Cilicia for the support of the Armenian volunteers. A decision was made that the recruitment of volunteers had to be organized without any public announcements, in a secret way, and that the formed military unit would be called “Eastern Legion” instead of “Armenian”, with the purpose of not giving the Turks an excuse to kill hundred of thousands of Armenian deportees in deserts of Syria and Mesopotamia. The Syrians and Lebanese were allowed to be involved in the “Eastern Legion” in a separate unit.

On December 13, 1916, Aristide Briand, the Minister of Foreign Affairs of France, informed the French ambassadors in Washington, Rio de Janeiro, Montevideo, Buenos Aires, and Caracas, about the conditions of formation the Legion. He offered to realize the voluntary movement very secretly in order not to give a reason for displeasure to neutral countries and at the same time to avoid new massacres of Armenians and Syrians in Turkey. He informed that an Armenian delegation was on its way from Egypt to America to encourage the voluntary movement¹.

The Armenian organizations of Egypt were the first who demonstrated an example of solidarity. They created the “National Union of Egypt” to support the formation of the “Armenian Legion”. The National Union of Egypt decided to send a delegation to America in order to unite the Armenian organizations there and to encourage voluntary movement of the American-Armenians. With those purpose three Armenian politicians — Mihran Damadyan (Ramkavar), Artashes Hanmyan (ARF) and Stephan Sapah-Gyulyan (Hunchakian) leaved for the United States².

In February 1917 the delegates arrived in New York. The representatives of four Armenian parties met them there. They immediately went to meet French consul in New York. Thereafter, at the proposal of the consul, went to Washington on the same day and met the French ambassador Jules Jusserand. He told the delegates that he was informed about the agreement of France with the Armenians. But he noted it was wrong to recruit volunteers for the French army at that moment, because it could irritate Americans. He advised to do it secretly until the United States declare a war on Germany. The ambassador offered to wait for some period of time and unite all the Armenians into one organization during that time. The Armenian delegates were rather disappointed from that directives but promised to follow them³.

---

¹ Beyleryan A. The Great Powers, Ottoman Empire and Armenians in French Archives (1914–1918), – vol. 1. – Yerevan, – 2005, – P. 405.

² Ibid, – P. 419.

³ Damadyan M. From my memories. – Beirut, – 1985, – P. 108–110.

The delegates went to Boston with the aim to meet the representatives of Armenian seven organizations and form a National Union as in Egypt¹.

All organizations accepted the idea of forming the National Union and supported the proposal of creation of the Armenian Legion with enthusiasm. On March 16–26, 1917, a conference of Armenian organizations took place in Boston where an agreement was reached over the principles of cooperation. Thus the Armenian National Union of America was created. On March 26, the Armenian organizations signed an agreement according to which “the Armenian National Union of America had to maintain its relationship with Armenian National Union of Egypt and coordinate its activities in course with the general direction of the National Delegation, and be in regular contact with it. At the same time the Union would be recognized as the representative of the National Delegation in the USA”².

In fact it was important for the cause of unification of the Armenian organizations that all of them accepted the authority and adopted the guidelines of the Armenian National Delegation’s president Boghos Nubar Pasha.

Each of seven members of the National Union’s executive board was from one organization. Mihran Svazlyan was elected as a chairman. 187 branches of the National Union were formed in the United States. Its main goals were formulated as follows: “Liberation of Armenia, the voluntary movement for Cilicia, restoration of Armenia, immediate relief of the refugees, diplomatic action, and pro-Armenian propaganda”³.

The formation of the Legion was one of the rare occasions for the Armenian political parties when they demonstrated solidarity and became consolidated around one goal. The recruitment of volunteers became a nationwide affair.

In his memories American-Armenian volunteer Minas Tataryan described the spirit and motives of the young American-Armenians as follows: “The horrible information about the Armenian massacres and deportations during the World War organized by the Turkish government shocked and moved the hearts of Armenians abroad. The righteous rage of revenge reached its zenith in the soul of every Armenian. There were young migrants under the free sky of the New World on the far coasts of the Atlantic Ocean who had left their native homes and lands, nostalgic for their homeland. They lived safely, but when the first news about stubbing, deportations, and massacres of their relatives reached America, these young men put aside the safe life of America, ignored the material interests that might be brought by the war, came together with the purpose to get to the frontiers of

---

¹ Damadyan M. From my memories. – Beirut, – 1985, – P. 110.

² Ibid, – P. 113.

³ Ibid, – P. 114.

the native land as soon as possible and undermine the Turks' big plan of total annihilation of Armenians"¹.

One of the volunteers, Tigran Boyajyan, also confirmed that the number of joining volunteers was beyond of all expectations as thousands of Armenians were willing to go to the battlefield to revenge for their blood relatives².

The National Union started raising funds and called on to American-Armenians to volunteer once the United States entered the war in April 1917. Till July, the Egyptian-Armenian delegates visited the Armenian communities in the United States and had a great success in recruiting volunteers and raising funds. In a short period of time, 5,000 Armenian volunteers signed up for the cause³.

On May 14, 1917, Mihran Damadyan telegraphed to Boghos Nubar that 5,000 Armenians wanted to become volunteers and about 1,000 more were already ready to leave. He also mentioned that there was little support from the French representatives and asked to take measures for safe transportation of volunteers in groups of 500–1,000 people⁴. The volunteers were transported in cargo ships with about 70–80 people in each. Thereafter, when in France, they were transported from the port of Bordeaux to Marseilles by train, and from there to Port Said in Egypt and then to Cyprus by ships.

France couldn't contribute with a needed quantity of ships to transfer thousands of Armenians gathered in New York. Though, the National Union and National Delegation applied for many times to the French ambassador in the USA and the Ministry of Foreign Affairs of France to give a warship, but to no avail. Later, the main part of the Armenian volunteers joined, in despair, the American volunteers leaving for the French front⁵.

The first group of volunteers leaved from America on June 9, 1917, and the last, on November 3. Because of absence of the required quantity of ships, from June till November, only 1,700 Armenian volunteers were transported from America⁶. On March 9, 1918, George Picot informed his government from Cairo that about 4,000 American-Armenians were tired from waiting and therefore they joined the US army⁷.

---

¹ Tataryan M. The volunteer's memories. – Antilias, – 1960, – P. 7.

² Boyajyan T. The Armenian Legion. – Boston, – 1965, – P. 37–38.

³ Garamanukyan A. The Armenian Legion under light of historical, legal and political questions and documents. – Beirut, – 1974, – P. 74.

⁴ Beyleryan A. The Great Powers, Ottoman Empire and Armenians in French Archives (1914–1918), – vol. 1. – Yerevan, – 2005, – P. 469.

⁵ Damadyan M. From my memories. – Beirut, – 1985, – P. 115.

⁶ Lazyan G. The Armenia and the Armenian Cause: Documents. Cairo, – 1946, – P. 191.

⁷ Garamanukyan A. The Armenian Legion under light of historical, legal and political questions and documents. – Beirut, – 1974, – P. 77.

The Armenian Legion's second battalion was formed from American-Armenian volunteers. It had an important participation in the battle of Arara at the Palestine front on September 19, 1918. Then it took part in liberating Palestine, Lebanon, Syria, and Cilicia.

As we saw, the Armenian community of the United States showed solidarity for supporting their homeland during World War I. The voluntary movement for the Caucasian front inspired the American-Armenians because they hoped to see Armenia liberated from the Turkish yoke. The American-Armenians were more active in the process of formation of the Armenian Legion, because apart from the cause of liberating Armenia, they had a feeling of revenge for one and half million compatriots. The role of National Delegation's president Boghos Nubar was important as his authority was accepted by all Western and Diasporas Armenians.

The course of events showed that the cause of saving Armenia and endangered compatriots forced all Armenian social-political organizations to put aside the controversies they had before and cooperate for solving national problems.

References:

1. Avagyan Q. The social-political activities of American-Armenians in preceding years of Sevres Treaty//Proceedings of the Conference on Great Genocide: from judgment to compensation. – Yerevan, – 2011 (in Armenian).
2. Beyleryan A. The Great Powers, Ottoman Empire and Armenians in French Archives (1914–1918), – vol. 1. – Yerevan, – 2005 (in Armenian).
3. Boyajyan T. The Armenian Legion. – Boston, – 1965 (in Armenian).
4. Bryce J. The Treatment of Armenians in the Ottoman Empire: 1915–1916. – London, – 1916.
5. Damadyan M. From my memories. – Beirut, – 1985 (in Armenian).
6. Garamanukyan A. The Armenian Legion under light of historical, legal and political questions and documents. – Beirut, – 1974 (in Armenian).
7. Lazyan G. The Armenia and the Armenian Cause: Documents. – Cairo, – 1946 (in Armenian).
8. Malcom V. The Armenians in America. – Boston, – 1919.
9. Tataryan M. The volunteer's memories. – Antilias, – 1960 (in Armenian).
10. The bulletin of Armenian National Union of America 1917–1921. – Boston, – 1922 (in Armenian).
11. Toynbee A. The Armenian Atrocities: The Murder of a Nation. – London, – 1915.

*Prischepa Tetyana Mukolaevna,
Taras Shevchenko National University of Kyiv,
postgraduate student, the Faculty of History
E-mail: Prischepa_Tania@ukr.net*

The professional education of the Bulgarian young people in Kyiv University of St. Vladimir (II half of the XIX century)

*Прищепна Тетяна Миколаївна,
Київський національний університет
імені Тараса Шевченка, аспірант, історичний факультет
E-mail: Prischepa_Tania@ukr.net*

Професійна підготовка болгарської молоді в Київському університеті Святого Володимира (др. пол. XIX ст.)

Питання підготовки болгарських студентів у вищих навчальних закладах Російської імперії й на сьогодні залишається мало досліджуваною проблемою. В історіографії зазначена проблематика досліджується переважно в загальному напрямку українсько-болгарських або російсько-болгарських культурних, наукових зв'язків¹. Павлюченко О. досліджуючи суспільні зв'язки українсько-балканських народів, значну увагу приділяє питанню навчання балканських студентів в українських духовних навчальних закладах². Про значну роль Києва у підготовці болгарських студентів зазначають дослідники Шевченко Ф.³, Танчев І.⁴, Саган Г.⁵ Варто зазначити, що слов'яни з Балкан зустрічаються в українських навчальних закладах починаючи з др. пол. XVIII ст., проте свого апогею даний процес досягнув вже у XIX ст.

Питання професійної підготовки болгар постало після завершення російсько-турецької війни 1877–1878 рр. Саме тоді відбувається процес відродження

¹ Сохань П. С. Очерки истории украинско-болгарских связей. – К.: «Наукова думка», – 1984. – 288 с.

² Павлюченко О. В. Україна в югословянських суспільних зв'язках (др. пол. XIX-поч. XX ст.) – К., – 1992. – с. 205.

³ Шевченко Ф. П. Роль Києва в міжслов'янських зв'язках у XVII–XVIII ст. – К., – 1963. – с. 30.

⁴ Танчев И. Българската държава и учението на българи в чужбина. – София, Академично издателство «Марин Дринов», – 1994. – 217 с.

⁵ Саган Г. Навчання югослов'ян у Київській духовній академії (1900–1918 рр.) //Українське релігієзнавство. – 2008. – № 45. – С. 115–127.

болгарської державності та постає питання формування нового болгарського державного та адміністративного апарату. Оскільки власних начальних закладів на території Болгарії не було, то основними осередками навчання болгар постали освітні установи Російської імперії¹.

Значна частина тогочасних імперських наукових осередків знаходилася на території України. Саме тому, значну кількість болгарської молоді направляли на навчання до українських закладів освіти. Слід зауважити, що серед середніх навчальних закладів тогочасної України були такі, які призначалися лише для болгар та для південних слов'ян в цілому — Болгарська гімназія та Південнослов'янський пансіон при Миколаївській гімназії. Також болгари навчалися в київській Фундукліївській гімназії, в одеській Маринській гімназії, в Кременчужському технічному залізничному училищі, в реальних училищах Одеси, Миколаєва, в духовних семінаріях та ін².

Підготовка болгарської молоді в українських навчальних закладах не зупинялася і в роки розриву російсько-болгарських дипломатичних відносин. Кількість болгарських студентів у всі роки була досить таки значною. Так, в 1892 р. тільки в Київському університеті Св. Володимира навчався 21 болгарський студент³.

У др. пол. XIX ст. важливим науковим центром підготовки болгарських національних кадрів став Київський університет Святого Володимира. Крім того, університет був своєрідним центром славістики і культурних зв'язків з Болгарією.

Щодо питання прийому болгар до лав університету варто зазначити, що тут були встановлені окремі вимоги. Так, в університетському оголошенні про вступ студентів в 1882 р. окремим пунктом зазначалися вимоги для абітурієнтів з південнослов'янських країн. Для вступу в університет вихованці гімназій слов'янських країн зобов'язувались скласти додаткові іспити з тих предметів, які викладалися в гімназіях Російської імперії. Якщо ж такі іспити не складали, то зарахування до університету було можливим у якості вільних слухачів. Після закінчення університетського курсу вільні слухачі не мали права залишатися на службу в межах Російської імперії й отримували свідоцтва лише про те, які предмети вони прослухали. На правах студентів до університету зараховувались болгари, які закінчили навчальний курс в російських реальних училищах або ж духовних семінаріях. Такі абітурієнти не складали додаткових іспитів. Вихованці духовних семінарій зараховувались на всі факультети університету,

¹ Улуян А. Россия и освобождение Болгарии от турецкого ига: 1877–1878 гг. – М., – 1994. – с. 192.

² Сохань П. С. Очерки истории украинско-болгарских связей. – К.: «Наукова думка», – 1984. – с. 164.

³ Там само, – С. 165.

а випускники реальних училищ лише на математичний та медичний. Крім цього, були випадки, коли необхідно було складати й іспит з російської мови, щоб остаточно перевірити готовність майбутнього студента розуміння мови, на якій ведеться навчання¹.

До основних документів, які зобов'язувались подати іноземні абітурієнти, належали атестат про закінчення гімназії або свідоцтво про складання іспитів із предметів повного гімназійного курсу, метричне свідоцтво про народження, свідоцтво прописки по звільненню від військової повинності та документ, який засвідчує походження особи².

Крім студентів та вільних слухачів, до університету могли вступати у якості сторонніх слухачів. Зарахування до цієї групи відбувалося із розпорядження ректора. Обов'язковою була згода кожного професора, лекції якого бажали відвідувати. В сторонні слухачі приймали осіб, які мали свідоцтва або атестати зрілості. У випадку успішного складання курсового іспиту сторонні слухачі могли бути зараховані на другий університетський курс. Слід зазначити, що сторонні слухачі відвідували лекції за окрему плату, яку вони вносили в університетську касу. Так, на початку кожного півріччя вони сплачували 20 руб. за відвідування всіх предметів або ж 1,5 руб. за кожний окремо обраний предмет. Оплата здійснювалася після отримання спеціального білету, який видавався для входу в університет. Сторонні слухачі не звільнялися від плати за відвідування лекцій та не мали права вимагати від університету будь-які грошові пільги (стипендії). Після прослуховування повного курсу одного із факультетів, видавали спеціальні свідоцтва, які засвідчували перебування даної особи в університеті. За кожне свідоцтво вносилася плата в розмірі 1 руб., яка йшла на користь студентського відділу університетської бібліотеки³.

Питанням направлення болгарських студентів на навчання до Російської імперії займалося відповідне Дипломатичне Агентство в Софії. Крім того, імперською Комісією з питань навчання в Російській імперії південних слов'ян були розроблені спеціальні правила (24.04.1897 р.). В правилах йшла мова про надання імперським урядом стипендій південним слов'янам. Проте, після закінчення навчання такі студенти не мали права отримати державну роботу на території імперії й зобов'язувалися повернутися на батьківщину⁴. Варто зазначити, що до появи даних правил, відповідні правила прийому південних слов'ян визначалися Уставами навчальних установ.

¹ Державний архів міста Києва, – ф. 16, оп. 321, спр. 136, 3 арк.

² Там само, 4 арк.

³ Там само, – ф. 16, – оп. 369, – спр. 31, 16 арк.

⁴ Центральний державний історичний архів України, м. Київ, – ф. 711, – оп. 3, – спр. 2576, 2 арк.

Відповідні заходи щодо направлення молоді на навчання за кордон проводили й в самій Болгарії. Так, за десять днів до завершення діяльності Тимчасового російського управління, проф. М. Дринов зумів провести відсутні зміни у питанні забезпечення підтримки болгарських студентів за кордоном. На початку лютого 1881 р. вийшли перші правила стипендій для болгар, які навчалися за кордоном¹.

Стипендіати Князівства Болгарія, які навчалися в Київському університеті отримували стипендію, яку визначало болгарське Міністерство освіти. Так, болгарин Вітанов (Досю, Досі) Константинов після закінчення Габровського реального училища навчався в Київському університеті протягом 1884–1890 рр. на медичному факультеті й отримував стипендію в розмірі 1500–1608 левів (на рік). Георгієв Стайчо Г. протягом 1883 р. навчався на медичному факультеті, отримуючи стипендію у розмірі 1600 левів². Кабакчієв Петро у 1884–1888 рр. здобував освіту на фізико-математичному факультеті, отримуючи 1200 левів³.

Цікавим є факт отримання одноразової фінансової допомоги від болгарської держави тими студентами, які навчалися в Київському університеті за власний рахунок. Так, Белінов Стоян Іванов, навчаючись на медичному факультеті Київського університету, у 1892 р. отримав грошову допомогу у сумі 250 левів. Після завершення навчання повернувся до Болгарії й працював лікарем.

Перебуваючи на навчанні в Київському університеті за власний рахунок, болгари досить часто просили фінансову допомогу з батьківщини. Так, у 1893 р. сторонній слухач медичного факультету Стефан Петрович Попов просив надати йому відповідне посвідчення для представлення його в болгарське Міністерство Народної освіти аби отримати фінансову допомогу. Після завершення навчання в університеті Св. Володимира у 1897 р. Попов С. П. здобув ступінь лікаря й працював військовим лікарем у 18-му піхотному полку м. Тирново⁴. Кар'єру військового лікаря після закінчення в 1898 р. медичного факультету Київського університету розпочав й Павел Парушевич Христов. 31 жовтня 1898 р. він отримав ступінь лікаря й повернувся до Болгарії, де продовжив медичну справу на посаді військового лікаря 19-го піхотного Шуменського полку⁵.

Київський університет Св. Володимира відіграв значну роль у формуванні майбутнього професійного потенціалу болгарської держави. Провідним вченим-медиком, суспільним та культурним діячем Князівства Болгарії став Рачо Анге-

¹ Манафова Р. Интелигенция с европейски измерения (1878–1912). – София, – 1994. – с. 28.

² Шевченко Ф. П. Роль Києва в міжслов'янських зв'язках у XVII–XVIII ст. – К., – 1963. – с. 115.

³ Танчев И. Българската държава и учението на българи в чужбина. – София, Академично издателство «Марин Дринов», – 1994. – с. 114–119.

⁴ Державний архів міста Києва, – ф. 16, – оп. 369, – спр. 2, 187–189 арк.

⁵ Там само, – ф. 16, – оп. 369, – спр. 2, 155 арк.

лов, який протягом 1891–1896 рр. навчався на медичному факультеті Київського університету. В майбутньому він став першим міністром охорони здоров'я уряду Вітчизняного фронту. Провідний болгарський суспільний діяч та медик В. Т. Константінов закінчив медичний факультет Київського університету в 1890 р¹. В університеті Св. Володимира він навчався на правах сторонніх слухачів й вносив відповідну плату за відвідування лекцій. Так, у др. пол. 1885 р. він сплатив 20 руб. за 8 обраних предметів (анатомія, зоологія, фізика, ботаніка, хімія, гістологія, богослов'я, мінералогія) та одне практичне заняття².

Отже, можемо говорити, що навчання болгар в Університеті Святого Володимира було одним із напрямків загальноприйнятого імперського курсу щодо питання допомоги у становленні болгарської державності. Відповідні заходи можемо зустріти у діяльності Тимчасового російського управління, яке, завдяки діяльності проф. М. Дринова, приділяло значну увагу підготовці болгарських національних кадрів. Навчальний процес болгар в Київському університеті не був звичайним процесом й контролювався з обох сторін. Відбувалися щорічні звіти, які відправлялися до Київського учбового округу та до болгарського Міністерства освіти. Отримавши освіту в Києві, болгарські випускники поверталися на батьківщину й активно залучалися до роботи в державній сфері управління, до адміністративної діяльності та до військової організації краю.

Список літератури:

1. Державний архів міста Києва, – ф. 16, оп. 321, спр. 136, 3 арк.; ф. 16, оп. 321, спр. 136, 4 арк.; ф. 16, оп. 369, спр. 31, 16 арк.; ф. 16, оп. 369, спр. 24, 74 арк.; ф. 16, оп. 369, спр. 2, 187–189 арк.
2. Куцаров П. О некоторых аспектах влияния России в Болгарии в период 1879–1886 гг. //Болгария и Россия. К 125-летию русско-турецкой войны 1877–1878 гг. – М., – 2006. – С. 134–140.
3. Манафова Р. Интеллигенция с европейски измерения (1878–1912). – София, – 1994. – 317 с.
4. Павлюченко О. В. Україна в югословянських суспільних зв'язках (др. пол. XIX-поч. XX ст.) – К., – 1992. – С. 205.
5. Саган Г. Навчання югослов'ян у Київській духовній академії (1900–1918 рр.)// Українське релігієзнавство. – 2008. – № 45. – С. 115–127.
6. Сохань П. С. Очерки истории украинско-болгарских связей. – К.: «Наукова думка», – 1984. – 288 с.

---

¹ Сохань П. С. Очерки истории украинско-болгарских связей. – К.: «Наукова думка», – 1984. – с. 165.

² Державний архів міста Києва, – ф. 16, оп. 369, спр. 24, 74 арк.

7. Танчев И. Българската държава и учението на българи в чужбина. – София, Академично издателство «Марин Дринов», – 1994. – 217 с.
8. Улунян А. Россия и освобождение Болгарии от турецкого ига: 1877–1878 гг. – М., – 1994.
9. Центральний державний історичний архів України, – м. Київ, – ф. 711, оп. 3, спр. 2576, 2–3 арк.
10. Шевченко Ф. П. Роль Києва в міжслов'янських зв'язках у XVII–XVIII ст. – К., – 1963. – с. 30.

*Shchegolikhina Svetlana Nickolaevna,
Russian State Pedagogical University,
Associate Professor, General History Department,
The Faculty of Social Sciences
E-mail: sveta.shc@mail.ru*

The legal framework and the American notion of fairness in negotiations to end the Vietnam war

*Щеголихина Светлана Николаевна,
Российский Государственный педагогический
университет им. А. И. Герцена, Доцент кафедры
всеобщей истории, факультет социальных наук
E-mail: sveta.shc@mail.ru*

Правовые основы и американское понятие справедливости в переговорах об окончании войны во Вьетнаме

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 14–18–00390) в Российском государственном педагогическом университете им. А. И. Герцена.

Вопрос о прекращении войны основывается на условиях ее начала, на тех целях, которые собирались достичь в результате военного конфликта. Расплывчатые дефиниции «установить справедливость», «оказать помощь в наведении порядка» при принятии решения о вмешательстве во внутренние дела Вьетнама, звучавшие с американской стороны при Д. Кеннеди, Л. Джонсоне сыграли злую шутку с президентом Р. Никсоном — было чрезвычайно сложно определить параметры заключения мира, при этом стараясь не нарушить международное за-

конодательство и «сохранить лицо» США. Дополнительную трудность создавал статус пребывания американских войск на территории Вьетнама — режим Нго Динь Дьема, по приглашению которого в страну прибывали сначала военные советники, а потом все более значительные американские вооруженные силы, уже не существовал; война официально так и не была объявлена.

То есть объективных правовых основ урегулирования конфликта не было. Понятие же «справедливого порядка» слишком разнились у вьетнамской стороны (представителей Севера и Юга) и американских представителей.

Начиная переговоры с северовьетнамскими представителями, первоначально американские официальные лица намеревались просто потянуть время. Однако, вскоре выяснилось, что время работает против них и последующая политика имела характер импровизации. Тому есть, по крайней мере, три доказательства. Во-первых, довольно-таки случайный подбор кадров в группу переговорщиков. Это не были профессиональные дипломаты, знакомые со всеми нюансами сложного переговорного процесса, когда даже простой перевод документа или выступления имеет существенное значение; иногда привлекались просто чиновники, не владеющие информацией (например Г. МакГоверн), что лишь ухудшало ситуацию. Второе — во время переговоров велась даже не двойная-тройная, а многосторонняя политическая игра — официальные переговоры, секретные переговоры, руководство текущими военными действиями, собственная внутренняя ситуация (год выборов), и т. п. — все это требовало особой ловкости, особого чутья в понимании ситуации и просчета ходов. Но президент и его ближайшие соратники (прежде всего Г. Киссинджер, который не забывал упоминать, что он профессор Гарвардского университета и точно знает, что необходимо делать) в очень значительной степени полагались на личные отношения, но не на профессиональные мнения. В — третьих, американская сторона намеревалась обсуждать ситуацию «в целом», не деля ее на военные, политические, идеологические, социальные, экономические и др. проблемы, не понимая (или делая вид, что не понимают), что в подобном случае переговоры могут продолжаться до бесконечности, безо всякой надежды на более или менее плодотворное решение. По своему характеру вьетнамская война была антиколониальной, революционной (гражданской), частью глобальной холодной войны, войной за модернизацию и в то же самое время за сохранение старых вьетнамских традиций. По составу участников это была война между вьетнамцами и иностранцами, между богатыми и бедными, между различными религиозными и идеологическими группами, между трайбами и основным населением. По методам ведения войны это была конвенциональная война, партизанская война, психологическая война, современная и одновременно традиционная. По правовой основе это была не провозглашения война, отдельные фазы которой заканчивались заключением официальных, международнопризнанных соглашений. Таким образом, решение одной проблемы, победа

или поражение в одном типе ситуации не означало прекращение войны и, следовательно, возможности дать ей оценку с позиции победы или поражения.

Быстрая смена де-американизации, ре-американизации, вьетнамизации войны имела последствием потерю уверенности США в своей позиции и консолидацию сил северного Вьетнама. Следовательно, ослабление и падение южного Вьетнама стало делом времени, и политика администрации Р. Никсона лишь ускорила этот процесс¹. В этой ситуации северовьетнамские представители получили дополнительную возможность настаивать на своих условиях.

Помимо разного понимания природы решаемых вопросов, ситуацию урегулирования проблемы осложняло взаимное недоверие и накопившиеся претензии друг к другу, основанные на обвинениях в нарушении как международных правовых норм, так и моральных принципов. Ни та, ни другая сторона не обольщались в отношении намерений своих оппонентов. Так, на пресс-конференции уже 24 марта 1972 года на первый же вопрос, касавшийся продвижения Парижских переговоров, Р. Никсон, не задумываясь, ответил, что северовьетнамские представители относятся к ним несерьезно, используя переговоры лишь для пропаганды². В то же самое время, когда велись переговоры о прекращении военных действий, эскалация конфликта стала расширяться территориально, приводя все к более запутанному клубку проблем и, что более важно, к еще большему числу жертв. В памфлете, выпущенном активистами американского антивоенного движения в июне 1972 года, говорится о 6 миллионах погибших за период с 1969 по 1972 гг., о «бульдозерной» политике, проводимой в Индокитае и т. п.³ Когда же во время Парижской конференции северовьетнамской стороне были предъявлены цветные снимки перемещения войск в джунгли южного Вьетнама, Ле Дык Тхо только рассмеялся и заявил, что все леса похожи, перемещаются какие-то солдаты в форме северовьетнамской армии, но «... вы так и не раскрыли, когда мы транспортировали тяжелые орудия и танки в Сайгон»⁴.

Заключенные в Париже договоренности касались вопроса прекращения огня и вывода американских войск с территории Вьетнама. То есть с точки зрения между-

---

¹ Berman L. No Peace, No Honor: Nixon, Kissinger, and Betrayal in Vietnam. – N. Y., – 2002. – P. 107.

² Richard Nixon Press Conference 3/24/1972. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://archive.org/details/nixon-03-24-1972>

³ Six million victims : documented source material on the human cost of the Indochina war under the Nixon administration, January 1, 1969 to June 30, 1972. Indochina peace campaign. Project Air War. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://archive.org/details/SixMillionVictimsDocumentedSourceMaterialOnTheHumanCostOfThe>

⁴ Untold stories from the sidelines of the Paris Peace Talks. January 30, 2013//Vietnam breaking news. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.vietnambreakingnews.com/2013/01/untold-stories-from-the-sidelines-of-the-paris-peace-talks/>

народного права, ни о каком мирном договоре речи не шло, как из-за ограниченности решенного вопроса, так и с точки зрения того, что США и Вьетнам официально не находились в состоянии войны (ни согласно положению статьи 1 конвенции «Об открытии военных действий» (Гаага, 1907 г.), ни гл. 7 Устава ООН). Поэтому более существенной для обеих сторон стала проблема доказательства своей правоты, стремления к справедливому порядку.

Неопределенность ситуации, расплывчатость положений парижский соглашения 1973 г. обеспечили основу для манипулирования. Неудивительно, что сразу же после подписания ограниченного соглашения началась деятельность по формированию необходимого восприятия произошедшего в обществе. И вновь проявилась разница позиций, во многом связанная с как с общим пониманием ситуации, так и с разницей мировоззрения, в частности взглядов на справедливые основы мирной жизни. С точки зрения западного общества, с подписанием договора война заканчивается, и утверждение «мы делали правильные вещи» выходит на первый план, обеспечивая восстановление общества после войны. В восточном обществе договор имеет меньшее значение, чем объективная возможность жить в согласии с собой, общиной, обществом¹. Поэтому нерешенные вопросы национальной идентичности, национальной включенности в общемировой процесс, национального самоопределения давали вьетнамцам повод говорить о продолжении «справедливой войны», но о мире речи не шло. Показательны в этом отношении два факта. Первый: на первой странице номера «Нью-Йорк таймс» от 24 января 1973 года были размещены две статьи. В одной из них приводились слова президента Р. Никсона об «окончании войны и установлении честно мира во Вьетнаме и Юго-Восточной Азии». В соседнем столбце приводилось мнение президента Нгуена Ван Тхьеу, считавшего, что подписанные соглашения касались только режима прекращения огня, но «не гарантировали стабильного долговременного мира»². Балансирование администрации президента на грани права и стремления удержать доверие общества подтверждается тем, что одновременно с выступлением по телевидению об установлении мирного порядка с регионе, американские политики через посла во Вьетнаме Е. Банкера передают Нгуену

---

¹ Burchett W. Vietnam: Inside Story of the Guerilla War. – N. Y., – 1965. – P. 172; Lamb D. Vietnam, Now: A Reporter Return. – N. Y., – 2002. – P. 61.

² «Vietnam Accord is Reached; Cease-Fire Begins Saturday; P.O.W.'s to be Free in 60 Days». By Bernard Gwertzman//New York Times. – 1973. January 24. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.nytimes.com/learning/general/onthisday/big/0123.html> ; «Thieu is Cautious; Says the Agreement Doesn't Guarantee Lasting Peace» By Sylvan Fox.//New York Times. – 1973. January 24. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://query.nytimes.com/gst/abstract.html?res=9901EEDB1531EF34BC4C51DFB7668388669EDE>

Ван Тхьеу заверения о признании легитимным только его правительства и обещания помощи¹. Второй факт, скорее, знаковый, чем значимый — при вручении в том же 1973 году Нобелевской премии мира «в знак признания заслуг в связи с перемирием во Вьетнаме», Г. Киссинджер принимает ее, а Ле Дык Тхо отказывается с объяснением, что перемирие нарушено².

Таким образом, нелогичное американское начало войны во Вьетнаме закончилось так же непонятно и нелогично как с правовой точки зрения, так и с позиции правоты и справедливости. Историки-постмодернисты утверждают, что явление можно правильно понять только тогда, когда события будут названы своими именами³. Отношение к окончанию войны во Вьетнаме претерпело изменения в США, спровоцированные как трансформацией самого общества, так и целенаправленной государственной политикой. Первоначальное восприятие — фиаско похуже Кореи (последняя хотя бы наполовину осталась не коммунистической), сменилось на фразу «выиграли войну, но проиграли мир», «война закончилась предательством», а потом на еще более замысловатое: «доказали свою состоятельность, способность защитить союзников и западные ценности». И главная проблема адекватного восприятия вьетнамского опыта заключается в том, что не удастся совместить либеральную теорию международных отношений (основанную на приоритете права) с политическим реализмом (первенство национального интереса) и набирающей с 1960-х годов силу концепцией глобального мелиоризма (основанного на понятии всеобщей справедливости).

---

¹ Foreign Relations of the United States, 1969–1976. Volume IX, Vietnam, October 1972–January 1973, Document 331. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://history.state.gov/historicaldocuments/frus1969-76v09/d331>. Еще более откровенные намерения, явно находившиеся в противоречии со словами о «честном мире для ЮВА», выясняются при анализе заседания Группы особого реагирования в Вашингтоне 24 января 1973 г. Foreign Relations of the United States, 1969–1976. Volume IX, Vietnam, October 1972–January 1973, Document 334. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://history.state.gov/historicaldocuments/frus1969-76v09/d334>

² The Nobel Peace Prize 1973. Henry Kissinger, Le Duc Tho. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.nobelprize.org/nobel_prizes/peace/laureates/1973/press.html

³ Coker Ch. Human Warfare. – N. Y., – 2001. – P. 30–31.

Section 3.

Historiography, source criticism and methods of historic research

*Bondarenko Natalia Grigoryevna,
FGAOU VPO “North-Caucasian Federal University”,
branch in Pyatigorsk, Professor Department
of History and Philosophy of Law
E-mail: 425257@mail.ru*

The history of the daily routine in historiography

*Бондаренко Наталья Григорьевна,
ФГАОУ ВПО «Северо-Кавказский федеральный
университет, филиал в г. Пятигорске,
профессор кафедры истории,
философии и педагогики
E-mail: 425257@mail.ru*

“История повседневности” в историографии

Отметим, что понятие «историография» употребляется историками в разных смыслах. Чаще всего под историографией имеют в виду ту или иную совокупность научных трудов об общественно-историческом развитии. В этом смысле говорят об историографии по истории средних веков, новой истории, отечественной истории или историографии движения декабристов, крестьянской реформы 1861 г. и т. д., подразумевая всю историческую литературу по этим сюжетам, возникшую на протяжении всей истории их изучения. В другом варианте указанного подхода под историографией имеют в виду совокупность исторических трудов, созданных в ту или иную историческую эпоху, т. е. на том или ином этапе развития исторической науки безотносительно к их тематическому содержанию (например, французская историография эпохи реставрации, русская историография периода империализма, советская историография периода Великой Отечественной войны и т. д.).

Далее, в связи с широким распространением исторических исследований, объектом изучения которых является сама историческая наука, под историографией стали понимать работы по истории исторической науки.

Изучение истории исторической науки имеет два аспекта. Первый — это общее состояние и развитие исторической науки в той или иной стране (или ряде стран) на протяжении всей ее истории или в отдельные исторические периоды. Оно направлено на выявление закономерностей и особенностей развития исторической науки, основных его этапов и направлений, присущих им теоретико-методологических основ и конкретно-исторических концепций, а также общественных условий функционирования исторической науки и ее влияния на общественную жизнь и т. д. Второй аспект сводится к изучению истории разработки отдельных проблем, т. е. историографический анализ охватывает всю совокупность исторических исследований, посвященных изучению тех или иных явлений общественно-исторического развития. Наконец, сами работы по истории исторической науки (в указанных их вариантах) становятся объектом специального изучения, и возник тип работ, которые называют историографией историографии.

В практике исторических исследований термин «историография» приобрел характер родового понятия, включающего ряд его видов: историография исследования по истории исторической науки, историография разработки отдельных исторических проблем. Целью историографического обоснования исследовательской задачи является раскрытие основных этапов и направлений, имевших место в изучении соответствующих явлений или процессов, теоретико-методологических подходов, из которых исходили представители разных направлений, источников-информационной базы и методов изучения, полученных результатов и их научной значимости в истории исследования рассматриваемой исторической реальности. На этой основе могут быть выявлены те аспекты этой реальности, которые либо не получили должного освещения либо вообще оказались вне исследовательского поля зрения¹. На их изучение и должна быть направлена постановка исследовательской задачи. Ее реализация имеет цель получение нового знания об изучаемых явлениях и процессах.

Историографическое обоснование исследовательской задачи — важнейший этап в любом историческом исследовании. Успешное решение возникающих здесь вопросов требует соблюдения общих для исторической науки принципов. Понятно, что в историографическом исследовании эти принципы имеют свою специфику проявления и связаны с решением ряда конкретных

---

¹ Бондаренко Н. Г. Принцип детерминизма в коммуникативной теории общества. Диссертация на соискание ученой степени доктора философских наук. — Ростов-на-Дону, — 2004. — С. 34–35.

методологических проблем. Если говорить об историографии повседневности, то здесь есть своя специфика.

Представители школы «Анналов», сыгравшие важную роль в развитии этого историографического направления, способствовали формированию пристального внимания к проблемам ментальности. Они анализировали поступки людей и те системы отношений, которые развиваются в повседневности, есть суть самой повседневности, а именно, форм и институтов брака и семьи, религиозных культов. Результатом стало оформление своеобразной исторической антропологии, которая по-прежнему определяет ментальность важной для себя проблематикой и изучает ее посредством анализа жестов, ритуалов, символики и т. д.

Отметим, что тенденции, заложенные представителями школы «Анналов» вполне плодотворно развивались историками-медеевистами и исследователями истории Нового времени. Изучение повседневности недавнего прошлого началась позже. И особую роль здесь сыграла Германия. Именно в этой стране начался форменный бум «истории снизу». Как об этом написала С. В. Оболенская: «В этом историческом буме видное место заняла история повседневности». Никто из ее адептов или же критиков не дал этому направлению кратко и исчерпывающего определения. Число работ по 'истории повседневности' растет год от года, характер их меняется, и общие черты, быть может, еще настоящему не выявились»¹.

«Истории повседневности» внесла в историческую науку ФРГ да в целом в историографию повседневности во-первых, это интерес к «субъективной стороне истории». Ее сторонники стремятся понять и проанализировать изменчивые восприятия, переживания, поведение людей, влияние на них общественных структур и процессов, их понимание этих структур и процессов. Этот специфический подход сближает «историю повседневности» с историей культуры и с социальной психологией. Во-вторых, это отношение к объектам исследования как к соавторам, первые подходы к так называемой «коммуникативной истории», к диалогу исследователя и исследуемого не только в смысле прямого диалога с человеком, дающим интервью, но и диалога с документами². Таким образом, многие из историков и критиков «истории снизу» признали, что это направление внесло новые импульсы в немецкую историческую науку, заставило обратиться к новым темам и проблемам. В этом смысле его влияние чувствуется во всех областях исторических исследований.

¹ Оболенская С. В. «История повседневности» в историографии ФРГ/Одиссей. Человек в истории. – М.: ИВИ РАН, – 1990. – С. 184.

² Кокка Ю. Социальная история между структурной и эмпирической историей/Thesis. – 1993. – Вып. 2. – С. 181.

Однако «история повседневности» часто вызывает весьма критическое и ироническое отношение, особенно со стороны представителей «социально-исторической науки». Они недовольны тем, чем приверженцы нового направления особенно гордятся — «демократизацией науки» — и в смысле предмета исследований, и в смысле привлечения к занятиям историей любителей, студентов и школьников. Критики упрекают «историю снизу» в том, что она таким образом «размывает» настоящую историческую науку. Между тем «историки повседневности» понимают «демократизацию науки» вовсе не как ее вульгаризацию, утрату качественных критериев, не как вытеснение профессионалов дилетантами, а главным образом как содержательное и методическое изменение смысла исследований в духе внимания к простым людям.

Кокка предупреждает, что «история повседневности» порой погружает читателя в море мелочей, возникает опасность «сужения истории до картинок из быта маленьких людей». Нельзя, говорит он, сводить историю к скрупулезному описанию подробностей, к трогательным рассказам о жизни людей «из массы». Методы «историков повседневности» годятся только для исследования малых социальных групп¹.

История повседневности в отечественной историографии представляет собой сравнительно молодое направление. В России «романтическое сопротивление» повседневности сохранялось почти до конца XX века. Однако уже в 1980-е годы возник интерес к повседневной культуре и ее моделированию.

Зато в советские годы выходило немало работ по истории быта, который отождествлялся с материальной стороной жизни: давались описания того, что ели и во что одевались жители Древней Руси; или приводились статистические данные о заработной плате, питании и жилищных условиях рабочих России на рубеже XIX – XX вв. В целом, для 1950–1960-х гг. было характерно появление трудов, в центре внимания которых находились вопросы деятельности партии по улучшению социально-бытовых условий и повышению уровня жизни населения. Но даже такой внешний подход к проблеме повседневности вооружал историков некими первичными данными о жизни «народных масс» изучаемой эпохи.

Несомненно, что весь период с конца 60-х – до начала 90-х годов XX века развитие историографии испытывала влияние различных коммунистических идеологов и лишь с началом переходного периода, когда прежние объяснительные парадигмы уже устарели, проблемное поле исторических исследований было расширено за счет тем советской повседневности².

¹ Кокка Ю. Социальная история между структурной и эмпирической историей/Thesis. – 1993. – Вып. 2. – С. 184–185.

² Шебзухова Т.А., Свинторжицкая И.А., Бондаренко Н.Г. Проблема повседневности в контексте эволюции социальной философии. European Social Science Journal. – 2013. – № 10–2 (37). – С. 9–11.

Среди проблем, наиболее часто ставящихся в исследованиях повседневности, можно выделить следующие:

- Что такое повседневная жизнь? Каковы ее основные качества, свойства и динамические процессы?
- Каким образом повседневная жизнь трансформируется в условиях современности и постсовременности? Каким образом повседневная жизнь проявляется на периферии мировой капиталистической системы? Каков вклад изучения повседневности в современный дискурс глобализации?
- Каковы основные интеллектуальные традиции в критическом исследовании повседневности? В какой степени эти традиции находятся под влиянием этнокультурного контекста их производства, существует ли возможность построения более широкой, синтетической теории?
- Каковы импликации последних исследований природы повседневности для анализа субъективности, гендера, этничности, социокультурной идентичности?
- Каковы этические и эстетические качества повседневной жизни? Являются ли они противоречащими друг другу или же пересекаются в определенных точках?
- Каким образом исследование повседневной жизни создает новый тип отношения между теорией и практикой¹?

Все эти проблемы переключаются между собой и составляют своеобразный калейдоскоп, который дает все новые и новые картины повседневности.

Список литературы:

1. Бондаренко Н. Г. Принцип детерминизма в коммуникативной теории общества. Диссертация на соискание ученой степени доктора философских наук. – Ростов-на-Дону, – 2004.
2. Кокка Ю. Социальная история между структурной и эмпирической историей/Thesis. – 1993. – Вып. 2.
3. Оболенская С. В. «История повседневности» в историографии ФРГ/Одиссей. Человек в истории. – М.: ИВИ РАН, – 1990.
4. Шебзухова Т. А., Свинторжицкая И. А., Бондаренко Н. Г. Проблема повседневности в контексте эволюции социальной философии. *European Social Science Journal*. – 2013. – № 10–2 (37).
5. Seigworth G. and Gardiner M. Rethinking Everyday Life. – In: *Journal of Cultural Studies*, – Vol. 18, – No 2\3, – 2004.

---

¹ Seigworth G. and Gardiner M. Rethinking Everyday Life. – In: *Journal of Cultural Studies*, – Vol.18, – No 2\3, – 2004. – P. 153.

*Golovina Olga Volodymyrivna,
Dnipropetrovsk State University
of Internal Affairs, Senior lecturer
of Philosophy and Political Science Department
E-mail: o.v.golovina@gmail.com*

The theoretical and methodological problems of the historiography of the Russian monarchical organizations at the beginning of the 20th century

*Головіна Ольга Володимирівна,
Дніпропетровський державний університет
внутрішніх справ, старший викладач
кафедри філософії та політології
E-mail: o.v.golovina@gmail.com*

Теоретико-методологічні проблеми історіографії російських монархічних організацій початку ХХ ст.

Історіографічні дослідження стану вивчення російських монархічних організацій початку ХХ ст. набуває особливої актуальності, що пов'язано із зростанням за експонентою кількості публікацій, присвячених ідеології та практичній діяльності цих об'єднань. У сучасній науці існує запит на узагальнення комплексу набутого історичного знання та створення історіографічних досліджень, що аналізують ступінь вивчення діяльності російських монархічних партій та організацій на початку ХХ ст. Важливе значення для історіографічного дослідження має вивчення джерельної бази теми, визначення методологічних принципів та актуальних методів дослідження, аналіз сучасного рівня наукової розробки проблематики в історіографії.

Закономірним наслідком вивчення кола проблем, пов'язаних із діяльністю правих політичних об'єднань у Російській імперії, стала публікація робіт, присвячених історіографії цієї теми¹. На цей час вийшла друком певна кількість праць, у яких розглядається як загальна проблематика, так й окремі аспекти історіографії монархічних партій та організацій у Російській імперії. Праці сучасних російських

---

¹ Чемерисский И. А. Историография право-монархических организаций (1905–1920 гг.) // Непролетарские партии России в годы буржуазно-демократических революций и в период назревания социалистической революции: материалы конференции. – М., Б. и. – 1982. – С. 66–74; Иерусалимский Ю. Ю., Кокорина Е. А. Историография черносотенно-монархического движения в 1905–1907 гг. // Вестн. Моск. ун-та. – Сер. 8, История. – 1994. – № 3. – С. 27–39.

науковців Д. В. Карпухіна, В. Г. Кічеєва, Є. М. Михайлової¹, присвячені історіографії монархічних об'єднань Російської імперії, та роботи дослідників монархічного та націоналістичного рухів С. О. Степанова, І. В. Омелянчука, Ю. І. Кірьянова, Д. А. Коцюбинського, С. М. Санькової², які при розробці власної наукової тематики зверталися до історіографічних сюжетів, свідчать про важливість історіографічних досліджень як складової та необхідній умови всебічного вивчення політичної історії Російської імперії початку ХХ ст.

Разом із тим, історіографічний аналіз показує що, незважаючи на зростаючий інтерес до різноманітних аспектів діяльності російських правих організацій в Україні та значну кількість праць, які присвячені цій тематиці, в історіографії діяльності політичних партій на території України початку ХХ ст. відсутні ґрунтовні дослідження з історіографії утворення та діяльності російських монархічних об'єднань в Україні, що мали свої особливості та специфічні риси. Таким чином, історіографія російських монархічних об'єднань в Україні досі залишається недостатньо вивченою проблемою, розв'язання якої потребує розгляду джерельної бази теми та методології дослідження.

Метою історіографічного дослідження є виявлення та комплексне вивчення історіографічних джерел з історії російських монархічних партій та організацій, науково-історіографічному аналіз дослідження історії визначених політичних об'єднань та процесу прирощування історичного знання за даною проблематикою.

Досягнення визначеної мети можливо за умов застосування сучасних теоретико-методологічних засад історіографічного дослідження, основними складовими яких є історіографічне джерелознавство та методологія історіографічного дослідження.

При проведенні дослідження з історіографії важливим питанням є класифікація історіографічних джерел. Ефективне використання і засвоєння всієї маси

¹ Карпухин Д. В. «Черная сотня»: вехи осмысления в России. – М.: Изд-во МГОУ, – 2009. – 387 с.; Кичеев В. Г. Отечественная историография помещичьих и буржуазных партий России: автореф. дис. на соискание уч. степени доктора ист. наук: спец. 07.00.09 «Историография, источниковедение и методы исторического анализа». – Улан-Удэ, – 2009. – 50 с.; Михайлова Е. М. Проблематика политической идеологии правомонархического движения начала ХХ в. в современной отечественной историографии // Вестник Чебоксарского кооперативного института. – 2008. – № 2. – С. 200–207.

² Степанов С. А. Черная сотня в России (1905–1917 гг.). – М.: ЭКСМО; Яуза, – 2005. – 583 с.; Омелянчук И. В. Черносотенное движение в Российской империи (1901–1914). – К.: МАУП, – 2007. – 744 с.; Кирьянов Ю. И. Обзор литературы о правых партиях и организациях в России в 1905–1917 гг. // Правые партии. 1905 – 1917. Документы и материалы. В 2 тт. – Т. 2: 1911–1917 гг. – М.: РОССПЭН – 1998. – С. 724–745.; Коцюбинский Д. А. Русский национализм в начале столетия: Рождение и гибель идеологии Всероссийского национального союза. – М.: РОССПЭН, – 2001. – 528 с.; Санькова С. М. Русская партия в России. Образование и деятельность Всероссийского национального союза (1908–1917). – Орёл: Изд. С. В. Зенина, 2006. – 369 с.

історіографічних джерел неможливе без її наукової класифікації та з'ясування інформаційних можливостей кожної групи.

Джерельна база досліджень з історіографії російських монархічних організацій початку ХХ ст. становить комплекс таких основних джерел:

- монографічні дослідження; колективні монографії, публікація яких була визначальною рисою історіографічного процесу 1970–1980-х рр.;
- статті з визначеної тематики;
- збірки доповідей на конференціях, присвячених актуальним проблемам політичної історії;
- підручники, навчальні посібники, курси лекцій з історії ВКП (б)– КП (б)У, історії СРСР, Російської Федерації та України, історії політичних партій;
- популярні брошури з історії монархічних об'єднань (20-ті – 30-ті рр. ХХ ст.)
- публіцистичні твори, вміщені у друкованих періодичних виданнях з актуальних політичних та суспільних питань дореволюційного періоду;
- спогади;
- історіографічні матеріали, підготовлені попередниками та сучасниками, що дозволяє визначити науковий доробок у розвитку вивчення проблематики.

Користуючись формально-функціональним критерієм класифікації історіографічних джерел, можна виділити такі їх групи: 1) узагальнюючі та монографічні дослідження; 2) матеріали наукових статей та конференцій; 3) мемуари (спогади та біографії); 4) матеріали періодики; 5) дисертації та автореферати дисертацій; 6) навчальна література: підручники, навчальні посібники, курси лекцій; 7) енциклопедії та довідкова література.

Комплексне використання усіх груп історіографічних джерел, критичний відбір інформаційного матеріалу дозволяє здійснювати дослідження російських монархічних партій та організацій, зокрема в Україні, та встановити стан розробки визначеної проблематики.

Оцінюючи історіографію діяльності монархічних об'єднань початку ХХ ст., можна визначити поступальний характер її розвитку: від кількісного накопичення фактичних знань до пошуку нових методів та підходів у дослідженні історії політичних партій. Водночас кількісне зростання наукових праць супроводжувалося певними змінами у теорії наукового пізнання та методології висвітлення історії виникнення політичних партій та організацій, зокрема монархічних.

Методологічні принципи, розроблені Г. Гегелем та К. Марксом, становили та продовжують визначати методологічну основу значної частини історичного пізнання. Об'єктивність та історизм, як фундаментальні методологічні принципи історичних досліджень, у вивченні даної проблематики означають дослідження історіографічних процесів у контексті та з урахуванням наукового, ідеологічного

та соціально-політичного становища суспільства у відповідний період. У роботах, присвячених методології історії, В. К. Якунін доводить, що відкинути принципи історизму та об'єктивності та відмовитись від застосування положень, що безпосередньо з них випливають, у сучасній історичній науці неможливо¹.

Використання загальнометодологічних принципів об'єктивності та історизму знаходить відображення у застосуванні в практиці історіографічної роботи низки дослідницьких методів, вибір яких обумовлений об'єктом історіографічного аналізу, метою та завданнями дослідження тощо.

При визначенні методологічних підстав історіографічного дослідження важливим питанням залишається класифікація методів історіографічного дослідження. За ступенем універсальності методи можна розподілити на: 1) загальнонаукові, що можуть бути застосовані із урахуванням завдань історіографічного пізнання, 2) загальноісторичні методи; 3) міждисциплінарні методи (запозичені з інших наук); 4) специфічні історіографічні методи.

У історіографічних дослідженнях використовуються такі загальнонаукові методи: історичний, логічний, актуалізація, класифікація. Окрім наведених, при проведенні історіографічного дослідження широко застосовуються загальні методи історичної науки, а саме: порівняльно-історичний, хронологічний, періодизація тощо. До методів, що належать до спеціальних методів історіографії, відносяться методи конкретного історіографічного аналізу та методи історіографічного синтезу. Вибір методів визначається предметом та задачами дослідження та обумовлений доцільністю та ефективністю їх застосування для пізнання істини. Використання різних методів у їх поєднанні на відповідних етапах дослідницької роботи, базоване на принципах наукової критики, є основою отримання нових наукових результатів.

Хронологічний метод в історіографічному дослідженні полягає у створенні послідовності історіографічних фактів як генетично пов'язаних між собою, так і тих, що повторюються. У сучасній історіографічній практиці хронологічний метод та проблемно-хронологічний, що є його різновидом, часто застосовуються у сукупності, доповнюючи один одного.

Завдяки використанню проблемно-хронологічного метода можливе дослідження розвитку історіографії діяльності монархічних партій у хронологічній послідовності із визначенням певної проблематики в межах періодів діяльності монархічних об'єднань, що дозволяє розглянути розвиток історіографії визначеної проблеми, розширення джерельної бази, прирощення історичних знань.

Серед проблем історіографії російських монархічних партій початку ХХ ст. важливе місце посідають такі теоретико-методологічні проблеми історіографії

¹ Якунін В. К., Болебрух А. Г. Методология истории: поиск новых основ // Грани. – 2000. – № 2 (10). – С. 3–10; Якунін В. К. Методология истории (в контексте историографической практики). – Днепропетровск : РВВ ДНУ, – 2012. – 70 с.

монархічних організацій в Україні початку ХХ ст. як періодизація історіографічного процесу та класифікація політичних об'єднань Російської імперії початку ХХ ст.

Періодизація історіографії діяльності монархічних організацій — дискусійна проблема сучасної історіографії політичних об'єднань. Обґрунтування періодизації історіографії проблеми є важливим етапом історіографічного дослідження. Виділення періодів та етапів не є формальним або суб'єктивним, повинно базуватися на об'єктивних критеріях, таких як зміна концепцій, залучення нових комплексів джерел, еволюції історичної науки як форми суспільної свідомості.

Методологічним проблемам дослідження політичних партій початку ХХ ст., зокрема проблемам періодизації історіографічного процесу, класифікації політичних об'єднань в Україні присвячені дослідження А. І. Павка¹, що наголошує, «теоретико-методологічні засади наукових досліджень з партійно-політичної проблематики органічно пов'язані з питанням про типологію та класифікацію політичних партій України кінця ХІХ – початку ХХ ст.»².

Узагальнивши існуючі у сучасній історичній та політичній літературі погляди на проблему з позицій новітньої методології, А. І. Павко доходить висновку, що кожний партійно-політичний напрям має внутрішню складну диференціацію та класифікація політичних партій України може бути здійснена в різних площинах, на підставі багатьох критеріїв, що взаємопов'язані та можуть доповнювати один одного³. Тому партійна типологія має дещо умовний характер.

В історіографії російських монархічних об'єднань початку ХХ ст. можна виділити коло малодосліджених та дискусійних проблем, пов'язаних з класифікацією партій: питання належності монархічних організацій до політичних партій, класифікація політичних організацій правого табору, проблема відношення організацій російських націоналістів до монархічної ідеологічної течії. Розв'язання визначних теоретико-методологічних проблем є важливою умовою подальшого дослідження діяльності російських монархічних організацій, зокрема в Україні.

Таким чином, розглянувши роботи, присвячені історіографії російських монархічних об'єднань початку ХХ ст., можна визначити, що активне дослідження історіографії російських монархічних політичних об'єднань в розпочинається у 80–90-ті рр. ХХ ст. та продовжується й дотепер. Це обумовлено актуалізацією

---

¹ Павко А. І. Політичні партії та організації в Україні наприкінці ХІХ – на початку ХХ століть: методологія, історіографія проблеми, перспективні напрямки наукових досліджень. – К. : Знання, – 2001. – 112 с.; Павко А. І. Теоретико-методологічні засади дослідження діяльності політичних партій та організацій в Україні наприкінці ХІХ – на початку ХХ століть // Укр. іст. журн. – 2001. – № 4. – С. 112–125.

² Павко А. І. Теоретико-методологічні засади дослідження діяльності політичних партій та організацій в Україні наприкінці ХІХ – на початку ХХ століть // Укр. іст. журн. – 2001. – № 4. – С. 120–121.

³ Там само, – С. 122–123.

вивчення раніше малодослідженої проблематики діяльності непролетарських, зокрема монархічних, партій та зростанням кількості історичних студій із означеної проблематики. Разом із тим, незважаючи на достатню кількість публікацій, присвячених діяльності російських монархічних об'єднань в Україні, традиція вивчення даної проблематики так й не склалась, історіографічні праці, присвячені стану дослідження російських монархічних організацій, відсутні. Сучасний стан розвитку історичного знання визначає необхідність систематизації історіографічних джерел та методологічних основ дослідження, що обумовлює особливу актуальність проведеного дослідження та дозволяє окреслити перспективи подальшого вивчення діяльності російських монархічних партій та організацій на території України на початку ХХ ст.

Список літератури:

1. Иерусалимский Ю. Ю., Кокорина Е. А. Историография черносотенно-монархического движения в 1905–1907 гг. // Вестн. Моск. ун-та. – Сер. 8, История. – 1994. – № 3. – С. 27–39.
2. Карпухин Д. В. «Черная сотня»: веки осмысления в России. – М.: Изд-во МГОУ, – 2009. – 387 с.
3. Кирьянов Ю. И. Обзор литературы о правых партиях и организациях в России в 1905–1917 гг. // Правые партии. 1905–1917. Документы и материалы. В 2 тт. – Т. 2: 1911–1917 гг. – М.: РОССПЭН – 1998. – С. 724–745.
4. Кичеев В. Г. Отечественная историография помещичьих и буржуазных партий России: автореф. дис. на соискание уч. степени доктора ист. наук: спец. 07.00.09 «Историография, источниковедение и методы исторического анализа». – Улан-Удэ, – 2009. – 50 с.
5. Коцюбинский Д. А. Русский национализм в начале столетия: Рождение и гибель идеологии Всероссийского национального союза. – М.: РОССПЭН, – 2001. – 528 с.
6. Михайлова Е. М. Проблематика политической идеологии правомонархического движения начала ХХ в. в современной отечественной историографии // Вестник Чебоксарского кооперативного института. – 2008. – № 2. – С. 200–207.
7. Омельянчук И. В Черносотенное движение в Российской империи (1901–1914). – К.: МАУП, – 2007. – 744 с.
8. Павко А. І. Політичні партії та організації в Україні наприкінці ХІХ – на початку ХХ століть: методологія, історіографія проблеми, перспективні напрямки наукових досліджень. – К.: Знання, – 2001. – 112 с.
9. Павко А. І. Теоретико-методологічні засади дослідження діяльності політичних партій та організацій в Україні наприкінці ХІХ – на початку ХХ століть // Укр. іст. журн. – 2001. – № 4. – С. 112–125.

10. Санькова С. М. Русская партия в России. Образование и деятельность Всероссийского национального союза (1908–1917). – Орёл: Изд. С. В. Зенина, – 2006. – 369 с.
11. Степанов С. А. Черная сотня в России (1905–1917 гг.). – М.: ЭКСМО; Яуза, – 2005. – 583 с.
12. Чемерисский И. А. Историография право-монархических организаций (1905 – 1920 гг.) // Непролетарские партии России в годы буржуазно-демократических революций и в период назревания социалистической революции: материалы конференции. – М., Б. и. – 1982. – С. 66–74.
13. Якунин В. К., Болебрух А. Г. Методология истории: поиск новых основ // Грані. – 2000. – № 2 (10). – С. 3–10.
14. Якунин В. К. Методология истории (в контексте историографической практики). – Днепропетровск: РВВ ДНУ, – 2012. – 70 с.

*Doroshenko Lina Vasylivna,
Taras Shevchenko National University of Kyiv,
postgraduate student, the Faculty of History
E-mail: linka_nika@mail.ru*

Ornamentation of ceramic pottery of raykovetska culture (historiography aspect)

*Дорошенко Ліна Василівна,
Київський національний університет
імені Тараса Шевченка, аспірант,
історичний факультет
E-mail: linka_nika@mail.ru*

Орнаментация керамического посуды райковецької культури (історіографічний аспект)

Для археологічних пам'яток починаючи, принаймні, від доби енеоліту найбільш масовими знахідками є рештки керамічних посудин. Саме з огляду на цю складову матеріальної культури здебільшого й визначаються культурні та хронологічні групи старожитностей, адже кераміка, особливо ліпна, є доволі консервативним елементом, який досить повільно еволюціонує. Тому на підставі різноманітних спостережень щодо цієї групи знахідок робляться висновки про культурно-територіальні та хронологічні групи, в тому числі й ранньосередньовічних пам'яток в силу того, що масив здобутого на них матеріалу складається

практично виключно з решток керамічного посуду. Стосується зазначене й пам'яток райковецької культури, ареал якої охоплює значну територію — Правобережну Україну і Закарпаття, а також суміжні області Білорусі на півночі, Молдови, Румунії і Болгарії — на південному-заході.

Зазвичай головну увагу під час вивчення керамічних посудин дослідники звертають на морфологію цих виробів, певною мірою — на технологічні аспекти й, за «залишковим принципом», оздоблення. Певні зауваження з приводу орнаментативних комплексів другої половини I тис. н. е. в принципі, та орнаментативної кераміки райковецької культури зокрема, в роботах попередників мали, здебільшого, побіжний характер. Але не зважаючи на те, що спеціального дослідження орнаментованої кераміки зазначеної групи старожитностей здійснено не було, на інформативних можливостях оздоблень посудин, нехай і принагідно, науковці все ж зупинялися. Більше того, дослідники керамічних наборів райковецької культури акцентують увагу на тому, що зміни в орнаментативній, поряд із зміною форм дозволяють використовувати орнаменти при датуванні, адже на основі спостережень над орнаментами можна визначати відносно ранні та пізні комплекси, а разом із стратиграфічними даними — виділяти періоди розвитку археологічної культури. Тому в силу вищезазначеної масовості керамічного матеріалу та інформаційного потенціалу оздоблень, якими б примітивними та незграбними вони не здавалися на перший погляд, доцільним є приділення уваги саме орнаментативній керамічних комплексів райковецької культури.

Дослідження пам'яток зазначеної культури почалося ще в XIX ст. й на сьогоднішній день відомо близько 500 пам'яток, керамічні комплекси яких в більшій чи меншій мірі вивчені. В своїх узагальнюючих працях дослідники акцентують увагу на різних елементах матеріальної культури, зупиняючись й на кераміці, зокрема на морфологічних ознаках посудин, поряд з характеристикою яких зазначаються основні риси орнаментативної, її інформативні можливості (ролі в процесі датування, визначенні хронології певних комплексів, періодизації окремих пам'яток). Дослідники намагаються прослідкувати динаміку розвитку орнаментативної кераміки культури, практично завжди прив'язуючи застосування того чи іншого орнаментального елемента до способу формовки посудини. На основі переважання деякої орнаментативної на посудинах ліпного чи гончарного виготовлення (враховуючи морфологічні ознаки) виділяються групи кераміки, співставлення яких в свою чергу слугує підставою для виділення періодів розвитку археологічної культури, пошуку генетичних зв'язків між культурами.

В літературі немає єдиного бачення датування пам'яток райковецької культури, зокрема початку її існування. Особливістю райковецької кераміки є те, що тенденція у розвитку посуду, відзначена дослідниками (ліпна, практично неорнаментована кераміка зустрічається переважно в нижніх стратиграфічних

горизонтах; в більш пізніх горизонтах — ліпна, орнаментована вдавленнями по краю вінець кераміка співіснує з ранньогончарними посудинами, при чому кількісно домінує; наступний етап відзначається домінуванням ясно оздобленої лінійно-хвилястим орнаментом гончарної кераміки), спостерігається практично на всіх пам'ятках культури різних територій. “Картина” на поселеннях наводить дослідників на думку про безперервність та поступовість розвитку ранньосередньовічної слов'янської кераміки переддавньоруського часу. Проте етапи розвитку кераміки типу Луки-Райковецької інтерпретуються по-різному. Зокрема немає єдності у визначенні місця орнаментованого ліпного посуду, своєрідність і виразність якого дозволила дослідникам побачити в ньому деякий етап у розвитку східнослов'янської археологічної культури, обґрунтованість чого підкріплюється стратиграфічними спостереженнями. Дехто вбачає в цих комплексах самостійний етап розвитку слов'янської культури — сахнівський чи сахнівсько-волинцевський тип, дехто — ранню фазу райковецької культури, що є сполучною ланкою між нею та празько-корчацькими//пеньківськими старожитностями.

Однією з перших звернула увагу на керамічні комплекси з орнаментом по вінцях у вигляді ямок, насічок І. П. Русанова. Вона такі комплекси розглядає як перехідний етап (VII–VIII ст.) між корчацькою та райковецькою культурами. Наголошуючи на поступовості й безперервному розвитку від кераміки типу Корчак до посуду типу Луки-Райковецької¹. Дослідниця на основі аналізу кераміки виділяє основні етапи існування культури: ранній представлений лише ліпними посудинами (в комплексах з корчацькою керамікою інколи трапляються посудини, прикрашені наліпним валиком, характерним є орнамент у вигляді ямок, насічок по краю вінець), на підправленому на гончарному колі посуді спостерігається лінійний та хвилястий орнамент по тулубу в поєднанні з ямками по вінцях; на гончарному посуді хвилястий та лінійний орнамент покриває всю посудину і часто розташовується по горлу². Прослідковує дослідниця й деякі спільні риси в орнаментативній роменської, боршевської та райковецької культур — насічки, ямки по краю вінець, інколи хвилястий орнамент по стінках, мотузковий орнамент спостерігається лише на декількох фрагментах³.

Ліпні керамічні комплекси (VII — VIII ст.) з орнаментованим посудом відносять до ранньої фази Луки-Райковецької (в Північній Буковині) й Б. О. Тимошук.

¹ Русанова И. П. О керамике раннесредневековых памятников Верхнего и Среднего Поднепровья // Славяне и Русь. – М.: Наука, – 1968. – С. 150.

² Русанова И. П. Археологические памятники второй половины I тысячелетия н.э. на территории древлян // Советская археология. – № 4. – М.: Издательство Академии наук СССР, – 1958. – С. 40–42.

³ Русанова И. П. Славянские древности VI–IX вв. между Днепром и Западным Бугом. – М.: Наука, – 1973. – С. 14.

О. М. Приходнюк пам'ятки з ліпним орнаментованим посудом виділив у самостійний етап розвитку слов'янської культури другої половини I тис. н. е. Зокрема, кераміка з орнаментациєю у вигляді пальцевих вдавлень та насічок по краю вінець (зустрічаються й хвилясті, горизонтальні асиметричні лінії, наколи, штишки по тулубу), на думку науковця є проміжною ланкою між керамікою третьої та останньої чвертей I тис. н. е. Означені керамічні комплекси він об'єднав у сахнівський тип (кін. VII — VIII ст.). Причому дослідник зазначив, що посуд з защипами та насічками по краю вінець зустрічається і в пізніх комплексах — співіснує з примітивно-кружальними посудинами на етапі Луки-Райковецької — але в об'єктах перехідного етапу вони є найчисельнішими, й визначають характер даного керамічного посуду¹. Приходнюк виділив чисто ліпні комплекси від комплексів, що містять ліпну й ранню гончарну кераміку, яка рясно прикрашалася по тулубу горизонтальними лініями, хвилями, а край вінець — защипами, насічками. На дні сковорідок зустрічаються прокреслені хрести. Комплекси, де поєднується ліпна та ранньогончарна кераміка віднесено дослідником до власне райковецького етапу східнослов'янської археологічної культури в Середньому Подніпров'ї (IX — X ст.).

Баран знову ж таки акцентує увагу на тому, що на відміну від ліпного посуду празько-корчацької культури, переважно позбавленої будь-яких орнаментальних мотивів, ліпні посудини райковецької культури часто орнаментовані нарізками, пальцевими вдавненнями по краю вінець. Гончарні горщики рясно прикрашалися багаторядним лінійно-хвилястим орнаментом, нерідко по всьому корпусу посудини. Він відстоює думку, що празько-корчацька культура переростає в райковецьку, а сахнівку розглядає як сполучну ланку між райковецькою культурою та празько-кочацькими старожитностями у Подніпров'ї.

Історію розвитку кераміки східнослов'янського населення VIII–X ст. між Дніпром і Карпатами висвітлює Л. П. Михайлина. Дослідник, аналізуючи орнаментовану кераміку, показує залежність використання того чи іншого способу орнаментациї від способу виготовлення власне посудини, на залежності розташування, «багатства» орнаментальних елементів від того ліпна це чи гончарна посудина. Він робить акцент на тому, що орнаментация може відігравати роль «маяка» — визначника культурної належності археологічних пам'яток, до того ж може слугувати хронологічним показником.

На ранньому етапі райковецької культури домінує ліпний посуд, всі види якого часто прикрашені по вінцях пальцевими вдавненнями, защипами, ямками, насічками². В окремих випадках гребінцевими наколами або хвилястими лініями

¹ Приходнюк О. М. Археологічні пам'ятки Середнього Придніпров'я VI–IX ст. н. е. – К.: Наукова думка, – 1980. – С. 14.

² Михайлина Л. П. Слов'яни VIII–X ст. між Дніпром і Карпатами. – К.: Інститут археології НАН України, – 2007. – С. 12, 14, 27.

прикрашений корпус горщиків. Згодом, з IX ст., поширюються горщики, виготовлені на повільному гончарному крузі місцевими ремісниками, за формами близькі до ліпних та прикрашені лінійно-хвилястим орнаментом майже по всій поверхні від горловини до дна.

Дослідник вбачає генетичну спорідненість між празькою та райковецькою керамікою, і на його думку, саме поява ліпних керамічних комплексів з орнаментованим по вінцях посудом у VIII ст. свідчить про перехід від празької — до райковецької культури. До того ж він спирається на дані археомагнітного датування, які вказують на співіснування наприкінці VII – на початку VIII ст. комплексів двох видів. Одні містять лише неорнаментовані посудини, в інших — останній існує разом з посудом, прикрашеним по вінцях пальцевими вдавленнями та насічками. Стратиграфічні спостереження засвідчують, що останні є більш пізніми. Разом з тим зупиняється дослідник і на знаково-символічному аспекті орнаментативності, оскільки за твердженням автора орнаменти відображали не лише естетичні смаки, рівень культурного розвитку населення, а й мали ідеологічне навантаження. На кераміці зустрічаються символи пов'язані з язичницькими віруваннями, аграрною магією (ромбовидний, сітчастий орнамент, хрест, хвилясто-стрічковий орнамент).

Тож, особливістю ліпного посуду, що існував протягом всього VIII ст. є орнамент у вигляді пальцевих вдавлень, заціпів, косих насічок. Своєрідність і виразність ліпних керамічних комплексів дозволили дослідникам побачити в них своєрідний етап у розвитку східнослов'янської археологічної культури. Русанова, зокрема, вказує на співіснування в керамічних комплексах, орнаментованих по вінцях, рис корчацької культури і культури типу Луки Райковецької, виділяючи їх в окремий, перехідний тип від однієї культури до іншої. Б. О. Тимошук відносить ліпні керамічні комплекси з орнаментованим посудом до ранньої фази культури Луки-Райковецької¹. О. М. Приходнюк пам'ятки з ліпним орнаментованим посудом виділив у самостійний етап розвитку слов'янської культури другої половини I тис. н. е.. Означені керамічні комплекси він об'єднав у сахнівський тип. Комплекси, що містять ліпну і ранню гончарну кераміку, віднесено до райковецького етапу.

Хронологічно визначальним елементом керамічних комплексів, за спостереженням більшості дослідників, є рання гончарна кераміка, яка співіснує з ліпною. Власне в керамічних комплексах, які дослідниками відносяться до IX ст, ліпний посуд переважає над раннім гончарним давноруського типу. Б. О. Тимошук зараховує такі комплекси до пізнього етапу райковецької культури, відділяючи їх від більш ранніх чисто ліпних комплексів цієї культури, такої ж думки

---

¹ Тимошук Б. О. Слов'яни Північної Буковини V – IX ст. – К.: Наукова думка, – 1976. – С. 24–25.

притримується Я. В. Баран за матеріалами Рашків І. Така кераміка орнаментувалася горизонтальними прямими і хвилястими лініями, які покривали майже всю поверхню горщика від горловини до дна. Інколи такий орнамент виступає у поєднанні з наколами гребінцем, косими насічками чи ямками по вінцях. У деяких випадках орнамент у вигляді хвилястих ліній наносився на внутрішню сторону вінець.

Досліджено комплекси, в яких більшість належить гончарній кераміці. Поверхня горщиків цього періоду (X ст.) орнаментована від горловини до дна. Горло прикрашалася, як правило однією або двома хвилястими лініями. Нижче починалось горизонтальне рифлення, яке доходило майже до дна. По плічках поверх рифлення наносилась гребінчастим різцем смуга хвилястих ліній. Зустрічається орнамент, який являє собою лише горизонтальне рифлення, комбінації хвилястих і прямих горизонтальних ліній. З часом ця традиція вироджується, з'являється тенденція до зменшення орнаментованої площі, яка обмежується плічками або горлом посудини.

Загалом в історіографії висвітлено основні риси орнаментативної райковецької кераміки та її інформативні можливості, але детальних викладок орнаментальних мотивів, сюжетів на поселеннях здійснено не було. Практично не здійснювалася й статистична обробка орнаментованої кераміки райковецької культури. Так, це безумовно широкий масив матеріалу, але структуризація та систематизація орнаментів на кераміці другої половини I тис. н. е. з конкретних пам'яток, картографування відомих орнаментів дасть змогу виявити стійкі сполучення типів та композицій орнаментів на них. Отримана інформація, можливо надасть змогу повноцінно співставляти матеріали різних територій, виявляти взаємовпливи, зв'язки тощо.

Список літератури:

1. Михайлина А. П. Слов'яни VIII–X ст. між Дніпром і Карпатами. – К.: Інститут археології НАН України, – 2007. – 300 с.
2. Приходнюк О. М. Археологічні пам'ятки Середнього Придніпров'я VI–IX ст. н. е. – К.: Наукова думка, – 1980. – 150 с.
3. Русанова И. П. О керамике раннесредневековых памятников Верхнего и Среднего Поднепровья // Славяне и Русь. – М.: Наука, – 1968. – С. 143–150.
4. Русанова И. П. Ахеологические памятники второй половины I тысячелетия н. е. на территории древлян // Советская археология. – № 4. – М.: Издательство Академии наук СССР, – 1958. – С. 33–46.
5. Русанова И. П. Славянские древности VI–IX вв. между Днепром и Западным Бугом. – М.: Наука, – 1973. – 100 с.
6. Тимошук Б. О. Слов'яни Північної Буковини V–IX ст. – К.: Наукова думка, – 1976. – 176 с.

Section 4. European history

*Perga Iurii Mykolaiovych,
National technical University of Ukraine
“Kyiv Polytechnic Institute”
Postgraduate student, History Department
E-mail: yperga@gmail.com*

Preparation for religious revindication in Holm and Podlasie regions in 1937–38

Ukrainian-Polish relations between the two world wars — the theme is quite slippery and ambiguous. This period is characterized by a certain confrontation between the two nations and attempts to resolve it in one way or another. Because of this, accumulated a large number of mutual insults and accusations of other parties to the conflict in its launching and fueling. That is why this historical period is actively studied from various sides.

However, despite the large number of researches there are still several areas of not too studied problem. For example, the position of the Ukrainian population, compactly living in the eastern counties of Lublin region — Holm and Southern Podlasie. The said area has not been the scene of active confrontation between the Polish and Ukrainian, so the researchers does not pay much attention to this topic. At first, local scientists are actively engaged in the problem.

In the second half of the thirties, Polish state policy regarding religious national minorities suffered significant deterioration. This was due to faster evolution of Poland towards an authoritarian state. Main ideological topics of the ruling parties of this period were nationalism, Catholicism and authoritarianism. State interest clearly identified with the case of the Polish people. The national policy held the final transition from the concept of state assimilation to national assimilation.

It was believed that the state should monitor the progress of national processes and help to increase the capacity of the Polish people. Point of view according to which the most effective way to ensure social cohesion is a religious unity began to dominate.

Particularly notable was an aggravation of public policy for the Orthodox Church and the Ukrainian population of Holm and Southern Podlasie regions. At the end of January 1935, Lublin province government held a “Congress devoted to the Ukrainian minority in the Lublin province”. Except Lublin governor Jozef Ruzhnetski and officials of General Administration (county mayor, department heads Lublin province government), it was attended by representatives of troops led by Commander II Corps Area General Mieczyslaw Smoravinski.

A troops representatives offered decisive action that would aim the elimination of the Ukrainian question in Holm region. One of the members of the military at the Congress said, “In this area the state should get rid of too much damaging it and unnecessarily tolerance. In the name of its own existence (the state) should completely eliminate the problem of Ukrainian minority in the Holm region, or at least reduce it to as a secondary issue, which is the issue of Czech settlers in Volyn and German colonists in Holm county”. Another speaker spoke clearly: “Our goal is to complete the conquest of the elements of the Polish territory between the Bug and the Wieprz rivers”¹.

Governor Joseph Ruzhnetski, by the results of the Congress, acknowledged the role of the Orthodox Church as one of the most important aspects that must be considered in the policy of the state. He said, “We are committed polonization of Orthodoxy”². During this period, has not been considered a radical action that would aim to quickly and dramatically restricting the Orthodox Church in Holm and Southern Podlasie regions, attention has focused on providing it Polish character.

As presented at the congress “Guidelines for determining positions on the Ukrainian question” of 35 points was formulated detailed and long-term program elimination “issues of Ukrainian minority” in Holm and Southern Podlasie and inviting it “finally in the fold of Polish culture and the nation”³. Among them were also paragraphs that related to Orthodoxy. They mainly said about strong polonization Orthodox Church, opposition to the development of its structures and issue of not recognized by the state priests presence.

---

¹ Kuprianowicz G. Projekty “rozwiązania” kwestii ukraińskiej na Chełmszczyźnie i Podlasiu Południowym w drugiej połowie lat trzydziestych XX wieku (statтя)//Волинь і Холмщина 1938–1947 рр. Польсько-українське протистояння та його відлуння. Дослідження, документи, спогади. – Львів: Інститут українознавства НАНУ, – 2003. – С. 103.

² Kuprianowicz G. Memorial w sprawie sytuacji ukraińskiej ludności na Chełmszczyźnie/G. Kuprianowicz//Res Historica. – 1997. – Z. 1. – Lublin, – 1997. – S. 332

³ Kuprianowicz G. Projekty “rozwiązania” kwestii ukraińskiej na Chełmszczyźnie i Podlasiu Południowym w drugiej połowie lat trzydziestych XX wieku (statтя)//Волинь і Холмщина 1938–1947 рр. Польсько-українське протистояння та його відлуння. Дослідження, документи, спогади. – Львів: Інститут українознавства НАНУ, – 2003. – С. 104.

New trends in national and religious policy of the Polish state became more and more clearly manifested after the death of Marshal Jozef Pilsudski. In December 1935, government officially established the Committee on the issue of national minorities, which included prime minister and heads of key agencies. Landmark was that in their first meeting, the Committee discussed the state policy about Orthodoxy. It was agreed that the Orthodox Church should be used for the distribution of Polish culture and therefore the state must go to her polonization.

Principles of the state policy were drawn by the premiere Marian Zyndarm-Koshtsyanski in February 1936, when he said that, “the goal (of policy) is the internal consolidation of the Republic”. During 1935–1936 role of religious forces in the formulation of policies that dealt with national minorities has grown¹. Representatives of troops usually made more radical proposals than representatives of civil administration.

In the late thirties, more and more attention was devoted to religious issues. It was decided that on the way to assimilation must be polonization religious life of individual faiths. A special role was defined to the Catholic Church, because it was believed that the most certain way of polonization and the integration of society is the acceptance of Catholicism in the Latin rite.

This sharpening of religious and national policy had the most dramatic effect in Holm and Southern Podlasie regions. As renowned Polish scholar Jan Kęsik noted, “Holm and Volyn were training ground for a new national policy, in these areas it has the most acute forms”².

Preparation for polonization-revindication program was launched in the Lublin province in late 1936. On December 11, 1936, the Coordination Committee by the Regions Corps Command number II (Lublin) was created. It covered with its activities five southeastern counties of Lublin and Volyn provinces. Formally, the aim of the Committee was to strengthen, organize and coordinate, and thus make effective efforts of society towards the rise of military force and military readiness in the state.

The Committee included representatives of troops and more than twenty Polish community organizations of Lublin and Volyn provinces. Mieczyslaw Smoravinski (commander of the Regions Corps Command) was the head of the Committee. The executive body of the Committee was the headquarters of the independent Department of the Regions Corps Command, headed by Major General Stanislaw Krogulski.

---

¹ Kuprianowicz G. Projekty “rozwiązania” kwestii ukraińskiej na Chełmszczyźnie i Podlasiu Południowym w drugiej połowie lat trzydziestych XX wieku (стаття)//Волинь і Холмщина 1938–1947 рр. Польсько-українське протистояння та його відлуння. Дослідження, документи, спогади. – Львів: Інститут українознавства НАНУ, – 2003. – С. 105

² Jan Kęsik Naród pod bronią: społeczeństwo w programie polskiej polityki wojskowej 1918–1939. – Wydawnictwo Uniwersytetu Wrocławskiego, – 1998 – 199 s.

On June 4, 1937 in Lublin held plenary meetings of the Coordination Committee, which, in addition to military commanders, was also attended by representatives of civil administrative authorities, Professors of Catholic University of Lublin, representatives of Polish NGOs. At the meeting, principles of the Committee were established. Indicated the need to consolidate all Polish organizations and society to “strengthen Polishness” in the areas covered by the activities of the Committee. One of the activities of the Committee was preparation for the revindication¹.

Civil administration was collaborating with an army in implementation of this program. Radicalization of policy regarding to national minorities has caused doubts about the leadership of the province. Previous governor of Lublin province Jozef Ruzhetskyy unofficially protested against exacerbation of national and religious policies. It was probably the reason for withdrawal from the post of governor in September 1937. On the wave of Lublin authority changes, duties of Lublin province governor fell on George Albin de Tramenkurt, which by this time was acting Polesie governor. He fully supported the action “of strengthening Polishness” in the eastern provinces of the state.

General Olbryht, the commander of the 3rd Infantry Division, directly controlled actions in Holm region. He was the “Head of the Coordination action in Holm region”. The main center of activity was Zamosch, which was the headquarters of the division. On October 26, 1937, General Olbryht issued an order, which defined the objectives of the polonization action and instructions for preparation of an action and later announced the development of a plan for the whole Holm region².

The plan was called “Main guidelines for the polonization of Holm region”. The leading idea of the program was the principle: “All Orthodox people of Holm are converted Poles”. Based on this idea, three categories of Orthodox population were determined: “indifferent to the Orthodox Church”, which you can convince to switch to Catholicism; “tied to orthodoxy”, which, however, were not conscious Ukrainian; and “nationally conscious Ukrainians”³.

A separate policy for each of these groups was created — from cautious campaign in relation to the first category to limiting the impact of the third category because of “splitting large clusters of this population and separating them from other by creating Polish settlements nearby”⁴.

---

¹ Kuprianowicz G. Projekty “rozwiązania” kwestii ukraińskiej na Chełmszczyźnie i Podlasiu Południowym w drugiej połowie lat trzydziestych XX wieku (statтя) // Волинь і Холмщина 1938–1947 рр. Польсько-українське протистояння та його відлуння. Дослідження, документи, спогади. – Львів: Інститут українознавства НАНУ, – 2003. – С. 110.

² Ibid. – S. 111.

³ Kuprianowicz G. Memorial w sprawie sytuacji ukraińskiej ludności na Chełmszczyźnie/G. Kuprianowicz// Res Historica. – 1997. – Z. 1. – Lublin, – 1997. – S. 334.

⁴ Ibid. – S. 335.

As for people from the first group, was supposed to be implemented its transition to Catholicism, of the second group — polonization of Orthodoxy, on the third — its isolation. Achieving these goals was planned for many years to come. Their implementation was to be used by the army, the Catholic Church, schools, administrative authorities, as well as Polish society on the ground.

The “Guidelines” recommended, following idea: “It is necessary to promote that Poles in the Holm region have a special mission of polonization and that is why they should unite around this idea”¹. Other administrative actions was to reorganize the structure of communes so that the Polish population had an advantage over Ukrainians. The emigration of the population Ukrainian from this region was supported and the emigration of the Polish population was banned. Only Catholics could own the land.

According to the list, approved by General Olbrycht on April 4, 1938, 56 churches were subjected to dismantle and 61 — were to be handed over to the Lublin Catholic episcopate. It is difficult to understand how the Church wanted to use them if the Ministry of National Education objected the creation of new parishes paid government positions priests².

To resolve this issue and eliminate Ukrainian owners of wealth — the Uniate church, on June 20, 1938, Poland signed with Vatican the Memorial about repurchase of former Greek Catholic church building, for which was paid 2.5 million zloty. Sejm (parliament) ratified this agreement on July 6, 1938, when there was the most massive destruction of Orthodox and Uniate Church. The new stage of destruction of former Ukrainian Orthodox and Greek Catholic Church began in April 1938³.

Finally, the action of destruction of Orthodox churches in Holm region was ended on July 16, 1938. After it left only 51 church buildings for approximately 230 thousand Orthodox believers.

To summarize, we can say that in the second half of the thirties Polish state policy regarding religion and national minorities experienced a marked aggravation — in national politics held the final transition from the concept of state assimilation to national assimilation. At that time, it was decided to hold the final polonization of Ukrainians in Holm and southern Podlasie regions. The main goal was considered as religious revindication. This was one of the reasons for significant strengthening of nationalist sentiments among the population and activation far-right-wing political forces such as the UNO.

---

¹ Kuprianowicz G. Projekty “rozwiązania” kwestii ukraińskiej na Chełmszczyźnie i Podlasiu Południowym w drugiej połowie lat trzydziestych XX wieku (statтя) // Волинь і Хоамщина 1938–1947 рр. Польсько-українське протистояння та його відлуння. Дослідження, документи, спогади. – Львів: Інститут українознавства НАНУ, – 2003. – С. 113.

² Ibid. – S. 838.

³ Пастернак Є. Нарис історії Хоамщини і Підляшшя : Новіші часи/Є. Пастернак. – Вінніпег; Торонто, – 1989., – С. 229.

*Shapiro Bella Lvovna,
Russian State University for the Humanities,
Department of Museology, Lecturer
E-mail: b.shapiro@mail.ru*

The history of women's equestrian hunt attire

*Шапиро Бэлла Львовна,
Российский государственный гуманитарный
университет, кафедра музеологии, преподаватель
E-mail: b.shapiro@mail.ru*

История женского костюма для конной охоты

В прошлые века из всех видов верховой езды только парфорсная конная охота имела репутацию занятия, предоставляющего своим участницам наиболее эlegantный костюм. Самые ранние упоминания о специализированном женском охотничьем костюме относятся ко второй половине XVII в.¹, однако в это время еще очень и очень немногие из женщин участвовали в каких-либо конноспортивных мероприятиях.

Женское присутствие на конной охоте становится постоянным только с середины XIX в.² Причиной этого был, прежде всего, ряд технических усовершенствований дамского седла, которые сделали верховую езду для женщин более безопасной. Кроме того, охотничий регламент был не столь строг, что отчасти объяснялось исключительностью конной охоты, во все времена своей истории остававшейся спортом элиты. Аристократия могла позволить себе игнорировать буржуазные понятия о приличиях, нравственности и респектабельности. Итак, женщины издавна могли принимать участие в конной охоте, хотя и были поначалу несколько ограничены в выборе роли и одежды.

Наиболее сложным из всех видов охотничьего дресс-кода был костюмный этикет английской конной охоты на лис, складывавшийся в течение нескольких сотен лет. Время активного формирования обязательных правил одежды для женщин приходится здесь на конец XIX – начало XX вв., до 1930-х гг. включительно. Ранее этого времени охотницы придерживались правил этикета повседневной верховой езды. Первоначально, на рубеже XIX – XX вв., была определена форма

¹ Mackay-Smith A., Druesedow J.R., Ryder T. Man and the Horse: An Illustrated History of Equestrian Apparel. – New York: Simon & Schuster, – 1987. – P. 61.

² Longrigg R. The history of foxhunting. London: Macmillan, – 1975. – P. 144; Parratt C. M. Athletic «Womanhood»: Exploring Sources for Female Sport in Victorian and Edwardian England//Journal of Sport History. – Vol. 16. – No. 2 (Summer, 1989). – P. 140–157.

одежды рядовых участниц. В первых десятилетиях XX в., поскольку число женщин, занимающих высокий ранг в этом виде охоты все возрастало, был выработан регламент и для их внешнего вида.

Согласно церемониалу английской конной охоты, базовым понятием, обязательным для соблюдения всеми участниками обоих полов, выступала одежда, соответствующая традиции: прежде всего, безопасная, затем опрятная и практичная. Всадницы, использующие мужское седло, заимствовали вместе с ним и костюм, наилучшим образом приспособленный для конной охоты.

Костюм леди-егермейстера (распорядителя охоты) был ограничен некоторыми условностями. Верхняя одежда представляла собой однобортный сюртук (охотничий редингот) из плотных тяжелых материй: твила или моллетона. Полы его не скруглялись, клапаны или наружные карманы запрещались, за исключением кармана для свистка; в остальном покроем оставался на усмотрение хозяйки. Сюртук егермейстера, при охоте без собак, застегивался на четыре блестящих наградных «охотничьих пуговицы», украшенных соответственной символикой; в отличие от охоты с собаками, когда таких пуговиц было пять. Отметим, что последняя пуговица на верхней одежде, независимо от их общего количества, располагалась не ниже линии талии¹. К традиционному егермейстерскому сюртуку алого цвета полагались позолоченные пуговицы; к черному — черные роговые с белой гравировкой². Спинка сюртука декорировалась двумя охотничьими пуговицами обыкновенного размера, а рукава — двумя или тремя, но несколько меньшими.

Отметим, что традиция ношения сюртука алого цвета восходит еще к оленьей охоте раннего периода «королевского леса»; участники этого действия, в том числе и аристократия, носили ливрею из алого сукна³. С течением времени диапазон допустимых оттенков красного расширился, вплоть до розового (выбор такого сюртука обыкновенно указывал на провинциальность его обладателя, чаще всего фермера). Правилами допускались традиционно региональные предпочтения цвета: так, охотники Уэльса обычно носили зеленую униформу⁴. Однако, только алый сюртук весь период истории конной охоты оставался классической одеждой всадника. Женщины имели право на его ношение только в роли егермейстера⁵.

Остальные участницы довольствовались одеждой иных цветов, выбирая из разрешенных правилами. Будучи приглашенными в клуб в роли выжлятников,

---

¹ Barney S.D. *Clothes and the Horse, A Guide to Correct Dress for all Riding Occasions.* – London, – 1953. – P. 43.

² Ibid. – P. 47.

³ Ibid. – P. 41.

⁴ Ibid. – P. 42.

⁵ Ibid. – P. 44.

доезжачих либо рядовых охотников, они носили клубный костюм. Его отличительной чертой были особенные цвета верхней одежды, или только ее воротники и лацканы, или только клубные пуговицы.

При участии без собственных собак, наиболее правильным выбором егермейстера была верхняя одежда темного или черного цвета. Бриджи к ней — коричневые, или светло-желтые канареечные, а также цвета буйволового кожи (темно-желтые) или белые, из плотного рубчатого материала (то есть кордовой материи саржевого переплетения). Неклассические бриджи из шелка или тонкого трикотажа надевать было не принято. Бриджи закреплялись подколенными ремнями черного или белого цвета. Отметим, что женщины выступали в роли охотничьего «генералитета» только в мужском седле, что нашло свое отражение и в одежде.

Традиционный жилет егермейстера был светло-желтый канареечного оттенка, либо в мелкую клетку «татерсаль», был допустим жилет клубных цветов. Головным убором выступала черная или темно-синяя бархатная каска (шлем), с репсовой лентой из шелкового грогрэна, черной или в цвет каски, убранной вверх или опущенной вниз, в соответствии с традициями клуба. Отметим, что «концами вниз» чаще обозначали обслуживающий охоту персонал.

Обувь, согласно правилам, выбиралась традиционная охотничья — черные сапоги с красно-коричневым верхом (отметим, что сапоги с цветным верхом, за редкими исключениями, не надевались к ярким бриджам). Сапоги могли быть как кожаными, так и веллингтонами из резины, особенно в сырую погоду. На обувь, чуть ниже лодыжек, устанавливались шпоры с умеренно короткой шейкой; тренчики к шпорам — черные. Не допускались к использованию колесиковые шпоры и облегченные шпоры для скачек.

Непременным аксессуаром костюма был охотничий кнут — традиционный коричневый, с петлей, коротким прямым кнотовищем с кожаным плетеным ремнем и красной тесьмой на конце¹. Немаловажным дополнением были перчатки из черной, коричневой либо темно-желтой толстой замши, что было предпочтительнее, или из кожи. Являлись приемлемыми и белые шерстяные, возможно вязаные перчатки. Традиционный охотничий горн находился только у егермейстера, однако тот имел право передать горн егерю или первому доезжачему. Носился он продетым между пуговиц пальто, либо в кожаном чехле, закрепленном на боку седла.

В качестве галстука выступал обычный охотничий галстук-шарф, аккуратно завызанный, скрепленный простой, строго горизонтально расположенной булавкой. Концы его не должны были выбиваться из-под верхней одежды, чтобы оставаться

---

¹ Barney S. D. Clothes and the Horse, A Guide to Correct Dress for all Riding Occasions. – London, – 1953. – P. 43.

опрятными в продолжение всей охоты. Отметим, что традиционный охотничий галстук нес не только эстетическую функцию, но также защищал грудь и шею охотницы от ветра, а также служил перевязочным материалом для нее и ее лошади в случае необходимости¹. Портативным аксессуаром женского костюма егермейстера был короб для сэндвичей, либо комбинация плоской фляжки и короба; они, являясь принадлежностью костюма, тем не менее, крепились к седлу лошади.

Отметим, что первой женщиной, выступившей в роли егермейстера, история называет маркизу Солсбери в 1775–1819 гг.² Однако, это явление было исключением из правил; в широкой практике конной охоты женщины занимали места охотничьего «генералитета» только с конца 1920-х гг. До этого большинству из них отводились роли участниц более низкого ранга. Их внешний облик также был строго регламентирован.

Женский костюм почетного егеря в целом дублировал костюм егермейстера, и имел региональные отличия, согласно местным правилам. Женский костюм профессионального егеря походил на вышеописанный, за некоторыми исключениями. Концы ленты на головном уборе опускались вниз; поводок с парой борзых собак крепился к D-образному кольцу на седле; традиционный охотничий кнут мог быть заменен на кнут белого цвета. Фляжка и короб в перечень портативных аксессуаров не входили.

Костюм почетного доезжачего, повторяя в общих чертах предыдущие, отличался меньшим количеством пуговиц на сюртуке, равным четырем. Одежда профессиональных и почетных доезжачих в общих чертах была сходной, за исключением того, что амуничные ремни носились поверх одежды на правом плече, под левой рукой; застегивались они строго спереди. Фляжка и короб не разрешались. Сюртук имел большой «карман для зайца» на внутренней стороне баски; концы ленты на головном уборе опускались вниз. Костюм дополнялся охотничьим белым кнутом³, с длиной, достающей до земли рабочей частью.

Внешний облик рядовой участницы конной охоты на лис зависел от выбранного ею седла. При посадке на лошади по-мужски, формальный, то есть строгий официальный костюм состоял из сюртука или охотничьего пальто черного, темно-синего, рыжевато-коричневого или темно-серого цветов, подходящего покроя. Сюртук со скругленными полáми имел три черные костяные пуговицы спереди и две на спине (последнее — только у сюртука, но не у пальто). Наградные пуговицы — с охотничьей символикой, остальные без таковой. Под верхнюю

¹ Буркхардт Б. Выездка от А до Я/Пер. с англ. Н. Киселевой. – М.: Аквариум Бук, – 2003. – С. 88.

² Newsum G. Women and Horses. – Hoboken: Howell Book House, – 1989. – P. 24.

³ Barney S.D. Clothes and the Horse, A Guide to Correct Dress for all Riding Occasions. – London, – 1953. – P. 43.

одежду надевался жилет канареечного оттенка желтого или в клетку татерсаль, либо клубных цветов; на костяных или латунных пуговицах. Бриджи полагались темно-желтые, желтые или коричневые (не белые) из кордовой материи или твила, строго из тканого, а не вязаного полотна.

Общепотребительным головным убором была бархатная охотничья каска черного или темного цвета с лентой, зафиксированной в положении «вверх». С разрешения егермейстера, каска заменялась на черный котелок или шелковый цилиндр (последнее только к сюртуку, но не к пальто). Тулья цилиндра должна была быть не менее 15 см., низкие выездковые цилиндры не допускались. Дополнением костюма мог быть короб для сэндвича, возможно в комбинации с плоской фляжкой. Одна фляжка, без короба, была нежелательна в дамском костюме. Необходимая прическа, по регламенту конной охоты — четких линий, убранная под сетку, или (после Первой мировой войны) короткая стрижка. В любом случае, волосы, убранные надлежащим образом, не должны были касаться воротника.

Перчатки — чаще всего темно-желтые, черные или коричневые кожаные; разрешались белые вязаные шерстяные или хлопковые. Шпоры — стандартные охотничьи, аналогичные шпорам егермейстера. Галстук традиционный охотничий белый, аккуратно завязанный и скрепленный простой горизонтальной булавкой; концы его убраны. Никакие другие ювелирные украшения, кроме булавки, не могли быть видимы. Кнут облегченный охотничий. Сапоги без шнуровки из черной телячьей кожи или других сортов, в том числе кожи лакированной, особенно к сюртуку.

Формальный костюм для рядовой участницы, охотящейся в дамском седле, повторял костюм для мужского седла, за исключением некоторых моментов. При боковой посадке основой его была амазонка надлежащего покроя из темного моллетона или аналогичной плотной ткани. Шелковый цилиндр с высокой тульей надевался к формальной одежде, черный котелок «дерби» — к простому жакету; вуаль надевалась к цилиндру, но не к котелку; лента на каске закреплялась в положении «вверх». Шпора при дамской посадке использовалась только одна; ее притупляли, чтобы не порвать юбку.

В регламент формальной одежды вносились изменения по мере необходимости соответствовать различным погодным условиям. Так, был разработан *ratcatcher* — класс полуформальной одежды для осеннего сезона. Женский его вариант (для мужского седла) включал в себя приталенное пальто со шлицей, сшитое из твила или шерсти неярких тонов, бриджи — темно-желтые, рыжевато-коричневые, серые, и сорочку светлых оттенков. Полотняный галстук — обычный охотничий, белый или цветной, а также галстук мужского типа; независимо от покроя его концы убирались и закалывались булавкой, расположенной строго горизонтально. Шпоры — стандартные охотничьи, кроме колесиковых. Сапоги из коричневой

или черной кожи, в том числе и полевые на шнуровке; формальные высокие сапоги с цветным верхом в этом случае не допускались. Резиновые «веллингтоны» были приемлемы только с разрешения егермейстера, как и сапоги с холщовым верхом «ньюмаркет», и ботинки с холщовыми или кожаными крагами.

Головным убором была стандартная черная охотничья каска с лентой, закрепленной вверх, или котелок — черный или коричневый; такого же цвета перчатки, кожаные или из трикотажного полотна. Фляжка и короб аналогично формальному костюму. Кнут стандартный охотничий (кроме охоты со щенками, когда он не был обязателен).

Пальто для дамского седла, согласно правилам, было бежевое, коричневое или белое с сероватым или желтоватым оттенком из твида или холстинки. Приспособленное для боковой посадки, оно прежде всего должно было иметь застежку с планкой, закрывающую правое колено, воротник, поднимающийся и закрепляющийся на шее кнопкой и ремешком, и широкие манжеты, отворачивающиеся в случае нужды на руки¹. Под пальто выбиралась подходящего покроя юбка.

Головным убором охотницы в дамском седле был котелок или бархатная каска. Газовый шарф к головному убору не дозволялся. Амуниция лошади (во всех случаях, для участниц всех рангов) — черного или коричневого цвета, без ярких цветных деталей, безупречно вычищенная и отполированная.

Отметим, что помимо довольно обширных общих предписаний, английские охотничьи клубы имели собственные дополнительные правила (регламенты). Разрешительным правом на изменения в форме одежды обладал только егермейстер, он же мастер клуба. Так, он мог позволить ношение дождевика в неформальной ситуации, когда это было оправдано здравым смыслом, однако таким послаблением следовало пользоваться умеренно. В этом случае разумным решением было использование нештатной одежды только приглушенных «лесных» оттенков: коричневого, темно-зеленого или черного.

Интересно, что актуальная мода зачастую предлагала модели, в основных чертах соответствующие регламенту конной охоты. Так, бомондом однозначно была принята безопасная юбка-фартук, изобретенная специально для сложных полевых условий охоты². Тем не менее, даже в консервативном кругу английских охотничьих клубов реальная одежда имела некоторое отличие от предписанной как правилами, так и модными журналами и «... публика была одета в разнообразную мешанину из старого и нового»³.

¹ Hayes A. M. The Horsewoman. A Practical Guide to Side-Saddle Riding. – London: Hurst and Blackett Ltd, – 1903. – P. 104–107.

² Костюм амазонки // Модный курьер. – 1911. – № 25. – С. 249.

³ Hayes A. M. The Horsewoman. A Practical Guide to Side-Saddle Riding. – London: Hurst and Blackett Ltd, – 1903. – P. 108.

Список литературы:

1. Буркхардт Б. Выездка от А до Я/Пер. с англ. Н. Киселевой. – М.: Аквариум Бук, – 2003.
2. Костюм амазонки//Модный курьер. – 1911. – № 25. – С. 249.
3. Barney S. D. Clothes and the Horse, A Guide to Correct Dress for all Riding Occasions. – London, – 1953.
4. Hayes A. M. The Horsewoman. A Practical Guide to Side-Saddle Riding. – London: Hurst and Blackett Ltd, – 1903.
5. Longrigg R. The history of foxhunting. – London: Macmillan, – 1975.
6. Mackay-Smith A., Druessedow J. R., Ryder T. Man and the Horse: An Illustrated History of Equestrian Apparel. – New York: Simon & Schuster, – 1987.
7. Newsum G. Women and Horses. – Hoboken: Howell Book House, – 1989.
8. Parratt C. M. Athletic «Womanhood»: Exploring Sources for Female Sport in Victorian and Edwardian England//Journal of Sport History. – Vol. 16. – No. 2 (Summer, 1989). – P. 140–157.

Section 5. History of international relations and foreign politics

*Bulanyi Mykola Yurievich,
Oles Honchar Dnipropetrovsk National University,
student, Historical Faculty
E-mail: bulanyi00@mail.ru*

Prerequisites for the occurrence the land of Turov-Pinsk Principality in the Grand Duchy of Lithuania on the Chronicle materials

*Буланий Микола Юрійович,
Дніпропетровський національний університет
ім. О. Гончара, студент, історичний факультет
E-mail: bulanyi00@mail.ru*

Передумови входження земель Турово-Пінського князівства до складу Великого князівства Литовського на матеріалах літописів

Дослідження взаємовідносин Великого князівства Литовського з дрібними уділами Русі є малодослідженою проблемою. Окремі згадки про діяльність турово-пінських князів можна виявити у працях В. Антоновича¹, М. Грушевського², В. Пашуто³ та Ф. Шабульдо⁴. Окремо слід зазначити відомості у статтях

---

¹ Антонович В. Очерк истории Великого княжества Литовского до смерти великого князя Ольгерда/В. Антонович. – [Эл. ресурс]. – Режим доступа: <http://litopys.org.ua/anton/ant25.htm>

² Грушевський М. Історія України-Руси: в 11 т., 12 кн. [Текст]/М. Грушевський. – Т. V. – К., – 1998.; Грушевский М. Очерк истории Киевской земли от смерти Ярослава до конца XIV столетия [Текст]/М. Грушевский. – К., – 1891.

³ Пашуто В. Образование Литовского государства [Текст]/В. Пашуто. – М., – 1959.

⁴ Шабульдо Ф. Земли Юго-Западной Руси в составе Великого княжества Литовского [Текст]/Ф. Шабульдо. – К., – 1987.

емігрантських дослідників М. Ждана¹ та П. Грицака² з приводу взаємовідносин з литовцями на початку XIV ст. На сучасному етапі досліджень литовсько-руських взаємозв'язків певні відомості щодо персонального складу володарів Турово-Пінщини, окремим аспектам суспільно-політичної та економічної історії цих земель можна вважати монографії Л. Войтовича³, Н. Яковенко⁴, О. Русиної⁵.

Джерельна база по історії Турово-Пінщини доволі незначна та спорадична. Певні відомості про період сер. XIII – поч. XIV ст. містять Іпатіївський літописний звід⁶ (містить й Галицько-Волинський літопис), так звані «західноруські» літописи — список Красинського Б.⁷, Євреїновський⁸, Археологічний⁹. Своєрідним джерелом по генеалогії князівської династії виступають Любецький¹⁰, Супральський¹¹ та Києво-Печерський¹² пом'яники.

На середину XIII ст. в межиріччі Горині, Случа та Стиру в межах Турово-Пінського князівства утворився ряд дрібних уділів на чолі з нащадками Ізяславичів. Серед них найбільшими були Турівський, Пінський, Дубровицький та Степанський. Утворення цих уділів було зумовлено масовими міграціями з районів Київщини та Переяславщини, що дозволило створити демографічну базу для таких політичних одиниць¹³. Водночас удільні князівства слугували своєрідним буфером між Литвою та іншими руськими землями.

¹ Ждан М. Україна під пануванням Золотої Орди. – [Електронний ресурс]/М. Ждан. – Режим доступу: http://shron.chtyvo.org.ua/Zhdan_Mykhailo/Ukraina_pid_panuванняm_Zolotoi_Ordy.pdf

² Грицак П. Київщина по татарському погромі (спроба ревізії традиційного погляду) [Текст]/П. Грицак//Розбудова держави. – Ч. 3 (14). Осінь. – Ківланд, – 1954. – С. 17–26.

³ Войтович Л. Князівські династії Східної Європи (кінець IX – початок XVI ст.). Склад, суспільна і політична роль [Текст]/Л. Войтович. – Л., – 2000.

⁴ Яковенко Н. Українська шляхта з кінця XIV до середини XVII століття. Волинь і Центральна Україна [Текст]/Н. Яковенко. – К., – 2008.

⁵ Русина О. Україна між татарами та Литвою [Текст]/О. Русина. – К., – 1998.

⁶ Іпатьевская летопись. – [Електронний ресурс]. – Режим доступу: <http://www.bibliotekar.ru/rus/86.htm>.

⁷ ПСРА. Т. XVII. Список графа Красинского (2 часть) [Текст]. – СПб, – 1907. – С. 153–190.

⁸ ПСРА. Т. XVII. Евреїновский список [Текст]. – СПб, – 1907. – С. 357–412.

⁹ ПСРА. Т. XVII. Список Археологического общества [Текст]. – СПб, – 1907. – С. 239–294.

¹⁰ Зотов Р. О черниговских князях по Любецкому синодику и о черниговском княжестве в татарское время [Текст]/Р. Зотов. – СПб, – 1892. – С. 24–29.

¹¹ Субботники или помяник Супрального монастыря//Археографический сборник документов, относящихся к истории Северо-западной Руси [Текст]. – Т. 9. – Вильно, – 1878. – С. 454–459.

¹² Голубев С. Древний помяник Киево-Печерской Лавры [Текст]/С. Голубев//Чтения в Ист. Об-ве Нестора Летописца. – К., – 1892. – Кн.б. – Приложения. – С. 1–88.

¹³ Грицак П. Київщина по татарському погромі (спроба ревізії традиційного погляду) [Текст]/П. Грицак//Розбудова держави. – Ч. 3 (14). Осінь. – Ківланд, – 1954. – С. 21.

З часів Данила Галицького пінських князів непокоїло посилення Галицько-Володимирського князівства, адже поступово Галич нав'язував дрібним князівствам Пінщини свої політичні інтереси. Так, Степанське князівство за часів Івана Глібовича, на основі Галицько-Волинського літопису, стало сателітом Галича. Щодо на думку В. Антоновича¹ зумовило пошук ними допомоги з боку Литовського князівства. Пінським князям аби зберегти свою владу на цих землях прийшлося визнати зверхності Литви над ними, адже в 1247 р. землі князівства стали ареною для боротьби між двома сильними сусідами.

За Іпатіївським списком поштоvhом до конфлікту стало не підпорядкування Степані, а напад біля Пінська волинян на литовців, що повертались з походу. Цікавою деталлю є те, що турівський князь Михайло попереджав литовців. Про чергову зміну в орієнтації політики пінських князів свідчить запис Галицько-Волинського літопису під 1253 р., за яким «воева Миндовг у Турска»² проти них. Тож на перших порах політика пінських князів щодо лавіювання «с лєстью»³ переходили з-під зверхності Литви до Галича та ще шкодила. Розмінною монетою серед цих інтриг став титул, а згодом й їх власні володіння, що було неможливим за даними Пашуто, адже на кінець XIII ст. князі туровські та пінські перебували в безпосередній залежності від монголів й не могли пропонувати свої землі без згоди свого сюзерена⁴. Дещо пізніше, приблизно з часів кн. Володимира Пінського, стала зрозумілою важливість цих князів в якості посередників у перемовинах між литовцями, монголами та іншими руськими князями. Таке положення почало забезпечувати довіру як в литовських, так і в галицьких колах. Водночас така політика турово-пінських князів була непрактичною при кожній зі спроб посилення їх самих, бо вони одразу починали вбачати собі союзника в Галицько-Волинській державі, що лише дозволяла діяти пінським князям лише в межах власної політики. Так, в 1262 р. князі Юрій, Федір та Демид Володимировичі значаться як учасники переможного походу кн. Василька Романовича Волинського проти литовців⁵. Але розчарувавшись у союзі з Волинню, адже князем пінським значиться на той час

---

¹ Пинское княжество и его князья. – [Електронний ресурс]. – Режим доступу: <http://www.allmonarchs.net/russia/other/pinsk.html>

² Ипатьевская летопись. – [Електронний ресурс]. – Режим доступу: <http://www.bibliotekar.ru/rus/86.htm>, – Стлб. 938.

³ Антонович В. Очерк истории Великого княжества Литовского до смерти великого князя Ольгерда/В. Антонович. – [Электронний ресурс]. – Режим доступу: <http://litopys.org.ua/anton/ant25.htm>, – С. 644.

⁴ Пашуто В. Образование Литовского государства [Текст]/В. Пашуто. – М., – 1959. – С. 388.

⁵ Пинское княжество и его князья. – [Електронний ресурс]. – Режим доступу: <http://www.allmonarchs.net/russia/other/pinsk.html>, – С. 4–5.

вже Мстислав Данилович Луцький¹, а пінські загони використовуються в боротьбі з кн. Шварном. Тоді «возопи Рус великим плачем»². Тому в 1265 р. пінські князі починають допомагати опальному на той час литовському кн. Войшелку у відвоюванні Новогрудку³.

Нетривке положення пінських князів закінчилось у 1292 р. зі смертю нащадка Ізяславичів кн. Юрія Володимировича. Згідно гіпотези В. Михайлова, регентом став його брат кн. Демид⁴, поки син кн. Юрія Дмитро був малолітнім. Але за невідомих обставин він майже одразу постригся в монахи псковського Пантелеймонова монастиря. Можливо це сталося внаслідок інтриг інших братів — «князя Ярослава з братом»⁵, які згадує Галицько-Волинський літопис.

Лише на початку XIV ст. князувати став Дмитро Юрійович. Але завдяки епосі нестабільності та боротьби регентів Турівське та Пінське князівства втратили виключність у посередницьких відносинах, адже Галицько-Волинське князівство вже переставало відігравати роль потужної держави, а литовці на династичному рівні настільки підтвердили власні претензії на руські землі, що без особливих зусиль могли їх відбити у Орди, яка також переживала кризові часи. У 1318 р. Гедимін захопив турово-пінські землі, адже його син, Наримунт, за даними Н. Яковенко, був одружений на доньці кн. Василька Романовича Острозького та Турівського. За іншою версією цю територію завоював сам кн. Наримунт з частиною Полісся з Пінськом⁶. Скоріш за все поштовхом до завоювання стала передчасна смерть кн. Дмитра й малолітство його сина Данила.

Проте династія пінських князів продовжувала існувати. Свідченням цього служить запис Києво-Печерського пом'яника⁷, щодо турівського князя Данила Дмитровича, який не володів князівством, але отримав у 1340 р. нову отчину — Остріг на Волині. Схожу долю спіткало й Степанське князівство, яке після смерті у 1292 р. кн. Івана Глібовича відійшло до дубровицької лінії нащадків

¹ Істислав – Археол. літопис – С. 246.

² ПСРА. Т. XVII. Евреиновский список [Текст]. – СПб, – 1907. – С. 363; ПСРА. Т. XVII. Список графа Красинского (2 часть) [Текст]. – СПб, – 1907. – С. 232.

³ Антонович В. Очерк истории Великого княжества Литовского до смерти великого князя Ольгерда/В. Антонович. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://litopys.org.ua/anton/ant25.htm>, – С. 645.

⁴ Ипатьевская летопись. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.bibliotekar.ru/rus/86.htm>, – Стлб. 938.

⁵ Там само. – Стлб. 937.

⁶ Пашуто В. Образование Литовского государства [Текст]/В. Пашуто. – М., – 1959. – С. 391.

⁷ Голубев С. Древний помяник Киево-Печерской Лавры [Текст]/С. Голубев//Чтения в Ист. Об-ве Нестора Летописца. – К., – 1892. – Кн.6. – Приложения. – С. 53.

Гліба Юрійовича¹. За даними літописів «став княжити замість нього син його Володимир»².

Тож підводячи підсумки роботи слід зазначити, що турово-пінські князі попри вигідне геополітичне положення на початку XIV ст. не зуміли винести з цього користі та зберегти у своєму володінні власні князівства. Ситуація ускладнилась також частою зміною князів на кінці XIII ст. та послаблення впливу руської та монгольської влади на них, що відкрило шлях Литві до захоплення території князівств. Тим більше, що на той час Гедиміновичі могли претендувати на ці землі по праву кужеля. Захоплення Турово-Пінської землі відкрило шлях великим князям литовським до Київщини та Переяславщини, а також півдня Чернігівщини, які складали осердя Руської землі.

Список літератури:

1. Антонович В. Очерк истории Великого княжества Литовского до смерти великого князя Ольгерда/В. Антонович. – [Електронний ресурс]. – Режим доступу: <http://litopys.org.ua/anton/ant25.htm>
2. Войтович Л. Князівські династії Східної Європи (кінець IX – початок XVI ст.). Склад, суспільна і політична роль [Текст]/Л. Войтович. – Л., – 2000.
3. Голубев С. Древний помяник Киево-Печерской Лавры [Текст]/С. Голубев//Чтения в Ист. Об-ве Нестора Летописца. – К., – 1892. – Кн.6. – Приложения. – С. 1–88.
4. Грицак П. Київщина по татарському погромі (спроба ревізії традиційного погляду) [Текст]/П. Грицак//Розбудова держави. – Ч. 3 (14). Осінь. – Київ-ленд, – 1954. – С. 17–26.
5. Грушевський М. Історія України-Руси: в 11 т., 12 кн. [Текст]/М. Грушевський. – Т. V. – К., – 1998.
6. Грушевский М. Очерк истории Киевской земли от смерти Ярослава до конца XIV столетия [Текст]/М. Грушевский. – К., – 1891.
7. Ждан М. Україна під пануванням Золотої Орди. – [Електронний ресурс]/М. Ждан. – Режим доступу: http://shron.chtyvo.org.ua/Zhdan_Mykhailo/Ukraine_pid_panuванняm_Zolotoi_Ordy.pdf
8. Зотов Р. О черниговских князях по Любецкому синодику и о черниговском княжестве в татарское время [Текст]/Р. Зотов. – СПб, – 1892. – С. 24–29.
9. Ипатьевская летопись. – [Електронний ресурс]. – Режим доступу: <http://www.bibliotekar.ru/rus/86.htm>.

¹ Войтович Л. Князівські династії Східної Європи (кінець IX – початок XVI ст.). Склад, суспільна і політична роль [Текст]/Л. Войтович. – Л., – 2000. – С. 159.

² Ипатьевская летопись. – [Електронний ресурс]. – Режим доступу: <http://www.bibliotekar.ru/rus/86.htm>, – Стлб. 938.

10. Пашуто В. Образование Литовского государства [Текст]/В. Пашуто. – М., – 1959.
11. Пинское княжество и его князья. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.allmonarchs.net/russia/other/pinsk.html>
12. ПСРА. Т. XVII. Список графа Красинского (2 часть) [Текст]. – СПб, – 1907. – С. 153–190.
13. ПСРА. Т. XVII. Евреиновский список [Текст]. – СПб, – 1907. – С. 357–412.
14. ПСРА. Т. XVII. Список Археологического общества [Текст]. – СПб, – 1907. – С. 239–294.
15. Русина О. Україна між татарами та Литвою [Текст]/О. Русина. – К., – 1998.
16. Субботник или помяник Супральского монастыря//Археографический сборник документов, относящихся к истории Северо-западной Руси [Текст]. – Т. 9. – Вильно, – 1878. – С. 454–459.
17. Шабульдо Ф. Земли Юго-Западной Руси в составе Великого княжества Литовского [Текст]/Ф. Шабульдо. – К., – 1987.
18. Яковенко Н. Українська шляхта з кінця XIV до середини XVII століття. Волинь і Центральна Україна [Текст]/Н. Яковенко. – К., – 2008.

Section 6. History of science and technology

*Balalykin Dmitry Alekseevich,
I. M. Sechenov First Moscow State Medical University,
Chairman of the Department of medical history,
national history and cultural studies
E-mail: shok@nmt.msk.ru*

Methodological problems in history and philosophy of medicine

In recent decades, the trend towards highly specialized analysis has been dominating the field of the history of medicine. If the events of antiquity and the Middle Ages are the focus of the researcher, then as a rule, they are analyzed through the prism of a phenomenological approach, describing methods of healing one or another disease, or focusing on various historical medical figures¹. This chronological period (before XVII century) is also called “prescientific”, the dominating type of knowledge is characterized as “protoscience”.

The purpose of this article is to try to highlight what is, in our opinion, one of the most important factors determining the development of medicine in particular and science in general, before the scientific revolution of the XVII century (and possibly later periods). We suggest calling this factor the “religious and philosophical system”.

What we have in mind is the following methodology: all knowledge is preconditioned. When speaking about any specific scientific discovery or formulation of general theoretical ideas in medicine (or, for example, in physics), we necessarily try to understand the anatomy of the researcher’s thought, to understand how this or that idea appeared, how the scientific research of a specific scientist was performed. Of course, the answers to these questions are inconceivable without describing the individual. Reconstructing the biography of scientists, the details of their childhood education, information about the family and social environment are always the focus

---

¹ Sorokina T. S. *Istoriya mediciny: uchebnik dlya stud. vissh. med. ucheb. zavedeniy.* – 8-e izd. – M.: Izdatelskiy tsentr “Akademia”, – 2008. – 560 s.

of historians of science. To put it simply, we try to answer the following question: “How did he or she come up with this discovery?”. That question is immediately followed by this question: Why was it this person (and not someone else) at precisely this place and at this precise time (and not at some other time)?

Some time ago, Russian philosopher professor V. S. Stepin proposed the idea of the “world view” of a particular scientist. Unfortunately, some of my colleagues understand this as a theoretical idea of one or another researcher concerning the subject of investigation. In fact, the issue is much broader: it is the need for a comprehensive understanding of science as part of culture and society, the systemic factors that have shaped the personality of the scientist¹.

This is particularly clear when applied to the history of science before the XVII century. We understand the essence of the concept of “religious philosophical system” and its impact on the history of science, the following way: any doctor known in history is, more or less, a naturalist. A scientist, starting specific research defines specific goals and objectives. What guides him? Any scientist (II, V, XIII centuries etc.) sees the world through the prism of a certain natural philosophic (or general scientific) system of ideas. Up until to the XIX century, we could hardly find anything like a significant secular philosophical system. Each of them tried to develop their own system of understanding of the natural and supernatural, one way or another, using the definition of “God” to develop these understandings, trying to realize man’s place in the world and his cognitive capabilities.

We emphasize that we are not talking about religion and its impact on science. The direct relationship between religion and science is a completely different topic. Many reputable scientists have written about this². Our model is as follows. Any religion creates a system for understanding the material world. This understanding serves as the basis for a certain system of beliefs (it can be tentatively called nature-philosophical). These views define the premises for the knowledge of natural science that guides specific researchers in the formation of their own picture of the world and in setting the goals and tasks of the scientific research. The ultimate significance of a specific religious philosophical system for the history of natural sciences is determined, in our opinion, by the way it answers questions about knowing the material world and the human being (as a part of this world), and the possibility of obtaining evidence-based knowledge. If the religious and philosophical system responds positively to this question, then the development of natural sciences within it is possible. If the answer is negative, natural sciences in a society where such a system prevails will not develop.

---

¹ Stepin V.S. *Tsivilizatsiya i kultura*. – Spb.: Izd-vo SPbGUP, – 2011. – 408 s.

² Brooke J.H. *Science and Religion: Some Historical Perspectives*. – Cambridge University press, – 1991. – 422 p.; Ferngren G.B. *Science and Religion: a historical introduction*. – Baltimore. – 2002. – 277 p.

It seems that this is precisely what Norbert Wiener had in mind when he spoke of the need for an a priori of confidence by a scientist in cognition of the research object: «I said that science was impossible without faith. By this, I do not mean that the faith upon which science depends is by nature religious or implies accepting some conventional religious dogmas; however, without the belief that nature is subject to laws, science cannot exist. It is impossible to prove that nature is subject to laws because otherwise, as we all know, the next moment the world would be like a game of croquet from Lewis Carroll's book "Alice in Wonderland"»¹.

We will use ancient Egyptian civilization as an example of a user of a religious philosophical system, which did not give an impulse to the systematic development of learning in natural sciences. Undoubtedly, it is of great cultural and historical significance. However, we will try to evaluate it from the point of view of the history of medicine. We find that doctors are mentioned in sources as early as the period of the Old Kingdom; Homer and Herodotus praised Egyptian medicine. Medical mixtures established through empiricism and dedicated to different types of illnesses were recorded in prescriptions found on texts of papyrus. Fragments of Kuhansk papyrus related to obstetrics (description of early and late delivery), and veterinary medicine (poisonous flies on cattle, bull plague, and more) were preserved. A large medical collection from the times of the New Kingdom has survived to the present (etc., etc).

The core of religious faith in ancient Egypt was the idea of the immortality of the soul and the need to preserve the physical body of the dead in order to ensure its well-being in the afterlife. Hence the need to preserve the body by embalming. Embalming techniques were perfected to the smallest detail and the technology achieved perfection. It is obvious that we are looking at a phenomenon of death autopsies conducted on a massive scale, performed during the course three thousand years! Especially surprising is the fact that, after this enormous amount of autopsies and embalming, conducted for over 2 thousand years, the ancient Egyptians did not leave any serious sources on human anatomy. This, in our opinion, indicates the systemic nature of epistemological failure. Neither thousands of years of medical observation (the profession existed during those years), using prescriptions, medicinal mixtures, nor tens of thousands (we can hardly be mistaken about the numbers) of autopsies conducted while embalming bodies, lead to the creation of any holistic anatomic and physiological system. There was not even a suggestion of such a system. For example, the Ebers Papyrus dates to the time of Amenhotep Pharaoh (XVIII Dynasty) contains a description of 22 vessels coming from the heart. Century after century, medicine existed as the priestly art of healing, amply equipped with magic. The basis of pathogenesis for

---

¹ Wiener N. *God and Golem, Inc: A Comment on Certain Points where Cybernetics Impinges on Religion*. – MIT Press, – 1964 – 99 p.

all diseases was believed to be the influence of evil spirits and the primary principle for treatment was regular temple cult practices.

Quite a different picture is observed in Ancient Greece where, in the VI century BC, attempts at rational cognition were developing within the framework of early Ionic physics. The book by J. Longrigg has been of great interest to this writer¹. It seems that he was the first in modern historiography to describe the development of Ancient Greek medicine as two divergent vectors: on the one hand, there was occult temple healing; on the other hand, there was rational knowledge, explaining the origin of diseases and methods of their treatment by natural causes. It was the second direction that led to contemporary medicine — through Galenism and to the scientific revolutions of the XVII–XIX centuries.

Another example of influence of particular religious and philosophical systems became the triumph of Galen's theoretical and practical system, which determined the development of medicine in the period III–XVI centuries. We observe interesting fact — the views of the pagan physician and philosopher gain a dominant character in the framework of the Christian civilization.

In our opinion, this is concerned with commonality of natural philosophical views of Galen and the Fathers of the early Church. Describing the life of the early Church historians of Christianity mainly discuss purely theological questions, or the position of Christians in the Roman Empire at that time. In the meanwhile, by the III century Christians came up with its relation to the main natural philosophical courses in the Hellenic tradition.

In “*Preparatio Evangelica*” written by Eusebius Kessarisky we have discovered and translated into Russian several fragments of bishop of Alexandria St. Dionysius the Great treatise “*De natura*”². It follows therefrom that the main opponents of Galen and of Christians in the area of natural philosophy were atomists with their perception of the human body as a set of randomly moving atoms. In the text of St. Dionysius we find criticism of atomism, very close to the text of Galen's work “*De usu partium*”³ Christian bishop and Galen contrapose atomism with teleological view to the human body, intending the creation of God (the Demiurges). In this case, the anatomical and physiological processes are determined by the laws of the efficient operation rooted in by the Creator. Perfect evidential knowledge of these processes determined by the empirical knowledge is available for a man. The manner of thinking and direction of

---

¹ Longrigg J. *Greek Rational Medicine: Philosophy and Medicine from Alcmaeon to the Alexandrians*. – London: Routledge, – 1993. – 296 p.

² Eusebius Werke, Band 8: *Die Praeparatio evangelica*. Ed. Karl Mras// *Die griechischen christlichen Schriftsteller series 43.2*. – Berlin: Akademie Verlag, – 1956. – S. 3–426.

³ Galeni *De usu partium libri xvii*. Ed. G. Helmreich. – Leipzig: Teubner. – Vol. 1: – 1907; Vol. 2: – 1909 (repr.: Amsterdam: Hakkert, 1968); Vol. 1: 1–496; Vol. 2: 1–451. (Cod: 202, 076: Med.).

Galen's thoughts were undoubtedly attractive to Christian authors. Moreover, in his treatise "De natura" we found a direct criticism from St. Dionysius to the main opponents of Galen — "methodologist" physicians standing on the positions of atomism.

Another important issue is the statement of Galen's agnosticism which has existed in the historiography for a long time. We have translated and analyzed his work "Quod Animi Mores Corporis Temperatura Sequantur" and found that Galen considers the reasonable, highest part of the soul a special "incorporeal" substance, when the moment of death is considered to be its separation from the body¹. He does not speak directly about the immortality of the soul — as far as we know, Galen never directly supported this assertion of Plato. However, we find it impossible to unequivocally claim that he did not think so. Galen intentionally missays that he can not examine this point using the methods available to him. Herewith, Galen's description of the rational part of the soul completely corresponds to the Christian point of view. This fact completely eliminates the thesis of "Galen's agnosticism".

Thus, we have tried to show the importance of the concept "religious philosophical systems" proposed by us using concrete examples from the history of medicine in the pre-scientific period. The historical destiny of Galenism, in our opinion, is a vivid illustration of the need to use such a methodology. Otherwise, it is impossible to explain the favorable perception of Galen's views within the framework of the completely new cultural historical reality found in Europe in the beginning of the IV century — Christian civilization.

References:

1. Sorokina T. S. Istoriya mediciny: uchebnik dlya stud. vissh. med. ucheb. zavedeniy. – 8-e izd. – M.: Izdatelskiy tsentr "Akademia", – 2008. – 560 s.
2. Stepin V. S. Tsivilizatsiya i kultura. – Spb.: Izd-vo SPbGUP, – 2011. – 408 s.
3. Brooke J. H. Science and Religion: Some Historical Perspectives. – Cambridge University press, – 1991. – 422 p.
4. Ferngren G. B. Science and Religion: a historical introduction. – Baltimore. – 2002. – 277 p.
5. Wiener N. God and Golem, Inc: A Comment on Certain Points where Cybernetics Impinges on Religion. – MIT Press, – 1964 – 99 p.
6. Longrigg J. Greek Rational Medicine: Philosophy and Medicine from Alcmaeon to the Alexandrians. – London: Routledge, – 1993. – 296 p.
7. Eusebius Werke, Band 8: Die Praeparatio evangelica. Ed. Karl Mras//Die griechischen chrislichen Schriftsteller series 43.2. – Berlin: Akademie Verlag, – 1956. – S. 3–426.

---

¹ Claudii Galeni Pergameni Ed. J. Marquardt//Scripta minora. Vol. 2. – Leipzig: Teubner, – 1891 (repr.: Amsterdam: Hakkert, 1967): P. 32–79. (Cod: 8, 840: Med.).

8. Galeni De usu partium libri xvii. Ed. G. Helmreich. – Leipzig: Teubner. – Vol. 1: – 1907; Vol. 2: – 1909 (repr.: Amsterdam: Hakkert, 1968); Vol. 1: 1–496; Vol. 2: 1–451. (Cod: 202, 076: Med.).
9. Claudii Galeni Pergameni Ed. J. Marquardt//Scripta minora. Vol. 2. – Leipzig: Teubner, – 1891 (repr.: Amsterdam: Hakkert, 1967): P. 32–79. (Cod:8, 840: Med.).

*Vorona Yulia Volodymyrivna,
Scientific-methodical center of professional-technical education
and in-plant training of engineering-pedagogical workers
in the Khmelnytskyi region,
manager of laboratory of research work
E-mail: vorona-y@ukr.net*

Foundation and activity of Kiev industrial technical school of labour backlogs in 1944–1950's

*Ворона Юлія Володимирівна,
Науково-методичний центр професійно-
технічної освіти та підвищення кваліфікації
інженерно-педагогічних працівників
у Хмельницькій області, завідувач
лабораторії науково-дослідної роботи
E-mail: vorona-y@ukr.net*

Утворення та діяльність Київського індустріального технікуму трудових резервів (1944–1950 рр.)

Одну з невідкладних проблем Києва періоду його повоєнної відбудови склало відновлення професійно-технічної освіти. Зруйнована війною українська столиця нагально потребувала кваліфікованих фахівців робітничих спеціальностей, яких готували ремісничі, залізничні училища, школи фабрично-заводського навчання. Але багато їх викладачів, майстрів виробничого навчання загинули на фронті. Тому готувати для училищ кваліфікованих педагогів доручили Київському індустріальному технікуму трудових резервів.

Попри це, діяльність технікуму до цього не склала предмет окремого наукового дослідження. Тому ставимо за мету дослідити обставини утворення та діяльності Київського індустріального технікуму в 1944–1950 рр., його участь у повоєнній відбудові міста.

Нестачу кадрів майстрів виробничого навчання у ремісничих і залізничних училищах Києва, які відновили роботу по визволенні міста від німецьких окупантів у листопаді 1943 р., обумовила мобілізація тих з початком війни до радянської армії, загибель багатьох на фронті. Але відсутність тоді достатньої кількості майстрів не дозволяла нагально готувати в училищах кваліфікованих робітників, які, у свою чергу, були потрібні для відбудови зруйнованого Києва.

Тому 13 червня 1944 р. начальник Головного управління трудових резервів при РНК СРСР видав наказ про утворення на базі ремісничого училища № 7 Київського індустріального технікуму, за адресою Повітрофлотське шосе, 220¹. За статутом технікум мав за мету “готувати майстрів виробничого навчання для ремісничих, залізничних училищ та шкіл ФЗН” за двома спеціальностями, а саме “метало-ріжучі станки (ремонт і монтаж станкового устаткування)”, а також за фахом “холодна обробка металів різанням” і “технік-механік з метало-ріжучих станків” та “технік-технолог з холодної обробки металів”. Учні при закінченні технікуму отримували звання “техніка-інструктора”².

Призначеному директором Г. Л. Головіну, разом з двома заступниками, доручили підготувати приміщення технікуму, аби у вересні провести вступні випробування для абітурієнтів і прийняти студентів на перший навчальний рік.

Навчання розпочалось 1 жовтня 1944 р. Щоправда у деяких групах, через те, що не встигли підготувати класи, а деякі учні вчасно прибути, заняття розпочались 15 листопада³.

Тоді навчання на I курсі розпочало 138 студентів. З них лише 5 осіб закінчило 8–9 класів, а 4 особи 7 класів середньої школи. Тому з 1946 р. на перший курс почали зараховувати випускників ремісничих і залізничних училищ, шкіл ФЗН (яким виділялась “квота місць”), а також осіб, які закінчили не менше 7 класів середньої школи й робітників-слюсарів і токарів заводів не нижче 4 розряду. Цього й наступного року приймальна комісія зауважувала, що багато абітурієнтів мали погану середньо-освітню підготовку, а із числа учнів середніх шкіл незадовільно знали математику, а учні зі шкіл з українською мовою викладання погано знали російську мову. Згодом на навчання почали більше приймати робітників заводів 5–6 розряду із виробничим стажем.

Через слабкий рівень середньо-освітньої підготовки абітурієнтів ще з 1945 р. для них при технікумі почали функціонувати “підготовчі курси”. Цього року з числа учнів ремісничих, залізничних училищ і шкіл ФЗН, яким виділялась “квота місць”, прийняли на них 50 осіб.

¹ Державний архів м. Києва (далі – ДАК). – Ф. Р. – 1362. – Оп. 1. – Спр. 3., Арк. 1, 23; Спр. 16., Арк. 3.

² Там само. – Спр. 3., Арк. 10; Спр. 12., Арк. 1.

³ Там само. – Спр. 3., Арк. 1зв.; 2зв.; Спр. 7., Арк. 1.

Станом на кінець 1946/1947 навчального року у технікумі навчалось 394 студенти. Щоправда щороку відраховували 40–50 осіб, які самовільно залишали навчальний заклад чи переводились до іншого, яких призивали на військову службу, через пропуски занять, “п’янство”, за станом здоров’я, яких “позбавили волі” за скоєні злочини (крадіжки). Станом на 1 липня 1950 р. у технікумі навчалось 247 студентів, з них: 389 юнаків (1–1933 р/н., 34–1932 р/н., 66–1931 р/н., 106–1930 р/н., 182–1929 і раніше р/н.) і 38 дівчат (2–1930 р/н., 36–1929 і раніше р/н.). За національною ознакою це були: 260 – українців, 125 – росіян, 35 – євреїв, 5 – білорусів, 2 – інших національностей¹.

У першому семестрі студенти 4 дні мали теоретичного навчання (усього 28 годин на тиждень) і 2 дні виробничого навчання (14 годин на тиждень). У другому семестрі 2 тижні теоретичного навчання чергувались з 1 тижнем виробничого навчання.

Теоретичне навчання проходило в одну зміну. Студенти I курсу вивчали історію СРСР, російську мову, українську мову, математику, фізику, хімію, англійську мову, креслення, військову початкову підготовку, фізичне виховання. На II курсі вивчали історію СРСР, російську літературу, математику, англійську мову, українську літературу, креслення, психологію, військову початкову підготовку, технологію металів, технічну механіку, фізичне виховання. На III курсі студенти вивчали психологію, педагогіку, анатомію і фізіологію людини, машинознавство, технічну механіку, електротехніку, метало-ріжучі станки (ремонт промислового устаткування), різання металів і ріжучі інструменти, механічне нормування й облік, калькуляцію і технічну звітність, збір і монтаж станків, допуски і технічні виміри, холодну обробку металів, техніку безпеки й протипожежну безпеку, методику виробничого навчання, організацію промислового виробництва².

Сталий розклад занять формувався на кожний семестр. Навчальні заняття проходили о 9.00–17.00. Кожний день відбувалось по 7–8 уроків. Після 5 уроку була велика перерва на 1 годину. О 18.00–22.00 в навчальному корпусі чи у “ленінській кімнаті” гуртожитку “чергові викладачі” проводили для студентів консультації, а для відстаючих — додаткові заняття. Студенти навчались відповідно до правил внутрішнього розпорядку, складали перевідні (зимову і літню екзаменаційні сесії) і випускні іспити, проходили переддипломну практику, виконували і захищали курсові і дипломні проекти.

Відстаючих студентів найбільше завжди було на I курсі (російська мова, математика). У свою чергу, до кінця “п’ятирічки” поступово зросли вимоги

¹ ДАК. – Ф. Р. – 1362. – Оп. 1. – Спр. 3., Арк. 21; Спр. 12., Арк. 2; Спр. 16., Арк. 6–7; Спр. 18., Арк. 2, 23–24; Спр. 20., Арк. 8; Спр. 23., Арк. 8–9; Спр. 31., Арк. 3–4.

² Там само. – Спр. 3., Арк. 3–6; Спр. 7., Арк. 2–3зв., 12зв., 5; Спр. 16., Арк. 9; Спр. 18., Арк. 4; Спр. 23., Арк. 6, 32–37, 55, 67, 69; Спр. 31., Арк. 26.

до дипломних проектів та їх захисту. За рішенням вченої ради відмінники отримували “похвальні листи” (в 1947/1948 р. н/р. отримало 26 осіб, в 1948/1949 н/р. – 16, в 1949/1950 н/р. – 24). Попри складнощі в 1944–1947 рр. кількість дисциплінарних стягнень надалі щороку зменшувалась, а абсолютне відвідування й успішність склали 99 %.

Було створено навчальні кабінети фізики, хімії, креслення, технологічний, навчально-методичний, виробничо-методичний, військової справи. З навчально-пізнавальною метою для студентів організовувались екскурсії на провідні заводи міста, де ті ознайолювались з процесами обробки металів. Навчальні програми із загальноосвітніх предметів затверджувались наркоматом (міністерством) освіти, а навчальні програми зі спеціальних дисциплін затверджувались Головне управління трудових резервів УРСР¹. Студенти брали участь в міських і обласних олімпіадах.

Виробниче навчання для студентів I–III курсів відбувалось у дві зміни в навчальних майстернях з трьох відділень (механічне, слюсарне, ковальське). Там студенти у групах (25–32 особи) та підгрупах (12–16 осіб) проходили слюсарну, токарну, фрезерну, ковальську, термічну, паяльну, стругальну і гнуття труб справи. Вони вивчали будову станків, техніку безпеки, операції, навчались виготовляти робочий інструмент й деталі станків. Навчання перешкоджала часта нестача чи погана якість інструменту, матеріалів, палива, а головне станків і верстатів, “більшість з яких були старих типів і марок, а також знаходились в експлуатації без капітального ремонту 8–10 років”². Попри це щороку мав бути виконаний “виробничий план”. За ним разом з майстрами студенти виготовляли для потреб технікуму й на замовлення підприємств робочі інструменти (нутроміри, кутники, гайкові ключі, шаблони, перехідні втулки, кронциркулі, труборізи, плоскогубці, розміточні циркулі, молотки, ножиці, гвинти, зубила, рейсмуси) і деталей станків (клапани, вузли, вентиля, шпинделі, свердлильні патрони). До кінця “п’ятирічки” перелік студентських робіт був повністю “прив’язаний” до замовлень підприємств міста. Темата дипломних проектів затверджували актуальні способи швидкісного точіння, різання і обробки металу, швидкісного ремонту промислового устаткування³.

Урок став основною формою навчального процесу. Перед початком роботи на станку, студенти обов’язково проходили інструктаж з техніки безпеки. Оцінки за навчання виставлялись у “журналі виробничого навчання”. З пізнавальною

¹ ДАК. – Ф. Р. – 1362. – Оп. 1. – Спр. 7., Арк. 7, 15, 20; Спр. 16., Арк. 21; Спр. 18., Арк. 11; Спр. 23., Арк. 9, 32; Спр. 31., Арк. 9–10, 14–15, 26, 28.

² Там само. – Спр. 7., Арк. 7–8; Спр. 31., Арк. 32, 38–39.

³ Там само. – Спр. 31. – Арк. 16, 18.

метою студенти екскурсіями відвідували заводи міста, Інститут електрозварювання ім. академіка Патона НАН УРСР.

Виробниче навчання студентів III–IV курсів проходило у цехах провідних машинобудівних та інших заводів міста (станків-автоматів ім. Горького, № 308 “Більшовик”, № 485 “Артема”, мотоциклетний завод, заводах № 473 і № 475, танко-технічному училищі) за укладеними з ними угодами. Проте майстри скаржились, що студентам доручали виконувати не складні й одноманітні операції. Вони часто не навчались працювати на станках через відсутність на заводі електроенергії, через нестачу робочих місць. Скаржились, що послідовність операцій на заводі не відповідала послідовності операцій за навчальною програмою.

Станковий парк щороку поповнювався. Якщо в 1944/1945 н/р. у технікумі він нараховував 12 станків, то в 1949/1950 році вже 42. Абсолютне відвідування й абсолютна успішність з виробничого складання рідко складали менше 99%.

Згідно з програмами виробничого навчання при переході з I на II курс студентам присвоювався 4 розряд, з II на III курс — 5 розряд, при переході з III на IV курс — 6 розряд., а після випускних кваліфікаційних іспитів — 7 розряд. Кваліфікаційній комісії (її очолював провідний інженер базового підприємства) випускники складали випускний іспит та “кваліфікаційну пробу” (вироблену деталь чи пристрій). За звітами комісії 1945–1947 рр. “розрядність” у технікумі була нижчою за встановлену. Але невдовзі ситуація покращилась, бо в 1949 р. з 148 випускників лише 3 особи отримали 5 розряд, а інші — 6 і 7 розряди¹.

Водночас відзначено “кваліфікаційні роботи” студентів Кочевенка, Закутинського, Амурова, Зайця, Блаженка, Губенка, Журавльової, Коваленка, Лимаренка, Реллер, Рябчикова, Петровського, Василюшина, Антонова, Шиліна, Будника, Каткова. Ними керували такі майстри як А. Ф. Мамирскін, Д. К. Катровський, М. Ф. Пресніков, Д. М. Чередниченко та ін.²

Кадрами викладачів та майстрів виробничого навчання технікуму відразу був повністю забезпечений, але їх кваліфікація не відповідала вимогам технікуму. Так в 1945 р. його директор звітував, що жоден з 8 майстрів не відповідав займаній посаді³.

На 1946 р. адміністративно-господарський штат працівників технікуму нараховував 53 посади управлінських й обслуговуючих працівників, викладачів і майстрів виробничого навчання. Серед них: директор (з окладом 1300 крб. і 500 крб. персональної надбавки), заступник директора з навчальної частини (1200 крб.),

¹ ДАК. – Ф. Р. – 1362. – Оп. 1. – Спр. 31., Арк. 2, 30; Спр. 32., Арк. 10.

² Там само. – Спр. 3., Арк. 10, 13–14; Спр. 7., Арк. 10–11, 16зв., 20–21; Спр. 12., Арк. 12–13, 15–17, 19–22; Спр. 16., Арк. 9, 21, 23, 28, 32–37, 40–41; Спр. 31., Арк. 43; Спр. 42., Арк. 16, 18, 30–32, 34–38.

³ Там само. – Спр. 3., Арк. 21–21зв.

заступник директора з політико-виховної роботи (1200 крб.), заступник директора з виробничого навчання (1200 крб.), помічник директора з адміністративно-господарської роботи (1000 крб.), інспектор з кадрів і спецроботи (690 крб.), воєнрук (830 крб.), зав. відділу спецроботи (на 0,5 окладу — 500 крб.), секретар-друкарка (500 крб.), старший лаборант (600 крб.), лаборант (500 крб.), зав. бібліотекою (790 крб.), бібліотекар (550 крб.), секретар навчальної частини (500 крб.), зав. постачанням (790 крб.), зав. складом (600 крб.), головний бухгалтер (880 крб.), старший бухгалтер (790 крб.), бухгалтер (700 крб.), касир (500 крб.), дві гардеробниці (360 крб.), п'ять прибиральниць (385 крб.), два опалювачі (410 крб.), кравець (600 крб.), слюсар-водопровідник (550 крб.), два двірники (360 крб.), чоботар (600 крб.). У навчально-виробничих майстернях працювали: начальник відділу технічного контролю (690 крб.), роздавальник інструменту (600 крб.), електромонтер (500 крб.), опалювач (400 крб.). До штату працівників гуртожитку належали: два коменданти (690 крб.), кастелянша (500 крб.), шість прибиральниць (385 крб.), чотири опалювачі (410 крб.), двірник (360 крб.)¹.

На початок навчального 1945/1946 року в технікумі працювало 19 викладачів, з яких 15 мали вищу освіту, а 4 середню спеціальну (викладачі військової справи, фізичного виховання і викладач креслення, щоправда з 34 річним педагогічним стажем). За педагогічним стажем: двоє викладачів працювали у навчальних закладах від 1 до 5 років, троє — від 5 до 10 років, четверо — більше 10 років. Семеро викладачів працювали за сумісництвом, з них викладач російської мови і літератури, математики, історії СРСР, креслення і електротехніки. Цього року також працювало десять майстрів виробничого навчання, серед них: 3 — токарної, 6 — слюсарних і 1 ковальської спеціальності². На закінченні цього навчального року у технікумі працював вже 21 викладач³.

Кількості викладачів постійно зростала. В 1946/1947 навчальному році їх нараховувалось вже 24, з них 19 з вищою освітою, 1 з неповною вищою і 4 зі середньою освітою, 6 викладачів мало педагогічного стажу від 1 до 5 років, 4 — від 5 до 10 років, 7 — понад 10 років і 7 — до 25 років педстажу⁴.

У 1947/1948 навчальному році працювало вже 25 викладачів, з яких 21 мав вищу освіту і 6 були “сумісниками”. Деякі з них навчались у вечірньому Університеті марксизму-ленінізму. Щоправда бракувало викладачів, які могли б керувати дипломними проектами студентів, для чого залучили двох викладачів Київського політехнічного інституту. У підборі викладацького складу особливу увагу також

¹ ДАК. – Ф. Р. – 1362. – Оп. 1. – Спр. 33., Арк. 4–5, 9.

² Там само. – Спр. 7., Арк. 2, 10зв.

³ Там само. – Спр. 7., Арк. 21.

⁴ Там само. – Спр. 18., Арк. 4, 22.

приділяли викладачам спеціальних дисциплін, аби ті мали не лише значний педагогічний стаж, але й виробничий досвід¹.

Тому в 1948/1949 навчальному році здійснили “перегляд кадрів викладачів і майстрів виробничого навчання”, із звільненням 8 викладачів і 1 майстра. Цього навчального року у технікумі працювало 25 викладачів, з яких 22 мали вищу освіту, 1 неповну вищу і 2 середню спеціальну. Також 3 викладачів працювали за сумісництвом (викладачі математики, ремонту промислового устаткування, холодної обробки металів). В 1949/1950 навчальному році працювало вже 22 викладачі, 8 з яких були членами КП (б)У².

Майстрів виробничого навчання працювало 9–10 осіб, переважна більшість яких мала середню спеціальну або середню освіту. Кожний майстер у навчальному році “вів” по 2–3 групи. Щоденно проводив заняття в одній групі, яка нараховувала 25–32 студенти. “З метою забезпечення якісного підбору майстрів виробничого” у технікумі впродовж 1950 р. звільнили 3 майстрів, як таких, що “не відповідали займаним посадам”.

Попри те, станом на 1950 р. викладацький колектив технікуму був повністю укомплектований. У штаті працювало 20 викладачів, усі з вищою освітою. 3 викладачів працювали за сумісництвом (1 з неповною вищою і 1 зі середньою спеціальною, 1 канд. наук, доцент КПІ). З усіх викладачів: стаж до 5 років мало 6 осіб, 5–10 років — 4, 10–25 років — 10, більше 25 років — 3 особи. 9 викладачів були членами ВКП (б).

3 9 майстрів виробничого навчання: 7 осіб мало середню спеціальну освіту, 1 із середньою загальною і 1 з неповною середньою освітою. З усіх майстрів: стаж роботи менше 5 років мали 4 особи, 10–20 років — 3, більше 25 років — 2 осіб. 2 майстрів були членами ВКП (б)³.

Кожного року педколективом визначались кращі викладачі технікуму. В 1946 р. ними стали: воєнрук — А. Г. Мітюков, викладач математики — Л. Д. Балан, англійської мови — Є. Д. Морєва, російської мови та літератури — В. Л. Шутько та хімії — С. М. Фадеєва. В 1949 році кращими викладачами стали викладачі історії СРСР (О. П. Голодов), теорії різання (С. М. Морозенко) і математики (О. П. Кривцов)⁴.

Повільність у налагодженні роботи технікуму обумовили зміну його директора, яким у 1946 р. призначено В. Ф. Степанова. Очевидно, що той так само не “справився”, бо вже наступного року був замінений В. А. Гурським,

¹ ДАК. – Ф. Р. – 1362. – Оп. 1. – Спр. 16., Арк. 6–7; Спр. 18., Арк. 4.

² Там само. – Спр. 23., Арк. 11; Спр. 31., Арк. 7.

³ Там само. – Спр. 16., Арк. 27; Спр. 42., Арк. 6.

⁴ Там само. – Спр. 7., Арк. 5; Спр. 23., Арк. 12–13.

який керував технікумом до 1949 р., коли його на посаді директора заступив Т. А. Кисельов¹.

Впродовж 1944–1950 рр. створили навчальні кабінети: хімічний, фізичний, математичний, креслення, історії СРСР, педагогічний, анатомії і фізіології людини, технології станків, метало-ріжучих станків, технічної механіки, електротехніки, методики виробничого навчання, військової справи і фізичного виховання. Організували також фізичну і хімічну лабораторії. Окремі лабораторні роботи виконували в лабораторіях КПІ. Кабінети містили з предмету наглядні посібники, плакати, схеми, таблиці, макети, верстати, станки, в тому числі виготовлені студентами, викладачами і майстрами. Для кабінету анатомії і фізіології людини придбали скелет і торс людини, макети ока, вуха та інших людських органів.

Усі кабінети були прикрашені портретами і бюстами вітчизняних учених, а саме М. Ломоносова, Д. Менделєєва, О. Попова, І. Лобачевського, С. Боткіна, І. Павлова, Є. Патона. Виставлялись “наукові вітрина” (“Майстри швидкісної плавки”, “Новатори-швидкісники”, “Творці механіки”, “Ріжучий інструмент”, “Зварка і пайка металів”, “Литійна справа”, “Ковальна справа”, ін.). З 1950 р. в технікумі почали функціонувати ще дві лабораторії, а саме спеціальних й загально-технічних дисциплін, різання металів².

Починаючи з 1947/1948 навчального року студенти IV курсу обов'язково у другому півріччі проходили в ремісничих, залізничних училищах, школах ФЗН м. Києва 8-ми тижневу педагогічну практику з метою “набути навиків навчально-виробничої роботи з групою учнів”. Практиканти спочатку спостерігали за уроками майстра виробничого навчання в групах 1 і 2 класів, потім за його присутності проводили кілька “пробних” занять, а також писали план-конспекти, щоденники, проводили “відкритий урок”, виконували звіт про проходження практики, який потім захищали у технікумі, отримували характеристики від керівників училищ і шкіл ФЗН. З Багато студентів потім залишались працювати у них³.

Профорієнтаційну роботу ґрунтовно почали проводити перед 1948/1949 навчальним роком. Тоді у технікумі відбувся “день відкритих дверей”, до директорів заводів та училищ звернулись з листами, подали повідомлення у пресі, в яких повідомили про набір студентів. Працівники технікуму відвідали підприємства міста, ремісничі й залізничні училища, де провели агітацію серед робітничої молоді та учнів. У наслідок, конкурс цього року склав 4 абітурієнти на 1 місце, а це, у свою

¹ ДАК. – Ф. Р. – 1362. – Оп. 1. – Спр. 3., Арк. 23; Спр. 7., Арк. 14; Спр. 16., Арк. 78; Спр. 18., Арк. 31; Спр. 20., Арк. 8; Спр. 23., Арк. 80; Спр. 29., Арк. 9; Спр. 31., Арк. 2; Спр. 34., Арк. 1, 71; Спр. 39., Арк. 4.

² Там само. – Спр. 16. – Арк. 3, 5, 16; Спр. 23. – Арк. 25; Спр. 31. – Арк. 14; Спр. 18. – Арк. 7.

³ Там само. – Спр. 16., Арк. 67–78; Спр. 20., Арк. 2; Спр. 23., Арк. 40–41; Спр. 42., Арк. 16.

чергу, обумовило, що студентами першого курсу навчання зарахували набагато краще підготовлених, ніж у попередні роки¹.

Окрім підприємств й організацій міста, профтехучилищ Київського обласного управління трудових резервів, випускники технікуму направлялись на роботу до училищ вінницького, ворошиловградського, дніпропетровського, дрогобицького, житомирського, запорізького, ізмаїльського, кіровоградського, миколаївського, одеського, полтавського, сталінського, сумського, чернівецького, а також кадузького, калінінградського, курського, московського, орловського, обласних управлінь трудових резервів. Окремі випускники-відмінники залишались працювати у технікумі².

Опісля війни студенти технікуму залучались до розчищення й відбудови центральної вулиці Хрещатика, районів міста, Гідропарку, осушення пойми р. Ірпінь, ремонту навчального корпусу технікуму, його стадіону, гуртожитків, заготівлі дров для обігріву будинків, заготівлі сільськогосподарськими організаціями продуктів³.

Від ремісничого училища № 7 технікум отримав приміщення навчального корпусу та навчальних майстерень, гуртожиток по вул. Лук'янівській, 62. Вони перебували у непридатному для використання стані, тому викладачі спільно зі студентами самостійно у короткий термін відремонтували їх, а саме застеклили вікна, поставили двері, полагодили опалювальні печі. Проте навчальні кабінети ще не мали достатнього освітлення, були недостатньо великими за площею і ледь поміщали усіх студентів. Хоча було отримано зошити, олівці, перо, але не вистачало креслярських знарядь, зокрема кутів, рейсшин, гумок, зовсім не було логарифмічних лінійок, деяких підручників. Потребували столової, гардеробної, складу для матеріалів, спортивної площадки.

Вже з 1944 р. в навчальних майстернях діяли три цехи: механічний (11 станків), слюсарний (8 станків), ковальський (4 горни і 2 наковальні) з трьома відділеннями (електромонтажне, вулканізаційне, термічне). До кінця "п'ятирічки" запрацювали токарне і фрезерне відділення. Для термічного відділення придбали термопід на рідкому паливі, муфельні печі, прес "Брінеля". Від базових підприємств щороку безкоштовно отримували верстати і станки. Для лабораторій закупили оптичні кутомір і квадрант, індикатор, інструментальний, два металографічних мікроскопи, тепломір, горизонтальний і вертикальний оптико-виміри.

У 1947 р. навчальних приміщеннях й гуртожитку технікуму провели капітальний ремонт. Облаштували спортивну площадку. Щоправда цього ж року директор технікуму В. Гурський скаржився, що більшість станків, отриманих від

¹ ДАК. – Ф. Р. – 1362. – Оп. 1. – Спр. 23., Арк. 6.

² Там само. – Спр. 23., Арк. 9; Спр. 52., Арк. 5.

³ Там само. – Спр. 3., Арк. 17зв.; Спр. 23., Арк. 78; Спр. 29., Арк. 22.

Московського індустріального технікуму трудових резервів, “настільки застарілі і зношені, що вже давно потребують заміни”¹.

Станом на 1950 р. в технікумі у виробничому навчанні використовувались 20 токарних, 2 револьверних, 2 стругальних, 1 зубовидовбувальний, 8 фрезерних, 1 зубофрезерний, 5 свердильних, 2 шліфувальних, 1 заточувальний станків, 4 наждачних точила, 1 пневматичний молот (до 75 кг.), 1 привідний прес (“СЕТ”), 4 наковальні, 1 термопіч. Окрім цього купували різноманітні напильніки, точила, свердла, фрези, контрольно-вимірвальні засоби, різці, сталь. Навколо технікуму, в цехах заасфальтували доріжки, у дворіку облаштували лавки, “шахові столики”².

Основні видатки технікуму (ремонт будівель, канцелярські і господарські витрати, відрядження, придбання підручників, обмундирування, харчування, зарплата викладачів, студентська стипендія, ін.) фінансувались за рахунок централізованих фондів державного бюджету. У свою чергу, технікум і сам заробляв кошти, зокрема від надання послуг і продажу виробленої у навчальних майстернях продукції, від реалізації відходів виробництва, за виконання робіт під час виробничого навчання на базових підприємствах. Студенти виготовляли циркулі, кути, плоскогубці, розвідні ключі, рейсмуси, свердильні патрони, перехідні втулки, різноманітні тиски, ножовочні полотна, окремі деталі станків. Так у 1945 р. технікум виконав “виробничий план” на 111 %. Надалі щороку до кінця “п’ятирічки” “виробничий план” перевиконувався до 127 %³.

Таким чином, Київський індустріальний технікум засновано 13 червня 1944 р. Він знаходився за адресою Повітрофлотське шосе, 220. Готував майстрів виробничого навчання для ремісничих, залізничних училищ та шкіл фабрично-заводського навчання за спеціальностями “метало-ріжучі станки” і “холодна обробка металів різанням”.

Директори технікуму: Г. А. Головін (1944–1946 рр.), В. Ф. Степанов (1946–1947 рр.), В. А. Гурський (1947–1949 рр.), Т. А. Кисельов (з 1949 р.).

Ще в 1945 р. директор технікуму скаржився, що жоден майстер виробничого навчання не відповідав займаній посаді. Протягом 1947–1950 рр. звільнили 8 викладачів і 4 майстрів, яких замінили кваліфікованими. В 1947/1948 н/р. застарілі навчальні програми замінили новітніми. Через слабкий загальноосвітній рівень абітурієнтів, з 1946 рр. на навчання до технікуму почали приймати випускників ремісничих і залізничних училищ, шкіл ФЗН, а також робітників заводів з робітничою кваліфікацією не нижче 4 розряду і учнів середніх шкіл з освітою не менше 7 класів.

¹ ДАК. – Ф. Р. – 1362. – Оп. 1. – Спр. 16., Арк. 47.

² Там само. – Спр. 3., Арк. 1зв.; 8–9, 11зв.; Спр. 7., Арк. 1, 8, 19–20; Спр. 16., Арк. 5, 26; Спр. 18., Арк. 1–2; Спр. 23., Арк. 5–6, 25, 43, 45, 47й; Спр. 31., Арк. 2, 30.

³ Там само. – Спр. 7., Арк. 9; Спр. 16., Арк. 42; Спр. 23., Арк. 62; Спр. 34., Арк. 22, 67; Спр. 42., Арк. 79.

*Kuznetsov Vyacheslav Aleksandrovich,
PhD (History), is Director of the South Ukrainian Education,
Science and Technology History
Research Centre named after V.I. Lypsky
E-mail: va-cuznetsov@yandex.ru*

*Ruzhitskaya Margarita Sergeevna,
National University named after I. I. Mechnikov,
Magister (Psychology), postgraduate student,
department of psychology, Odessa*

Elkin David Genrikhovich (31.10.1895–05.07.1983): The life and Scientific-pedagogical activity

*Кузнецов Вячеслав Александрович,
к. и. н., директор Центра научных исследований
по истории образования, науки и техники
на юге Украины имени В. И. Липского
E-mail: va-cuznetsov@yandex.ru*

*Ружицкая Маргарита Сергеевна,
магистр, аспирант кафедры психологии Одесского
национального университета имени И. И. Мечникова*

Элькин Давид Генрихович (31.10.1895–05.07.1983): жизнь и научно-педагогическая деятельность

Давид Генрихович Элькин — выдающийся советский психолог, доктор педагогических наук (по психологии), один из наиболее ярких представителей Одесской научной психологической школы, основанной Н. Н. Ланге, профессор Одесского государственного университета имени И. И. Мечникова (ОГУ). Д. Г. Элькин многие годы жизни посвятил изучению психологии механизмов памяти, внимания, восприятия, психологии речи, а также формированию умений навыков у детей в процессе обучения. Его перу принадлежит более 200 научных работ по общей, детской, педагогической, инженерной психологии, психологии животных, опубликованных как в отечественных, так и в зарубежных изданиях. Но наибольший вклад в развитие психологии Д. Г. Элькин внес своими исследованиями по восприятию и отражению времени, которыми он занимался более 40 лет¹.

¹ Болотова А. К. Памяти учителя // Вопр. психологии. – 1995. – № 6. – С. 93–95.

Давид Генрихович Элькин родился 31 октября 1895 г. в Воронеже в семье провизора. Он окончил 1-ую Одесскую гимназию с золотой медалью и в 1914 г. поступил в Петербургский Психоневрологический институт. Но Первая мировая война заставила его возвратиться в Одессу, и в 1915 г. он переводится на естественнонаучное отделение физико-математического факультета Новороссийского (Одесского) университета. На становление Д. Г. Элькина как ученого-психолога большое влияние оказал профессор Н. Н. Ланге, который привлек его к научной работе в кабинете экспериментальной психологии¹.

Еще будучи студентом (1917–1921 гг.) Д. Г. Элькин начал работать в Одесском городском институте детской психологии и экспериментальной педагогики им. Н. В. Якунина (ГИДПЭП). По окончании университета он еще год продолжает работать в ГИДПЭП, где возглавляет лабораторию психологии. В 1922 г. переходит на должность ассистента кафедры психологии в Одесский институт народного образования (ОИНО), где читает курсы по общей и педагогической психологии и логике².

Свою научную деятельность Д. Г. Элькин начал с изучения временных и пространственных отношений у детей, особенностей построения ими временной перспективы. Последующие экспериментальные исследования были посвящены условиям высокой производительности памяти. Результаты этих исследований были опубликованы в «Записках Института народного образования», в иностранных психологических журналах и получили одобрительные отзывы. Д. Г. Элькин исследовал влияние количества событий, которые запоминаются, на воссоздание и оценку длительности прошлого. В дальнейшем результаты этих и более поздних исследований в области детской и педагогической психологии были им обобщены в монографии «Педагогика и психология памяти»³, в которой предложен ряд практических рекомендаций для участников процесса обучения с целью повышения его эффективности⁴.

В 1930 г. Д. Г. Элькину присвоено звание профессора, и он назначен заведующим кафедры психологии Одесского института профобразования, а после его реорганизации — ОГУ. Здесь он создал работоспособный коллектив молодых ученых и развернул большую научно-исследовательскую работу в области психологии. «В этот период исследования на кафедре велись в трех

¹ Запорожец А. В. Д. Г. Элькин. К 75-летию со дня рождения // Вопр. психологии. – 1971. – № 1. – С. 180–181.

² Левченко В. В. Історія Одеського інституту народної освіти (1920–1930 рр.): позитивний досвід невдалого експерименту: монографія / Відп. ред. В. М. Хмарський – Одеса: ТЕС, – 2010. – 428 с.

³ Элькин Д. Г. Педагогика и психология памяти. – К. : Радянська школа, – 1948. – 74 с.

⁴ Указна Л. Н., Цуканов Б. Й. Елькін Д. Г. – видатний дослідник психології сприймання часу // Педагогіка і психологія. – 1995. – № 4. – С. 176–178.

направлениях: 1) общая психология; 2) детская и педагогическая психология; 3) история психологии. Основное внимание кафедры сосредоточено на изучении процессов восприятия, конкретно, восприятие времени»¹.

Развернувшаяся в СССР в середине 30-х годов, борьба за истинную советскую педагогику (Постановление ЦК ВКП/б/от 04.07.1936 «О педологических извращениях в системе Наркомпросов»²) привела к запрету психотехники и использования психологического эксперимента как объективного метода исследований. В этот период ученый начал плановые исследования по разработке проблем восприятия времени. Будучи глубоко уверенным в том, что только с позиций рефлекторной природы психики можно дать объяснение психологическим факторам, он провел фундаментальные исследования в области ощущения и восприятия времени. Им глубоко изучены вопросы о мозговой локализации временных восприятий и их физиологического механизма, об участии кинестетического, тактильного, слухового, зрительного анализаторов в восприятии времени, об ориентации животных во времени, о роли временных мер, эмоциональных состояний, представления, мышления в восприятии и оценке времени. Однако исследования были прерваны началом Великой Отечественной войны.

В середине июля 1941 г. Д. Г. Элькин в составе группы профессоров был эвакуирован из Одессы. К сожалению, у нас нет точных данных о месте его пребывания до ноября 1942 г. По архивным материалам можно только констатировать, что профессор Д. Г. Элькин прибыл в г. Байрам-Али, где находился ОГУ в эвакуации, и был зачислен в штат преподавателей на должность профессора кафедры педагогики 01.11.1942 г³.

Давид Генрихович читал лекции по психологии студентам всех факультетов университета и педагогического института, руководил педагогическими практиками в школах Байрам-Али. В этот период он продолжал активную научную работу: руководил аспирантскими работами, был членом совета по защите диссертаций, выступал оппонентом на защитах соискателей по психологическим и педагогическим специальностям. По воспоминаниям Д. Г. Элькина и архивным материалам видно, что в Байрам-Али было защищено как минимум 6 диссертаций по психологии и педагогике⁴.

¹ Історія Одеського університету за 100 років/Відп. ред. О. І. Юрженко. – К.: Вид-во Київського ун-ту, – 1968. – С. 386.

² КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. – М., – 1985. – Т. 6. – С. 364–367.

³ Архив ОНУ имени И. И. Мечникова. – Ф. Приказы. – Оп. 2-л. – Ед. хр. 5. – Л. 36.

⁴ Історія Одеського університету за 100 років/Відп. ред. О. І. Юрженко. – К.: Вид-во Київського ун-ту, – 1968. – 424 с.

Много времени уделял Д. Г. Элькин работе над своей докторской диссертацией, которую после войны он представил к защите. Однако судьба опять сыграла с ним злую шутку — в СССР набирала силу очередная идеологическая кампания по «борьбе с космополитизмом», направленная против представителей советской интеллигенции как носителей прозападных тенденций. На протяжении нескольких лет имя Д. Г. Элькина не сходило со страниц партийных протоколов: «Тов. [М. С.] Гриценко: — Недавно газета «Черноморская коммуна» совершенно правильно обвинила проф. [Д. Г.] Элькина в низкопоклонстве перед буржуазным Западом. <... >

Во время войны он написал докторскую диссертацию. В то время, когда лучшая часть научных работников защищала честь государственного университета в Туркмении, когда лучшие товарищи проливали кровь на фронтах, некоторые писали диссертации, если хорошие, честь и слава таким, но научные труды проф. [Д. Г.] Элькина, его докторская диссертация, которую он защищал в 1946 г. не представляет никакой ценности и не случайно не утверждена ВАКом, ибо он сам признал, что там низкопоклонство перед махровыми буржуазными учеными. <... >

В одном только месте, после того, как перечислены были 32 махровых буржуазных наиболее реакционных физиолога и психолога, он упомянул русского ученого [Н. Н.] Ланге и то поставил его в один уровень с другими буржуазными учеными...¹».

После эвакуации Д. Г. Элькин продолжал работать в ОГУ: в 1944–1947 гг. — заведовал кафедрой психологии, с 1947 г. по 1960 г. — объединенной кафедрой психологии и педагогики, затем, после восстановления самостоятельных кафедр, он опять возглавил кафедру психологии.

Возможность защитить докторскую диссертацию Д. Г. Элькину представилось только в 1952 г. Официальными оппонентами на защите были профессора Б. Г. Теплов, С. Г. Корнилов, А. Г. Лурия. После защиты диссертации Д. Г. Элькину была присуждена степень доктора педагогических наук (по психологии)². Материалы докторской диссертации Д. Г. Элькина были доработаны и обобщены им в монографии «Восприятие времени»³, изданной в 1962 г. Это было одно из первых отечественных исследований по психологии восприятия времени, которое ранее рассматривалась лишь в чисто философской интерпретации.

Являясь достойным преемником научных экспериментально-психологических традиций, созданных в Одесском (Новороссийском) университете

¹ ГАОО. Ф. П-90. – Оп. 1. – Ед. хр. 55. – Л. 10–39.

² Акимова Л. Н., Цуканов Б. Й. Елькін Давид Генріхович // Професори Одеського (Новоросійського) університету: Біогр. словник. Т. 2. А-І. Вид. 2-е, доп./Відп. ред.. В. А. Сминтина. – Одеса: Астропринт, – 2005. – С. 418–422.

³ Элькин Д. Г. Восприятие времени – М.: Изд-во АН РСФСР, – 1962. – 310 с.

Н. Н. Ланге, Д. Г. Элькин развил их и создал научную психологическую школу, получившую мировое признание. Научные поиски Д. Г. Элькина и его учеников связаны с изучением условий и психофизиологических механизмов сложнейших психических процессов, основой которых всегда был мастерски построенный классический психологический эксперимент, клинический анализ психиатрического и патоневрологического материала, а также методы онтогенетического и зоопсихологического исследования¹.

Созданная Д. Г. Элькиным научная психологическая школа, продолжившая изучение психологии дифференциации времени и подтвердила его основную гипотезу о том, что восприятие времени — процесс моделирования временных параметров раздражителя².

Научное наследие Д. Г. Элькина остается актуальным и для современной науки. Ему принадлежат работы по различным проблемам восприятия времени: от проблем онтогенеза, специфики развития временных восприятий в музыкальной, спортивной и профессиональной деятельности до проблем восприятия времени в социальных контактах, в общении человека. Его труды вошли в фундаментальное издание «Психологическая наука в СССР»³.

Следует особо подчеркнуть, что, изучая специальные вопросы восприятия времени и пространства, Д. Г. Элькин внес вместе с тем ценный вклад в разработку общей теории чувственного познания человеком окружающей действительности. Наряду с такими выдающимися отечественными исследователями, как Б. Г. Ананьев, А. Н. Леонтьев, Б. М. Теплов, А. Р. Лурия и другими, Д. Г. Элькин последовательно отстаивал в своих работах понимание процессов восприятия как рефлекторных по своему происхождению, носящих характер своеобразных ориентировочно-исследовательских действий, моделирующих особенности воспринимаемых объектов и явлений, развивающихся в контексте практической деятельности субъекта и выполняющих в ней ориентирующую и регулирующую функции⁴.

Надо отметить, что изыскания Д. Г. Элькина и его учеников осуществлялись в тесном контакте с представителями Харьковской научной психологической школы. Эти контакты переросли в многолетние плодотворные отношения ученого с выдающимися психологами страны, которые неоднократно приглашались на научные семинары и конференции, принимали участие в работе

¹ Болотова А. К. Памяти учителя//Вопр. психологии. – 1995. – № 6. – С. 93–95.

² Акимова Л. Н., Цуканов Б. Й. Елькін Давид Генріхович//Професори Одеського (Новоросійського) університету: Біогр. словник. Т. 2. А-І. Вид. 2-е, доп./Відп. ред.. В. А. Сминтина. – Одеса: Астропринт, 2005. – С. 418–422.

³ Психологическая наука в СССР. В 2-х т. – М.: Изд-во АПН РСФСР, – 1959–1960.

⁴ Болотова А. К. Памяти учителя//Вопр. психологии. – 1995. – № 6. – С. 93–95.

специализированного совета по защите диссертаций, созданного по инициативе и при участии Д. Г. Элькина. Организаторский талант Д. Г. Элькина был направлен на создание Одесского отделения Общества психологов, которое он возглавлял в течение многих лет, а также проведение различных психологических мероприятий, редакционно-издательскую деятельность по выпуску материалов конференций. Д. Г. Элькин был неизменным участником совещаний и съездов психологов, проводившихся в Ленинграде и Тбилиси, Киеве и Москве. Его энергичность, активный поиск в области новых прикладных исследований и применения психологического знания отличали его в течение всей его неутомимой и довольно долгой научной деятельности. Д. Г. Элькин возглавлял симпозиум «Восприятие времени» на XVIII Международном психологическом конгрессе в Москве в 1966 г. «В 1973 г. в Тбилиси на Международном психологическом конгрессе, посвященном проблемам бессознательного, Д. Г. Элькин выступал с докладом «Отсчет времени в состоянии сна и гипноза»¹.

Д. Г. Элькин проводил исследования в отрасли инженерной психологии, им были разработаны электронные накожные часы, биоэлектрический протез руки. В области юридической психологии Давида Генриховича интересовали мотивация правонарушений, особенности поведения человека в условиях одиночного заключения. Ученый собрал редкий материал по психологии животных, однако монография «Психология животных» напечатана не была из-за множественных ссылок автора на К. Лоренца и других представителей «буржуазных» научных направлений².

Д. Г. Элькиным проводились исследования по проблеме обратной связи и опережающего отображения в формировании адекватного восприятия длительности, перцептивных составляющих пространства и времени, функциональной асимметрии в дифференциации времени, роли «биологических часов» и неосознаваемых компонентов в моделировании психики метрики и топологии времени³.

В 1959 г., после некоторого ослабления идеологического давления на психологическую науку, Д. Г. Элькин возродил и возглавил Одесское отделение Психологического общества. Он активно пропагандировал психологические знания. Прекрасно владея риторикой и логикой, талантом лекторского красноречия, он

---

¹ Элькин Д. Г., Козина Т. М. Отсчет времени в состоянии сна и гипноза // Бессознательное: природа, функции, методы исследования. – Тбилиси: Мецниереба, – 1978. – Т. 2. – С. 136–140.

² Акимова Л. Н., Цуканов Б. Й. Елькін Давид Генріхович // Професори Одеського (Новоросійського) університету: Біогр. словник. Т. 2. А-І. Вид. 2-е, доп./ Відп. ред.: В. А. Сминтина. – Одеса: Астропринт, – 2005. – С. 418–422.

³ Указная Л. Н., Цуканов Б. Й. Елькин Д. Г. К 100-летию со дня рождения // Психол. журн. – 1995. – Т. 16, – № 5. – С. 148–149.

имел большое влияние на студенческую молодежь, педагогов, врачей. Ораторский талант Д. Г. Элькина остается легендой для одесского студенчества: на его университетские лекции собирались студенты медицинского и технологического институтов, курсанты высшего мореходного училища и политехнического института. Обладая остро критическим и ироничным умом, Д. Г. Элькин учил постигать подлинно научную психологию, показывая, что за простыми жизненными фактами стоят сложнейшие проблемы, над решением которых билась лучшие умы на протяжении тысячелетий. Давид Генрихович учил принципиальности, критичности в оценке подходов к разнообразным психологическим теориям, бескомпромиссной борьбе за истину. Естественная, полная такта и интеллигентности манера общения делала его доступным, а разговор о сложных материях — земным и понятным¹.

Д. Г. Элькин вел активную работу по подготовке научных педагогических и психологических кадров. Для студентов, которые готовились к педагогической деятельности, он издал методические пособия «Конспекты лекций по психологии», «Психология речи». Под его руководством 30 аспирантов защитили кандидатские диссертации, стали научными работниками в разных вузах страны.

Умер Давид Генрихович Элькин 5 июля 1983 года. Похоронен на Втором городском кладбище Одессы².

Как широко образованный ученый, неутомимый экспериментатор, оригинальный исследователь, Давид Генрихович Элькин относится к той плеяде отечественных ученых, которые заложили основы фундаментальных исследований в психологической науке. Трудно переоценить теоретическое и практическое значение полученных в исследованиях Д. Г. Элькина и его учеников результатов, которые в совокупности могут рассматриваться как пролегомены к психологии восприятия времени. Многогранны области и проблематика научной и научно-организаторской деятельности ученого. Это общая и специальная экспериментальная психология: вопросы восприятия и чувства времени, их усвоения и ценности социальных эталонов длительности, составляющих сложнейшую систему исторического времени “временных вех” и “временных шкал”, на которые проецируется опыт индивида в сопоставлении с опытом человеческого рода; вопросы временного поведения, ритмических структур и умений, их психофизиологические механизмы, вопросы времени и памяти, мотивации и эмоций в восприятии времени.

---

¹ Указна Л. Н., Цуканов Б. Й. Елькін Д. Г. – видатний дослідник психології сприймання часу// Педагогіка і психологія. – 1995. – № 4. – С. 176–178.

² Некролог// Давид Генрихович Элькин// Вопросы психологи – 1983. – № 6 – С. 167–168.

Список литературы:

1. Акимова Л. Н., Цуканов Б. Й. Елькін Давид Генріхович/Л. Н. Акимова, Б. Й. Цуканов//Професори Одеського (Новоросійського) університету: Біогр. словник. Т. 2. А-І. Вид. 2-е, доп./Відп. ред. В. А. Сминтина. – Одеса: Астропринт, – 2005. – С. 418–422.
2. Архив ОНУ имени И. И. Мечникова. Ф. Приказы. – Оп. 2-л. – Ед. хр. 5. – Л. 36. (Наказ № 188 от 14.12.1942 г.).
3. Болотова А. К. Памяти учителя/А. К. Болотова//Вопр. психологии.- 1995. — № 6. – С. 93–95.
4. ГАОО. Ф. П-90. – Оп. 1. – Ед. хр. 55. – Л. 10–39. (Протокол № 5 закрытого партийного собрания ОГУ от 06.04. 1949 г.).
5. Запорожец А. В. Д. Г. Элькин. К 75-летию со дня рождения/А. В. Запорожец//Вопр. психологии. – 1971. – № 1. – С. 180–181.
6. Історія Одеського університету за 100 років/Відп. ред. О. І. Юрженко. – К.: Вид-во Київського ун-ту, – 1968. – 424 с.
7. Левченко В. В. Історія Одеського інституту народної освіти (1920–1930 рр.): позитивний досвід невдалого експерименту: монографія/В. В. Левченко; Відп. ред. В. М. Хмарський – Одеса: ТЕС, – 2010. – 428 с.
8. Некролог//Давид Генріхович Елькін//Вопросы психологи – 1983. – № 6. – С. 167–168.
9. О педологических извращениях в системе Наркомпросов//КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. – М., – 1985. – Т. 6. – С. 364–367.
10. Психологическая наука в СССР. В 2-х т. – М.: Изд-во АПН РСФСР, – 1959–1960.
11. Указна Л. Н., Цуканов Б. Й. Елькін Д. Г. – видатний дослідник психології сприймання часу/Л. Н. Указна, Б. Й. Цуканов//Педагогіка і психологія. – 1995. – № 4. – С. 176–178.
12. Указная Л. Н., Цуканов Б. Й. Елькин Д. Г. К 100-летию со дня рождения/Л. Н. Указная, Б. Й. Цуканов//Психол. журн. – 1995. – Т. 16., – № 5. – С. 148–149
13. Элькин Д. Г. Педагогика и психология памяти/Д. Г. Элькин – К.: Радянська школа, – 1948. – 74 с.
14. Элькин Д. Г. Восприятие времени/Д. Г. Элькин – М.: Изд-во АН РСФСР, – 1962. – 310 с.
15. Элькин Д. Г., Козина Т. М. Отсчет времени в состоянии сна и гипноза/Д. Г. Элькин, Т. М. Козина//Бессознательное: природа, функции методы исследования. – Тбилиси: Мецниереба, – 1978. – Т. 2. – С. 136–140.

*Jakobson Anatolij Yakovlevich,
Irkutsk State Transport University,
Professor, Department of Management
E-mail: anatolij.jakobson@gmail.com*

*Batciun Natalia Vladimirovna,
Irkutsk State Technical University,
Associate Professor, Department of World Economy
E-mail: nbatsun@mail.ru*

The history of management thought development in Russia — USSR: the early period

*Якобсон Анатолий Яковлевич
Иркутский государственный университет путей сообщения,
профессор, кафедра «Менеджмент»
E-mail: anatolij.jakobson@gmail.com*

*Бацун Наталья Владимировна,
Иркутский государственный технический университет,
доцент кафедры Мировой экономики
E-mail: nbatsun@mail.ru*

История развития управленческой мысли в России — СССР: начальный период

Как известно, наука менеджмента зародилась и развивалась главным образом в США. Есть основополагающие работы некоторых западноевропейских авторов, многократно описан оригинальный японский опыт. О вкладе наших соотечественников известно очень мало, а за рубежом практически вообще неизвестно.

Между тем, отечественный опыт менеджмента, хотя, как и положено опыту, относится к временам прошедшим, продолжает оказывать влияние на практику управления сегодняшнего дня, и многие проблемы этой практики не понять, если опираться только на зарубежные теории.

Практически весь отечественный опыт менеджмента относится к тому периоду истории, когда существовало государство под названием Советский Союз, и во многом носит отчётливый отпечаток истории и идеологии этого периода. В современной литературе широко распространены попытки как идеализировать советский период отечественной истории, так и демонизировать его, другими словами, мазать либо белой, либо чёрной краской. По нашему мнению,

и то и другое неправильно, к оценке этого непростого времени необходим взвешенный подход¹. И, пожалуй, самое главное при этом — чётко периодизировать советскую историю, подходить к ней дифференцированно.

Начнём с того, что необходимо выделять как совершенно особый период 20-е годы XX века. Историческими рубежами этого периода следует считать, с одной стороны, переход от «военного коммунизма» 1917–1920 гг. к новой экономической политике (НЭП), начавшийся в 1921 г.; с другой стороны — фактически государственный переворот, совершённый Сталиным в 1929 г.

Следующий период — сталинский менеджмент. Так можно назвать систему управления, существовавшую у нас в стране в 30-е, 40-е и в начале 50-х годов и сложившуюся уже в условиях тоталитарного строя. Она имела свои яркие проявления в управлении как страной в целом, так и организациями.

Уже во 2-й половине 80-х — в период так называемой Перестройки — появились работы историков, чётко проводящие грань между досталинским и сталинским периодами в политике и в экономике². К сожалению, период объективного анализа прошлого был недолгим. В 1990–1991 годах распространилось отношение к прошлому, отличавшееся от доперестроечного лишь знаком: весь период с 1917 по 1991 годы вновь мазался одной краской, только на этот раз чёрной.

История современной управленческой мысли в России начинается, когда, практически одновременно с Тейлором, но даже несколько раньше него (в середине и второй половине 90-х годов XIX в.), сходными проблемами занимался инженер К. Адамецкий. Он, в частности, предложил оригинальные «законы организации труда», разработал диаграмму, которая стала позже известна как «диаграмма Ганта». Однако Адамецкий не оформил свои идеи в качестве разработанной теории, не создал своей школы.

Более или менее систематическое формирование и развитие теории и практики менеджмента фактически начинается в 20-х годах, с окончанием Гражданской войны.

Непосредственно предшествующая (1917–1920 гг.) экономическая политика — «военный коммунизм» — характеризуется попыткой запрета на любую торговлю, прямым распределением предметов потребления в городах, а в сельском хозяйстве — продразвёрсткой.

Советская власть ещё в 1917 г., одним из первых своих декретов, наделила крестьян землёй. Интересно, что большевики во главе с В. И. Лениным провели

¹ Якобсон А. Я. О некоторых мифах отечественной экономической истории // Рыночная экономика, маркетинг, инфраструктура рынка. – Иркутск : Изд-во ИрГТУ, – 2002. – С. 5–16.

² Гордон Л., Клопов Э. Тридцатые – сороковые. // Знание – сила. – 1988. – № 2, – С. 28–35, 56; № 3, – С. 1–7.

земельную реформу не по собственной модели, выработанной до революции, а по модели, разработанной партией эсеров, более близкой крестьянам.

Поэтому крестьяне вначале поддержали новую власть. Но военный коммунизм не давал им продавать выращенную продукцию и покупать товары, производимые в городе. Крестьяне в ответ начинали бороться против большевиков.

Но когда белые стали наступать, они отбирали у крестьян уже не урожай, а саму землю. В тылу белой армии начались крестьянские восстания, поспособствовавшие разгрому белых и победе красных.

Однако, избавившись от белых, крестьяне не захотели мириться с продразвёрсткой. Вспыхнули новые восстания. Восстания были подавлены, но правительство сделало из них правильный вывод.

Ленин предложил заменить продразвёрстку фиксированным продналогом. Сдав налог (в натуральной форме — продовольствием), крестьянин мог свободно распоряжаться оставшейся продукцией, в первую очередь выносить её на рынок. Такой порядок был не просто выгоден крестьянину, он стимулировал к наращиванию объёмов продукции, что приносило пользу всей стране.

Так сложилась Новая экономическая политика — НЭП. Эта политика, включавшая также свободу торговли и мелкого предпринимательства в городах, и обрала экономический фон, на котором развивалась советская управленческая мысль 20-х годов.

Политический же фон составил авторитарный режим, который, как утверждают политологи, следует отличать от более позднего, тоталитарного¹.

В Советском Союзе в 20-е годы XX века режим был именно авторитарным. В экономике широко была распространена мелкая и средняя частная собственность, в первую очередь в сельском хозяйстве. В науке, в том числе экономической, свободно развивались разные направления, при условии, что они не посягали на существующий политический режим.

С другой стороны, в результате революций 1917 года были сняты многие препятствия для развития научной мысли, существовавшие при царской власти. Новые же ограничения, которые впоследствии проявились очень ярко, в 20-е годы были ещё слабо выражены.

Вместе с тем, смена строя в стране ставила перед экономической наукой новые задачи (связанные с тотальной государственной собственностью на средства производства) и одновременно, как любая революция, породила массовый энтузиазм и с ним новые механизмы управления.

---

¹ Вершинин М. С., Хренов А. Е. Записная книжка политолога: краткий словарь-справочник. — М.: Аквилон, — 1992. — 73 с.

В итоге в Советском Союзе сложились благоприятные условия для развития оригинальной отечественной школы менеджмента.

Развитие науки и практики менеджмента в СССР в 20-е годы во многом шло параллельно процессам, имевшим место на Западе¹. При этом было высказано и частично осуществлено немало оригинальных и интересных идей, которые при нормальном обмене научной информацией могли бы обогатить мировую науку.

Прежде всего, выделяется фигура А. А. Богданова — медика по образованию, философа, одного из основателей партии большевиков, впоследствии разошедшегося в философских взглядах с Лениным и отошедшего от активной политической деятельности, после 1917 г. создателя и директора Института переливания крови.

Главной научной заслугой Богданова в области менеджмента является создание «единой организационной науки», которую он назвал тектологией. Богданов считал, что есть очень много общего в функционировании технических систем, биологических организмов и человеческих коллективов и что на этой основе можно найти универсальные принципы управления ими. Тем самым он предвосхитил — на 25–30 лет — появление кибернетики.

В русле, параллельном с работами западных специалистов по научному менеджменту, заметных успехов добилась школа «научной организации труда» (НОТ) во главе с А. К. Гастевым. Это направление развивалось прежде всего в Центральном институте труда, создателем и директором которого был Гастев. Эта школа занималась, в общем, теми же вопросами, что и Тейлор и другие западные исследователи (рациональная организация и культура труда), но применительно к специфике советской социалистической экономики.

По Гастеву, НОТ следует внедрять не только в передовых предприятиях (как это было в США), а во всех. Очень важное значение он уделял активизации работников, мотивированию их к профессиональному самосовершенствованию — на Западе об этом заговорили позже, в рамках школы человеческих отношений.

Если Богданов рассматривал под единым углом зрения системы разных типов, то Гастев — производственные системы разных уровней. Он считал, что управление станком, которое осуществляет рабочий, можно рассматривать как управление заводом под названием «Станок».

Ещё одно направление связано с именем П. М. Керженцева. Его работы были нацелены на один из важнейших аспектов управления — экономию рабочего времени. Он основал и возглавил массовую общественную организацию — Лигу времени. Её члены, работавшие в разных отраслях, на разных должностях, на общественных началах занимались поиском возможности экономии времени. Здесь

---

¹ Корицкий Э. Б., Нинциева Г. В., Шетов В. Х. Научный менеджмент: российская история. – СПб. : Питер, – 1999.

просматривается сходство с будущими японскими кружками качества, тоже добровольными и неоплачиваемыми.

Большинство достижений экономической и управленческой мысли того времени не стали известны за рубежом, а после сталинского переворота 1929 г. были забыты и в Советском Союзе. И Гастев, и Керженцев, и многие другие деятели научного менеджмента 20-х годов были в 30-е годы репрессированы, а все их научные достижения вычеркнуты из литературы и практики. То же можно сказать и о творческом наследии Богданова, хотя он умер чуть раньше и ненасильственной смертью (заразился при переливании крови).

Другое, связанное с научным менеджментом, но относительно самостоятельное укрупнённое направление в управлении связано с коммунистическими утопиями (очень популярными в то время) и эксплуатацией революционного энтузиазма. Коммунистические утопии были основаны на представлении, что после национализации крупной частной собственности все трудящиеся становятся собственниками государства и экономики. На протяжении одного, самое большее двух поколений должен был сформироваться новый человек, работающий исключительно на энтузиазме, отдающий все силы обществу и не сопоставляющий свой труд с вознаграждением.

После Октябрьской революции 1917 г. значительные слои населения верили в возможность скорого построения коммунизма, т. е. общества, где все трудятся по способностям, а получают по потребностям. Эта вера подкреплялась революционным энтузиазмом тех, кто участвовал в революционной борьбе и в Гражданской войне.

Энтузиазм 20-х годов в советское время часто приукрашивался, в основном преувеличивалась его массовость. Но он, бесспорно, существовал, особенно в некоторых слоях населения (рабочая молодёжь и др.), что давало некоторые основания надеяться на его расширение в дальнейшем.

Ярким проявлением этого энтузиазма и одновременно инновацией в менеджменте стали коммунистические субботники.

Первый такой субботник был проведён весной 1919 г. на станции Москва-Сортировочная Московско-Казанской железной дороги. Рабочие в свободное время, трудясь добровольно и бесплатно, отремонтировали три паровоза. Этот почин был подхвачен другими железнодорожниками, а затем и на промышленных предприятиях.

Известна статья В. И. Ленина «Великий почин»¹, посвящённая субботникам (их тогда называли коммунистическими, поскольку именно бесплатный

---

¹ Ленин В. И. Великий почин (О героизме рабочих в тылу. По поводу «коммунистических субботников») // Полн. собр. соч. – 5-е изд. – Т. 39. – С. 1–29.

труд на благо общества предполагался при коммунизме). Эту статью интересно читать именно сегодня, как важный человеческий документ. Руководитель государства, взявшегося за гигантский социальный эксперимент, видит в субботниках «ростки нового», «фактически начало коммунизма», то есть подтверждение своих идей.

Ему казалось: привлечённые первыми энтузиастами, всё новые работники будут втягиваться в движение, и в результате «мы придём к победе коммунистического труда».

Другая инновация, тесно связанная с первой, — социалистическое соревнование, т. е. соревнование между работниками одного предприятия и одной профессии, или между подразделениями, или между разными предприятиями, когда каждый из участников соревнования стремится не только к своей победе, но и к подтягиванию до своего уровня отстающих. Поощряются как собственные успехи, так и помощь другим. Так предполагалось использовать несомненные достоинства конкуренции и одновременно избежать её отрицательных сторон (культивирование эгоизма, жестокость по отношению к аутсайдерам и т. п.).

Можно ещё упомянуть движение рационализаторов и изобретателей, объединявшее рабочих, старающихся усовершенствовать технику и технологические процессы на производстве. От других перечисленных форм эта отличалась наличием материального вознаграждения (хотя первое время некоторые против этого возражали).

Позже, с переходом к тоталитаризму, все перечисленные начинания, во многом опередившие японский опыт, не были отменены и забыты — в отличие от идей научного менеджмента. С ними расправились более тонким образом. Формально все они были сохранены, а фактически — забюрократизированы. Исчезла добровольность — важнейший принцип в 20-е годы. Разработка рационализаторских предложений или принятие социалистических обязательств превратились в формальные мероприятия, представляющие собой чаще всего не реальную деятельность, а так называемую «показуху».

Это же касается субботников, которые, утратив эпитеты «коммунистический» или «ленинский» (так их называли в 70–80-е годы), дожили до наших дней и хорошо знакомы всей стране. Правда, работа на субботниках вполне реальная, но говорить о воспитательной роли, о примере, который показывают добровольцы остальному «персоналу», не приходится.

Как известно, менеджмент — это управление организацией, которое следует отличать от управления государством. Однако советское социалистическое государство с самого начала было задумано как единая «фабрика», управляемая централизованно. Впоследствии постепенно ситуация несколько изменилась (хотя в литературе это не подчёркивалось). В 30-е годы появились отраслевые

министерства, игравшие роль, в чём-то аналогичную роли капиталистических корпораций, но без конкуренции и связанных с нею процессов.

Но в 20-е годы государственное управление на самом высоком уровне можно рассматривать как менеджмент. Этот аспект ещё мало изучен, и мы приведём вкратце его важнейшие проявления, связанные с именами выдающихся менеджеров:

– создание Красной Армии Л. Д. Троцким. Нам сегодня уже нелегко представить себе тогдашнюю ситуацию: царская армия полностью развалилась, солдаты-крестьяне, уставшие от войны, разбежались по своим деревням делить помещичью землю, офицеры в большинстве своём слабо понимают, что происходит, некоторые из них откровенно против новой власти и готовы с ней бороться. И в этой обстановке Троцкий, используя самые различные методы — от вдохновенной агитации до прямого насилия и жестокого шантажа, ухитряется сколотить боеспособную армию, в которой воюет примерно половина тогдашнего офицерского корпуса России и которая одержала победу в Гражданской войне;

– финансовая реформа Г. Я. Сокольникова, которому удалось в разрушенной стране остановить гиперинфляцию и создать твёрдую валюту — золотой червонец;

– реформа здравоохранения, проведённая Н. А. Семашко, создавшим образцовую систему (единые принципы организации и централизация системы здравоохранения; равная доступность здравоохранения для всех граждан; первоочередное внимание детству и материнству; единство профилактики и лечения; ликвидация социальных основ болезней; привлечение общественности к делу здравоохранения), которую заимствовали многие страны мира.

Уже в 30-е годы выдающуюся роль сыграл первый советский нарком тяжёлой промышленности Г. К. Орджоникидзе (позже этот наркомат распался на множество узкоотраслевых). Именно под его руководством была проведена индустриализация страны, Орджоникидзе воспитал поколение крупных руководителей промышленности уровня руководителей наркоматов или гигантских предприятий (Б. Л. Ванников, И. Ф. Тевосян, Н. А. Малышев, И. А. Лихачёв, А. П. Завенягин и многие другие), сыгравших, в частности, важную роль в организации и мобилизации промышленности в годы Великой Отечественной войны.

Вместе с тем, в этих деятелях, наряду с заслугами, проявляются черты типичных менеджеров следующего, сталинского периода. Этот тип очень ярко показан в романе А. Бека «Новое назначение» и глубоко проанализирован в 80-е годы Г. Х. Поповым¹.

Сразу после смерти Сталина (5 марта 1953 г.) многое в стране начало меняться, в том числе и в управлении. Этот период (не закончившийся, как

---

¹ Попов Г. С точки зрения экономиста // Наука и жизнь. – 1987. – № 4. – С. 54–65.

представляется, и сейчас) характеризуется медленным, постепенным, зачастую непоследовательным, с отступлениями назад, отходом от сталинских методов и принципов.

Серьёзный перелом в самых различных сферах жизни общества наметился с переходом к рыночным реформам (90-е годы XX в.). Некоторые авторы считают возможным говорить об особом, новом периоде в истории отечественного менеджмента.

Действительно, налицо серьёзнейшие политические и экономические изменения. Однако пережитки старой системы менеджмента не упраздняются никакими законами и постановлениями. Они сохраняются в умах людей и в системе управления. Поэтому, видимо, не следует спешить с выделением нового периода — отход от сталинизма в менеджменте далеко не завершён.

Section 7. History of Russia

*Arakelyan Inna Seryanovna,
FGAOU VPO “North-Caucasian Federal University”
(branch in Pyatigorsk), graduate student
of Department of History and Philosophy of Law
E-mail: 425257@mail.ru*

Socio-cultural and ethno-political situation in the North Caucasus during the perestroika 1985–1991

*Аракелян Инна Серьяновна,
ФГАОУ ВПО «Северо-Кавказский федеральный
университет» (филиал в г. Пятигорске),
аспирант кафедры истории и философии права
E-mail: 425257@mail.ru*

Социокультурная и этнополитическая обстановка на Северном Кавказе в период перестройки 1985–1991 гг.

1985–1991 гг. XX столетия — переломное время в новейшей политической истории не только российского народа, но и всего человечества.

Практически все события, предопределившие коренные преобразования в социально-экономической сфере, государственном устройстве и общественно-политической жизни СССР, повлиявшие и трансформирующие коренным образом мировой порядок. Произошедшее ведет свое летоисчисление именно с этого времени¹.

Роль масс и отдельных личностей — политических лидеров в истории была велика в создании истории отдельного государства в целом. Однако предпочтение в первую очередь отдавалось именно массам, считающимся творцами истории.

---

¹ Горбачев М. С. Перестройка и новое мышление для нашей страны и для всего мира. – М.: Политиздат, – 1988. – С. 53.

И лишь в конце 80-х гг. XX столетия возникла проблема политического лидерства. Как известно, вся история СССР свидетельствует о том, что именно от глав различных стран зависели и путь ее развития в разрезе исторического прошлого и будущего, а также существование и процветание государства.

Преобразования в стране были объективно необходимы и начались они при Горбачеве.

Россия в Союзе Советских Социалистических Республик по праву считалась великой мировой державой. Граждан единого многонационального государства разделяли лишь формальные границы географической карты, что не мешало многомиллионному советскому народу совместному мирному проживанию.

Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика (так официально называлась тогда Россия) входила в 15 союзных республик СССР и занимала среди них особое место. В преобразовании страны используется термин «несущая конструкция» — конструкция, воспринимающая, при наличии определенной совокупности элементов, основные нагрузки на здание или сооружение и обеспечивающая их прочность, жесткость и устойчивость. Россия была именно такой «несущей конструкцией», которая принимала на себя все нагрузки союзных государств и поддерживала нерушимость союза. Она аккумулировала в себе огромную необъятную территорию, устойчивую и эффективную политическую систему, мировую экономическую мощь, многочисленное многонациональное и многоконфессиональное население, сохранив при этом единую для многих россиян неповторимую глубокую духовность.

Политика дешевых транспортных тарифов и услуг, при достаточно развитой сети транспортных коммуникаций, вся совокупность тесных экономических связей были более действенным средством предотвращения возможных центробежных тенденций.

Жизнь граждан республики, их отношения с соседями на огромной многонациональной и многоконфессиональной территории определялись в большей степени наличием богатейших и уникальных недр, наполненных ценными природными ресурсами. Небывалой значимостью обладали земли Центрально-Черноземного района, Северного Кавказа, Поволжья¹. Неисчерпаемым богатством обладали российские леса, исключительно богатыми были ее недра. Однако, уже к середине 80-х гг. неизбежной стала ограниченность этих исключительных природных ресурсов и богатств. Непростая ситуация стала складываться в области нефтяной отрасли (в 1984 г. в Западной Сибири не смогли выполнить поставленный план). Что касалось добывающей промышленности, то в этой отрасли сильно

¹ Arakelyan I.S. Socio-political situation in the Chechen-Ingushetia in the second half of the 80-s years XX century/I. S. Arakelyan//Humanities and Social Sciences in Europe: Achievements and Perspectives. – Vienna, – 2013. – Vol. 1. – P.15.

ощущалось отсутствие новейших передовых технологий, собственно такая же ситуация была и в экономике страны. Потребительское отношение народа к уникальному природно-ресурсному потенциалу, отсутствие должного бережного отношения к экологии также оказывали губительное влияние на дальнейшее развитие добывающей и производственной сфер — потерю сырья и топлива.

Что касалось государственного устройства России, то она являлась федеративной республикой, включавшей 16 автономных советских республик, 5 автономных областей и 10 автономных округов. При этом практически все коренные национальности государства имели свои округа, области и республики.

Отличительной особенностью большинства автономий являлось то, что лица коренной национальности, давшие национально-государственным образованиям свои имена, представляли менее половины всего населения автономий и даже уступали в процентном отношении лицам других национальностей. Исключение составляли лишь Коми-Пермяцкий автономный округ и семь автономных республик — все четыре республики Северного Кавказа (Дагестанская, Кабардино-Балкарская, Северо-Осетинская и Чечено-Ингушская), а также Татарская, Тувинская и Чувашская АССР. Почти во всех остальных национально-государственных образованиях наиболее высокий процент составляло русское население (от 40–42% в Башкирии и Калмыкии до 70% в Карелии). Русский язык был государственным языком и языком межнационального общения.

С 1979 г. по 1984 г. доля русского населения и некоторых других национальностей (карелов, манси, мордвы, коми-пермяков) снизилась по результатам переписи населения. Однако, если у представителей указанных наций это происходило в большей степени из-за сближения и слияния с населением других национальностей, то у русских такая ситуация была связана с относительно небольшим уровнем рождаемости и высоким уровнем смертности обоего пола в русских семьях.

К началу 1985 г. в обществе стали наблюдаться позитивные сдвиги в демографической ситуации — например, дальнейший рост уровня образования у всех наций. Именно рост образовательного уровня способствовал новой постановке ценностных ориентиров населения, росту интереса к социально-политическим правам и свободам, укреплению национальной самоидентичности и национального самосознания, которые, к сожалению, иногда перерастали в националистические проявления и приводили к радикально-болезненным проявлениям нетерпимости к факту присутствия на «своей» территории представителей других национальностей и народностей. Особенно ярко это проявлялось на Северном Кавказе, включающем в себя безграничное разнообразие народов, языков, религий, собранных судьбой на небольшом участке нашей планеты.

Северный Кавказ — уникальный регион Российской Федерации, со сложившейся и устоявшейся исторически этнокультурной мозаикой. Безусловно, многонациональность и многоконфессиональность являются неотъемлемой частью северо-кавказского общества, которая создает объективные трудности при определении государственной национальной политики в регионе. В таких условиях самой главной необходимостью является социально-политическая гибкость и толерантность.

Народы Северного Кавказа, обладая множеством различий в исторических судьбах, языке, культуре, социальной психологии, создали свою самобытность, абсолютно отличающуюся от остального мира. К сожалению, в последние десятилетия, сплочение и единение народов Кавказа под влиянием реформирования претерпевает кризисные ситуации.

Угроза раскола на Кавказе, возникшая во второй половине 80-х гг. XX столетия, коснулась абсолютно всех жизненных сфер самобытных народов и этнических групп. Поскольку Северный Кавказ является единым социально-экономическим, культурным и политическим пространством, то существующая угроза распада этого союза и сотрудничества всех северокавказских народов с Россией и русским народом должна только сплотить единство всех народов и способствовать совместному развитию в составе Российской Федерации. Особенно остро встает этот вопрос в части сохранения культурного наследия народностей.

Как известно, на протяжении многих веков наиболее интересной сферой жизни какого-либо общества, народа, нации является его культура, истоки ее происхождения, основы творчества того или иного этноса.

Культурный потенциал любого региона выражен в его историческом наследии — главном способе существования культуры, позволяющем человеку освоить, перевести в свой внутренний мир все ценное для других поколений — прошлого и настоящего. В связи с этим сохранение культурного наследия в современном мире совпадает с сохранением культуры в целом.

Однако следует отметить, что сохранение культурной самобытности и этнической идентичности невозможно без исторической памяти¹, а именно памяти об историческом прошлом того или иного народа. Историческая память является одним из важнейших способов передачи опыта и сведений о прошлом, а также основной составляющей самоидентификации индивида, народа и общества в целом.

В постсоветское время причины, влияющие на этнополитические процессы, обуславливали негативные последствия, характеризующиеся нарушением принципов и норм социальной справедливости.

---

¹ Бондаренко Н. Г. Типология ценностей в социальной динамике современности // Современная наука и инновации. – 2013. – № 1. – С. 80.

Этнополитические процессы на Северном Кавказе характеризуются высокой степенью конфликтности, так как для Северного Кавказа характерна не только сложная этническая история, но и, безусловно, исключительная геополитическая значимость. В связи с этим, главной проблемой снижения межэтнической напряженности на Северном Кавказе является рассмотрение центростремительных и центробежных сил в их диалектическом единстве. Следует отметить, что нельзя ставить знак тождества между Кавказом и Северным Кавказом; они не были никогда единым регионом, так как проживающие здесь народы представляют различные этнокультурные типы, которые имеют совершенно разные этнические корни¹. И, конечно, в этом случае нельзя говорить о единой кавказской цивилизации. Нельзя однозначно констатировать, исходя из сложной иерархии национального сознания народов Северного Кавказа, о наличии той или иной этнической системы. Этногенез здесь являлся продуктом советского периода и был непродолжительным.

Имея сложную полиэтничную структуру, для Северо-Кавказского региона характерны глубокие противоречия в этнополитических отношениях, так как распад Союза ССР способствовал обострению противоречий внутри этносов.

На сегодняшний день современники пытаются восстановить воспоминания и произвести переоценку произошедших событий 1985–1991 гг. Кто-то воспринимает перестройку как небывалый подъем великой страны, другие видят ее полным крахом СССР. Безусловно, события того времени оказали существенное влияние уже на современную Россию, на все социально-политические процессы.

Список литературы:

1. Бондаренко Н. Г. Типология ценностей в социальной динамике современности // Современная наука и инновации. – 2013. – № 1.
2. Горбачев М. С. Перестройка и новое мышление для нашей страны и для всего мира. – М.: Политиздат, – 1988. – 271 с.
3. Казначеев В. А., Бондаренко Н. Г., Нефедкова Н. Н. Феномен исторической несправедливости: социально-философский аспект. Пятигор. гос. технол. ун-т. – Пятигорск, – 2005.
4. Arakelyan I. S. Socio-political situation in the Chechen-Ingushetia in the second half of the 80-s years XX century / I. S. Arakelyan // Humanities and Social Sciences in Europe: Achievements and Perspectives. – Vienna, – 2013. – Vol. 1. – P. 53–57.

---

¹ Казначеев В. А., Бондаренко Н. Г., Нефедкова Н. Н. Феномен исторической несправедливости: социально-философский аспект. Пятигор. гос. технол. ун-т. – Пятигорск, – 2005. – С. 57.

*Ataev Taulan Isifovich,
Karachay-Circassian State University,
postgraduate student, the Faculty of History
E-mail: r_begeul@mail.ru*

Initial stage of formation of system disfranchisements in Karachay

*Атаев Таулан Йосифович,
Карачаево-Черкесский государственный университет,
аспирант, исторический факультет
E-mail: r_begeul@mail.ru*

Начальный этап становления системы лишения избирательных прав в Карачае

Лишение избирательных мер, как форма социальной дискриминации, была закреплен уже в первой Конституции Советского государства, принятой на V Всероссийском съезде Советов РСФСР 10 июля 1918 г.

Однако, к моменту начала ее действия, Советская власть, просуществовавшая на территории Карачая менее полгода (апрель-сентябрь 1918 г.), была свергнута и в течение полутора лет у власти находились белые. Вторичное установление Советской власти, происшедшее в марте-апреле 1920 г., также не повлекло за собой проведение выборов. Политика, проводимая представителями Советской власти Баталпашинского отдела, привела к мощному антисоветскому восстанию в Карачае, которое длилось два месяца и закончилось подписанием перемирия.

После восстановления Советской власти и создания национальной государственности Карачая в форме национального округа Горской АССР в ноябре 1920 г., был организован орган управления — окружной революционный комитет во главе с У.Д. Алиевым¹. Позиция руководства округа, призвавшего деятелей национальной элиты к единению, вне зависимости от политических убеждений, привело к относительной стабилизации положения в регионе. В этой ситуации встал вопрос о переходе от чрезвычайных методов управления, осуществляемых ревкомрами, назначаемыми свыше, к исполнительным комитетам, избираемым населением. Первые выборы в местные Советы и формируемые на их основе исполкомы, состоялись в Карачае 14 марта 1921 г.² В этот момент позиции местной элиты (духовенства,

---

¹ Государственный архив Карачаево-Черкесской Республики (ГА КЧР). – Ф. Р-326. – Оп. 1. – Д. 2., Л. 1.

² Там же. – Д. 4., Л. 87.

представителей княжеского и дворянского сословия, должностных лиц имперского периода) были еще достаточно сильны. Неслучайно, они и составили большинство депутатов Советов, особенно в селениях Большого Карачая. Однако подобный состав сельских органов управления не отвечал требованиям новой власти.

В архивных документах сохранились сведения о составе совета одного из крупнейших карачаевских селений — Хурзука. Проанализировав список членов Совета, председатель окружной избирательной комиссии Р. Куатов своим предписанием от 7 апреля потребовал от председателя исполкома С. Борлакова «немедленно исключить из состава Совета и исполкома» 15 человек, «не имеющие права, согласно Конституции РСФСР, избирать и быть избранным». Тем самым, исключению подлежали 30 % от общего числа членов Совета (50 человек). В числе исключенных было шесть представителей княжеского сословия (*биев* и их разновидности — *чанка*): Отар Дудов, Кучук Дудов, Барисбий. Дудов, Леон Дудов, Мусса Коджаков, Хаджи-Токуш Магометов, а также девять представителей влиятельных узденских родов: Кеккез Узденев, Али-Мырза Тохчуков, Хаджи-Зулкарнай Тохчуков, Махай Каракетов, Осман Хасанов, Абдул-Керим Хасанов, Сохта Хасанов, Рамазан Чотчаев, Солтан Чомаев. При этом на место Х.-З. Тохчукова и М. Каракетова, являвшихся членами не только Совета, но и исполкома, предписывалось избрать в исполком более «надежных товарищей»¹.

Указанные выше лишены впоследствии ежегодно подвергались лишению избирательных прав, причем основанием для лишения прав служили разные причины. Так Л. Дудов являлся офицером белого Карачаевского конного полка² (он был также и участником первой мировой войны, юнкером Черкесского конного полка, кавалером трех Георгиевских крестов³), О. Хасанов, К. Узденев, О. Дудов — обвинялись в организации и участии в восстании осенью 1920 г.⁴, Р. Чотчаев, А.-К. Хасанов являлись должностными лицами, как до революции, так и в период правления белых, при этом ведя и религиозную практику⁵. Остальные же горцы были лишены избирательных прав по экономическим причинам — применение наемного труда, занятие торговлей и получение прибыли от сдачи в аренду земельных участков.

Вместе с тем следует отметить, что состав самого Карачаевского окружного исполкома во многом состоял из лиц, вполне подпадающих под действие статьи о лишении избирательных прав. Так, сам председатель окружного избиркома Р. Куатов

¹ ГА КЧР – Ф. Р-326. – Оп. 1. – Д. 4., Л. 87.

² ГА КЧР. – Ф.Р-307. – Оп. 2. – Д. 30., Л. 42 об-43.

³ Батчаев Ш. М. Подвиг кубанского горца ... (К 120-летию героя первой мировой войны Леона Дудова). // Известия Карачаевского НИИ. – Вып. IX. – Черкесск, – 2014. – Л. 76.

⁴ ГА КЧР. – Ф.Р-307. – Оп. 2. – Д. 30., Л. 43 об-44, 46 об-47.

⁵ Там же. – Д. 584; Д. 30., Л. 46 об-47.

активно участвовал в установлении белогвардейской администрации в Карачае, осуществлял первоначальную мобилизацию горцев в белую армию¹, являлся представителем Карачая в Баталпашинском военно-полевом суде². Отделами исполкома руководили члены белогвардейской Кубанской Краевой Рады (Хасанбий Хубиев, Тохтар Биджиев, Хызыр Байрамуков), бывшие эфенди (к их числу принадлежал и сам У. Алиев, в 1917 г. являвшийся членом Кавказского духовного управления мусульман)³ и т. д. Тем не менее, большинство представителей тогдашней политической элиты вплоть до конца 1920-х гг. (до свертывания НЭПа), занимали те или иные должности во властных структурах Карачая.

Подводя итог, можно отметить, что становление системы лишения избирательных прав в Карачае началось лишь после окончательного утверждения Советской власти в регионе (1921 г.), и имело свои характерные особенности, связанные с преобладанием во властных структурах представителей прежней досоветской элиты, пользовавшихся авторитетом и после смены политического режима.

*Karamyan Diana Romovna,
FGAOU VPO "North-Caucasian Federal
University" (branch in Pyatigorsk), graduate student
of Department of History and Philosophy of Law
E-mail: 425257@mail.ru*

Government's national policy like indicator of the interethnic relations

*Карамян Диана Ромовна,
ФГАОУ ВПО «Северо-Кавказский федеральный
университет» (филиал в г. Пятигорске),
аспирант кафедры истории и философии права
E-mail: 425257@mail.ru*

Государственная национальная политика как индикатор межнациональных отношений

Межнациональное общение, реализуемое на фоне социальной напряженности, разрушения единого культурно-просветительского пространства, политико-

¹ ГА КЧР. – Ф. Р-40. – Оп. 1. – Д. 1., Л. 21.

² Центр документации новейшей истории Государственного архива Карачаево-Черкесской Республики (ЦДНИ ГА КЧР). – Ф. П-364. – Оп. 1. – Д. 14., Л. 202; Д. 178., Л. 338.

³ Лайпанов К., Батчаев М. Умар Алиев – Черкесск, – 1986. – С. 86.

экономической нестабильности стимулирует к проявлению межнациональной конфликтности, что в свою очередь ведет к проявлению социальной напряженности в обществе. Социальная напряженность в обществе отражается на молодом поколении, которое формирует в будущем этническую структуру общества.

В связи с этим следует обратиться к такому историческому документу, принятому в середине 1990-х годов, как Концепции государственной национальной политики Российской Федерации, в которой отмечается, что: «После распада СССР начался новый этап в развитии государства на основе традиций российской государственности, принципах федерализма и гражданского общества». Поэтому в этом обществе «носителем суверенитета и единственным источником власти является её многонациональный народ»¹.

«Основными вопросами государственной национальной политики Российской Федерации, требующими особого внимания, по-прежнему являются:

- а) сохранение и развитие культур и языков народов Российской Федерации, укрепление их духовной общности;
- б) обеспечение прав коренных малочисленных народов и национальных меньшинств;
- в) создание дополнительных социально-экономических и политических условий для обеспечения прочного национального и межнационального мира и согласия на Северном Кавказе;
- г) поддержка соотечественников, проживающих за рубежом, содействие развитию их связей с Россией.

В связи с этим в Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 г. отмечается, что государственная национальная политика Российской Федерации нуждается в новых концептуальных подходах с учетом необходимости решения вновь возникающих проблем, реального состояния и перспектив развития национальных отношений»².

Отвечая на вопросы о роли и месте национальных меньшинств, следует понять механизм вступления российского многонационального государства в постсоветской истории в новый виток своего развития.

Данный период характеризуется изменением национального самосознания, внедрением новых технологий при рассмотрении межнациональных вопросов на основе принципов функционирования гражданского общества³.

---

¹ Концепция государственной национальной политики Российской Федерации. – М. – 1996. – С. 9.

² Указ Президента РФ от 19 декабря 2012 г. N 1666 «О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года». – М. – С. 4.

³ Казначеев В. А., Бондаренко Н. Г., Нефедкова Н. Н. Феноменисторической несправедливости: социально-философский аспект. Пятигор. гос. технол. ун-т. Пятигорск, – 2005. – С. 28–29.

Развал Советского Союза явился катализатором активного возвращения национальных меньшинств в Россию.

В выработке стратегии укрепления стабильности на Северном Кавказе главенствующую роль занимала государственная национальная политика, которая определяла место и роль национальных меньшинств в рамках государственного федерализма, определяющего не только перераспределение власти между основными субъектами, а также в том числе и между независимыми структурами на всех уровнях в рамках общественного самоуправления. Кроме этого, национальную компоненту следует рассматривать в симбиозе с социально-экономической политикой в масштабе отдельных регионов государства. В связи с этим историческая картина характеризуется как миграционными процессами, межнациональными конфликтами, занятостью представителей национальных меньшинств в проведении различных реформ, так и в тех преобразованиях, которые затрагивают все российское общество.

Любая политика, проводимая государством не может быть успешной, если не пользуется поддержкой народа. Годы перестройки и развал Советского Союза наложил отпечаток на межнациональные отношения. Ярким примером являются события 90-х гг. XX века в Чеченской Республике, а также проблемы русскоязычного населения во вновь образовавшихся национальных государствах на территории бывшего СССР. Все это негативно сказывается на культуре межнационального общения и признания обществом единства народов и народностей.

Обсуждая вопрос политики государства стоит определиться с чертами и критериями межнационального общения. Центральными чертами и критериями являются: осознание и признание приоритета общечеловеческих ценностей над классовыми и групповыми, понимание необходимости достижения баланса межнациональных интересов; национальная скромность и забота о достоинстве своей нации, народов стран проживания, всего человечества; уважение к национальному достоинству граждан своей национальности и любой другой, доброжелательность и такт во взаимоотношениях, а в перспективе отказ от привычки различать людей по их национальному происхождению; верное понимание национализма как исключительно сложного, неоднозначного и противоречивого феномена; нетерпимость к проявлениям шовинизма и расизма, стремление к овладению и повышению культуры межнационального общения.

После развала СССР, с командно-административной системой власти, в 90-е годы XX века на государственном уровне решался вопрос об урегулировании межнациональных отношений, решением этого вопроса стала Концепция национальной политики, ряд федеральных законов и подзаконных актов. Существенными являлись ФЗ «О безопасности» от 05.03.1992 г., «О национально-культурной автономии» от 22.05.1996 г., «О гарантиях прав коренных народов

малочисленных народов Российской Федерации» от 16.04.1999 г., «Об общих принципах организации законодательства (представительных) и исполнительных органов власти субъектов РФ» от 22.09.1999 г. и другие. Но военные действия, начавшиеся в 1994 году в Чеченской Республики — Ичкерия перечеркнули все это, что поставило под угрозу территориальную целостность вновь образовавшегося российского государства.

Немало сделано и для ликвидации последствий вооруженного нападения национал-экстремистов на Северную Осетию осенью 1992 года. Этой необъявленной войне способствовал несовершенный в политико-правовом отношении закон РСФСР «О реабилитации репрессированных народов», в котором предусматривалась территориальная реабилитация ингушей без волеизъявления народов Северной Осетии. Другими словами, согласно закону Пригородный район Северной Осетии, должен быть передан под юрисдикцию Ингушетии. Другим не менее опасным для интересов многонациональной России является усугубление ситуации в Кабардино-Балкарской Республики. Основными факторами являются — разжигание межнациональных конфликтов между кабардинцами и балкарцами, нагнетание ажиотажа вокруг вопроса «о геноциде адыгов», а также проблема дерусификации региона.

Все эти обстоятельства как следствие влияют на культуру межнационального общения. Государству как регулирующему механизму в своей политике следует рассматривать опыт прошлых лет по урегулированию национального развития и межнациональных отношений, результатом чего является формирование межнациональной культуры. Статьей 29 п. 2 Конституции Российской Федерации запрещается пропаганда национального, религиозного или языкового превосходства.

В период модернизационных процессов новый статус государственности приобретают бывшие автономные республики, хотя еще являются составными частями государственности России. В первой половине 1990-х годов осуществляются меры по реабилитации народов, которые ранее подвергались репрессиям.

Важным историческим событием рассмотрения проблемы национальных меньшинств явился сентябрьский (1989 г.) Пленум ЦК КПСС, где анализировались ход и итоги проведения национальной политики.

1990-е годы характеризуются множеством научно-практических конференций, посвященных проблеме национальных меньшинств, где рассматриваются вопросы национальностей, подвергшихся репрессиям и их реабилитации, интеграционным процессам народов, связанным с миграцией; рассматриваются пути развития экономической и этнокультурной направленности национальных меньшинств.

Обращаясь к материалам заседаний комиссий в том числе и объединенных по национальной политике, взаимоотношениям государства и религиозных

объединений при Совете Федерации Федерального Собрания Российской Федерации, в частности к стенограмме заседания от 22 ноября 2006 г., следует отметить, что в документе была рассмотрена модель стратегического развития политики межнациональных отношений, в соответствии с которой было определено три главных направления в государственной национальной политике:

- сохранение и забота о национальных меньшинствах как уникальных самобытных этнических общностях мирового сообщества;
- становление и совершенствование института гражданского общества;
- создание условий для удовлетворения этнокультурных потребностей проживающих на территории Российской Федерации этнических общностей при сохранении и укреплении сложившейся социально-экономической и культурно-исторической интеграции в обществе в целом.

За период с 2005–2006 гг. в сфере межнациональных отношений проводилось более 160 мероприятий, посвященных проблемам национальных меньшинств.

В 2003 году изданы новые рекомендации для расширения использования языков меньшинств в телерадиовещании.

Конечно, внедряемые принципы и подходы к данной проблематике носят универсальный характер, но в любом случае они должны учитывать особенности и специфику каждого из национальных меньшинств, традиции, самобытность¹, менталитет и взаимоотношения с другими национальностями.

С точки зрения регулирования межнационального общения весьма широкими возможностями располагает общение воздейственного характера. Составной частью культуры межнационального общения является культура эмоционального общения, в ходе которого люди узнают других людей и соответственно на них реагируют. Это может быть сочувствие, симпатия, раздражение, негодование. В процессе эмоционального общения совместная жизнь людей разных национальностей, их взаимопомощь и взаимоподдержка воспринимается как объективное явление нашей действительности².

Государственные цели воспитания определены социально-экономическими, политическими и этнокультурными условиями. Российская Федерация — это многонациональное государство, в котором проживет более ста народов. К примеру, в Дагестанской Республике по данным оценки численности населения на 1 января 2014 года проживает 2 963 918 человек из них коренными признаны

---

¹ Shebzukhova T. A., Bondarenko N. G. Daily occurrence in structure and the content of historical knowledge // В сборнике: The Second International Conference on History and Political Sciences Vienna, – 2014. – С. 41.

² Маркова Н. Г. Культура межнационального общения – базовой индикатор межнациональных отношений // Известия Российского Государственного Педагогического Университета им. А. И. Герцена. – 2008. – № 81. – С. 98.

14 народов и более 30 национальностей, проживающих на территории республики. Развитие их отношений между собой и другими народностями обуславливает цели и содержание воспитания культуры межнационального общения у молодого поколения и всего населения страны.

Список литературы:

1. Указ Президента РФ от 19 декабря 2012 г. N 1666 «О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года». – М. – 2012.
2. Казначеев В. А., Бондаренко Н. Г., Нефедкова Н. Н. Феномен исторической несправедливости: социально-философский аспект. Пятигор. гос. технол. ун-т. – Пятигорск, – 2005.
3. Концепция государственной национальной политики Российской Федерации. – М. – 1996.
4. Маркова Н. Г. Культура межнационального общения – базовой индикатор межнациональных отношений// Известия Российского Государственного Педагогического Университета им. А. И. Герцена. – 2008. – № 81.
5. Shebzukhova T. A., Bondarenko N. G. Daily occurrence in structure and the content of historical knowledge/ В сборнике: The Second International Conference on History and Political Sciences Vienna, – 2014.

*Kortunov Alexey Ivanovich,
M. Akmulla Bashkir State Pedagogical University,
Research professor, National History Department
E-mail: kortunov@rambler.ru*

Some information about the Kalmyks service in the officer corps of the Orenburg irregular Cossack troops

This article was prepared as a part of the base unit of the State assignment on the research work of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation (2014–2016). The theme of the research work is as follows: “The nomads of the Golden Horde of XIII–XV centuries and Ural Cossacks of XVI–XIX centuries: the problems of ethnic and social and cultural continuity” (Project № 2936).

From the moment of formation of the Orenburg irregular troops¹ the Kalmyks served in it. Since 1740 s they had settled in Orenburg and served on a regular basis at

---

¹ Official name of the Orenburg Cossack troops from the year 1748 till the end of XVIII – beginning of XIX centuries.

the Orenburg border line as a part of the Orenburg irregular corps which included a separate Kamkyks troops. Also, in the XVIII century a special group of the Kalmyks included in the Orenburg Cossack troops getting no payment was separated. This brings up the question about who controlled the Orenburg Kalmyks: were they the Russian officers or Cossack officers among the Kalmyks? In the XVIII century officer ranks in the irregular troops could be awarded by descent. In the same manner officers were appointed in Kalmyk forces of the Orenburg troops.

As it is known, in 1750 Semen Khoshoutov, whose name was Serbeta before being baptized, headed the Orenburg Kalmyks. He was of Khoshoutov's Kalmyk possessory family descent, therefore he headed the Orenburg Kalmyk forces. It is worthy to mention that only representatives of congeneric gentlefolks — possessors and zaisangs¹ — were appointed to all command and administrative positions in the Kalmyk community. It can be proved by the order dated February 15, 1745 which says about enrollment of baptized Kalmyks in the Cossack troops with settlement at the Orenburg border line as well as it specifies that “the ranks are to be given only to zainags by their merits and dignity, and not by inheritance”². By the middle of 1750s the Orenburg Kalmyks were controlled by two sergeant major and one zainag. All together they obeyed to Semen Khoshoutov (Serbet), possessor being in the rank of colonel.

A Kalmyk appointed to such a responsible position indicates high confidence of the government to a non-Russian man. Perhaps, such confidence was associated with the fact that many Kalmyks serving at the Orenburg border line were Orthodox Christians baptized in 1740s. The confidential relations between the Russian government and the Kalmyks were based on a long-term relation of Russia and the Kalmyk Horde as well as on the fact that by this time a great number of Kalmyks, who got the Orthodox religion in the beginning of XVIII century, served in the Russian army in the Stavropol Kalmyk troops.

There are interesting facts about the Kalmyks served in the Orenburg irregular troops and awarded with officer ranks for their service. The following Kalmyks served in this corps: captains Ivan Chavdyr, Iliya Basang as well as three corporals Vasily Tserin, Prokofy Batyr and Vasily Indakov.

Vasily Tserin and Prokofy Batyr served in the Sukhorechensk outpost, and Ivan Chavdyr served in the Khudolozhsky outpost in the position of the company captain. Iliya Basang, cornet, was the commander of the Cossacks who traveled along the Chusikha river. Afterwards he was given the rank of captain and the others completed their service with the same ranks³.

¹ Zaisang is a family crown sergeant major among the Kalmyks and Mongols.

² A full collection of laws of the Russian Empire since 1649. Collection I. Volume XII (1744–1748). № 9110. – Saint-Petersburg, – 1830. – C. 308–328.

³ Shovunov K. P. Kalmyks as a part of the Russian Cossacks (the second half of XVII–XIX centuries). – Elista, – 1992. – P. 58–59.

In the middle of the XVIII century the Orenburg irregular corps consisted of 10 companies. As of the year 1766 it included two Kalmyk captains and three Kalmyk corporal¹.

In the researched of the XIX century there is information of Byutkuev Larion Yakovlevich, military sergeant major and baptized Kalmyk: "Military sergeant major Byutkuev Larion Yakovlevich, sotnia commander was born in 1817. He is Orthodox Christian, Cossack in the abolished Stavropol Kalmyk troops. He was home educated. He is a holder of the Order of St. Anna of III degree with swords and bow, and has a bronze medal in memory of the war 1853–1856 on the ribbon of St. Andrew"².

We can also distinguish the military history sheet of the baptized Kalmyk Pustokhanov Vladimir Pavlovich (1863 —?), colonel, commander of the ninth Orenburg Cossack regiment: "... from the Kalmyk military social group. He graduated from the Orenburg military progymnasium and Orenburg Cossack Junkerdom school. He has been on service since 1880, a cornet since 1884. He participated in the First World War. For battle honors he was awarded with five war decorations and colonel rank"³.

There are many evidences about Kalmyks service in the Orenburg Cossack troops. Note that the officer corps of the Orenburg troops was multinational throughout its history. A particular place in the troops was devoted to Kalmyk officers who started their service at the Orenburg border line back in 1930–1940 s. In the XVIII century a peculiarity of the policy of the Russian government regarding Kalmyk Cossacks serving in the irregular troops of the Russian Empire was that the officer ranks were given to representatives of noble Kalmyk families (Kalmyk possessors and zaisangs).

References:

1. A full collection of laws of the Russian Empire since 1649. Collection 1. Volume XII (1744–1748). № 9110. – Saint-Petersburg: Типография II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, – 1830. – С. 308–328.
2. Shovunov K. P. Kalmyks as a part of the Russian Cossacks (the second half of XVII–XIX centuries). – Elista, – 1992.
3. Russian State Military Historical Archive. – Fund 330. Inventory 55. Case 1673.
4. State archive of the Orenburg region. – Fund 185. Inventory 1. Case 70/3.

¹ Shovunov K. P. Kalmyks as a part of the Russian Cossacks (the second half of XVII–XIX centuries). – Elista, – 1992. – P. 59.

² Russian State Military Historical Archive. – Fund 330. Inventory 55. Case 1673. – P. 37.

³ State archive of the Orenburg region. – Fund 185. Inventory 1. Case 70/3. – P. 2.

*Krupenkin Evgeny Nikolaevich,
Tyumen State University,
postgraduate student, the Faculty of History
E-mail: kenust-muta@mail.ru*

The religious policy of Russia in Siberia and Central Asia at the end of the XVIII–XIX centuries

*Крупенкин Евгений Николаевич,
Тюменский государственный университет,
аспирант, Исторический факультет
E-mail: kenust-muta@mail.ru*

Конфессиональная политика России в Сибири и в Центральной Азии в конце XVIII–XIX вв.

Одна из главных современных мировых проблем — это религиозный вопрос. Все больше конфликтов возникает на религиозной почве. Поэтому, не только развитие российского общества, но, так же, важно, чтобы конфессиональный мир в нашей стране не нарушался. В этой связи, актуальным становится обращение к опыту предков, для исключения в будущем межрелигиозных конфликтов.

В отечественной историографии имперскому измерению истории России не уделялось должного внимания. Внимание больше фокусировалось на центре, на власти, на государстве. Историки тех народов, которые когда-то входили в империю, по большей части концентрируют свое внимание на собственном народе, истоках собственной государственности. Времена, когда их государство входило в состав России или СССР рассматриваются как времена борьбы за свободу, за независимость.

Акцентируя внимание на отношениях центра империи и ее окраин, актуально будет рассмотреть один из ключевых вопросов — конфессиональную политику России в XVIII–XIX вв. в Центральной Азии.

Эта территория еще издревле была населена разными, преимущественно, тюркоязычными народами, с различными экономико-хозяйственными и социально-культурными отношениями. Этот контраст создает впечатление разнообразного азиатского мира, изучение которого становится все более интересным, в виду того, что сейчас Азиатский регион ставится объектом более пристального внимания со стороны мирового сообщества.

С тех пор, как Россия стала продвигаться за пределы Уральских гор в Сибирь, в Центральную Азию, внешняя политика России стала намного активнее и напористее и, особенно, в веке девятнадцатом. В своем желании продвигаться

дальше в Сибирь, российские первооткрыватели и исследователи не встречали серьезных препятствий в лице могущественных государств. В Сибирских землях аборигены, преимущественно, были язычниками, на юге Восточной Сибири был распространен буддизм, в основе своей миролюбивое учение. Мусульманство так же было распространено у татар, но междоусобицы сделали их неспособными противостоять русской экспансии. По мнению известного исследователя Дамешка Л. М., в XIX в., на территории Сибири, православие, как совокупность норм соответствующего поведения, внедрялось административными методами, с помощью земской политики¹.

Активная миссионерская деятельность в Западной Сибири среди мусульман и язычников стала возможна в связи с реформами М. М. Сперанского, подготовившего «Устав сибирских инородцев». В основе реформ М. М. Сперанского была заложена идея, согласно которой туземные народы должны были быть ориентированы на восприятие ими русской культуры: способов ведения хозяйства, организации быта и т. п. Главная идея работы Сперанского в этом направлении — перевод «инородческих племен» к оседлости и земледельческому труду, что, по его мнению, должно проводиться постепенно и мирным путем. Эта идея нашла свое отражение в принятом правительством в 1822 г. «Уставе об управлении инородцев Сибири».

С переменным успехом удавалась и миссионерская деятельность православным духовенством. При Николае II из-за усиления влияния мусульманского духовенства на местное население, была организована широкая миссионерская деятельность православных священников. Но недостаточная подготовка приходского духовенства не давала своих результатов. Для подготовки квалифицированных профессиональных миссионеров при Казанской духовной академии были открыты специальные миссионерские курсы, где преподавались восточные языки, история ислама.

Государство в это время большое внимание уделяет вопросам организации миссионерской деятельности². Христианизация аборигенов была одобрена в 1870 г. министром народного образования Д. А. Толстым, считавшим, что «конечной целью образования всех инородцев... должно быть обрусение их и слияние с русским народом»³. По другому делу обстояло в Средней Азии. Там за века сложились государства, существовала своя развитая культура, а население, в большинстве своем, исповедовало укоренившийся в сознании людей ислам, религию, которая, мягко говоря, не приветствует вторжение иноверцев.

¹ Дамешек Л. М. Политика российского самодержавия в отношении народов Сибири в эпоху капитализма (1861–1917 гг.): Дис. д-ра ист. наук/Иркут. гос. ун-т. – Иркутск, – 1987. – С. 353–356.

² Там же. – С. 334–340.

³ Капелер А. Россия - многонациональная империя: Возникновение. История. Распад. – М.: Прогресс-Традиция, – 1997. – С. 194.

Отношение правительства к мусульманам менялось в зависимости от изменений политической обстановки. Так, во время войны России в Туркестане распространились слухи, что готовится насильственное обращение всех мусульман в православие, благодаря чему началось массовое дезертирство татар из русской армии, а после войны поднялась волна эмиграции из России в мусульманские страны. Не лучше сложилась ситуация и во время русско-турецкой войны 1877–1879 гг. Все это дало повод говорить о безуспешности православной миссионерской деятельности.

Что же касается мусульман, то до середины XVIII в. российское правительство существенно ограничивало их права в стране. Но ситуация стала меняться с приходом к власти Екатерины II, которая признавала, что религиозные гонения в стране только еще больше усугубят обстановку. На это в большей степени повлияло восстание Пугачева, в котором активную роль принимали и мусульмане. Кроме того, императрица, воспитанная в духе немецкого протестантизма, так же отличалась долей толерантности в религиозных взглядах. Общение с европейскими просветителями тоже сыграло важную роль. Указом от 17 июля 1773 г. императрица провозгласила всеобщую веротерпимость и запретила христианской церкви вмешиваться в дела мусульман. Для этого она создала специальный орган — муфтиат, с центром в Уфе, который руководил исламскими общинами в империи и на вновь присоединенных территориях¹. В Крыму существовал отдельный муфтиат. Было разрешено учреждать исламские школы, которые готовили священников.

В последней четверти XVIII в., когда были присоединены казахские земли, основные принципы исламской политики были уже сформированы. К духовно-религиозному быту казахов стали относиться терпимее. От обращения восточных народов в христианство русские власти отказались. Другого выхода у властей быть не могло. В середине XIX в. первый туркестанский генерал-губернатор К. П. фон Кауфман писал по этому поводу «... Мировоззрение у них мусульманское и... трогать их верование безнаказанно нельзя, как у настоящих, истых мусульман»². Но необходимо указать на то, что в то же время государство понимало и поощряло переход населения имперских окраин в христианство, в частности в православие. Так в марте 1861 года командующий войсками Западносибирского военного округа подает рапорт на имя военного министра, в котором, ссылаясь на командующего войсками Семиреченской области, пишет о желании 1 037 китайских эмигрантов «из кара-калмыков и даур-солон» перейти в российское

¹ Ислам в Российской империи (Законодательные акты, описания, статистика)/Сост. Д. Ю. Арапов. – М., – 2001. С. 47–48.

² Генерал-адъютант Константин Петрович Кауфман как устроитель Туркестанского края (1867–1882). – Ташкент, – 1913. – С. 79.

подданство. В том же документе говорится о стремлении этой тысячи человек перейти в православную веру. Это значит, что они не воспринимали православие, как и Российское государство враждебным себе. Россия не ассоциировалась у них как враждебная сила. В целях поощрения для этой группы населения было дано распоряжение о выделении им необходимых участков для земледелия. Кроме того, от центрального правительства было получено разрешение о выделении 970 рублей на 1868 год для «содержания священника и учителя школы для китайских переселенцев»¹.

На проведение миссионерской работы исламскими священниками среди кочевников Казахской степи еще Екатериной II выделялись большие суммы. Такая мягкая политика императрицы приносила свои плоды. Мусульмане симпатизировали русским. Обученные в медресе Оренбурга, Казани, Уфы мусульманские священнослужители отправлялись в степи, чтобы проповедовать ислам, обучать грамоте население. Но под видом мулл порой скрывались так называемые тайные агенты южных ханств, которые вели антирусскую агитацию среди населения. После захвата кокандцами южно-казахских земель произошел резкий наплыв исламских миссионеров. Понятно, что эти ортодоксальные исламисты провозглашали антироссийские лозунги. И надо признать, они находили поддержку у местных². Таким образом, следует признать, что к моменту присоединения южных районов Центральной Азии религиозно-политическая ситуация там была довольно сложная и противоречивая.

В середине XIX в. обширная территория Центральной Азии, присоединенная к России, нуждалась в пристальном внимании и религиозная реформа частично решала поставленные задачи.

21 октября 1868 г. Александр II подписал «Временное Положение об управлении Уральской, Тургайской, Акмолинской и Семипалатинской областями» (Степное положение). Согласно положению, Уфимский муфтиат не мог больше руководить религиозной жизнью казахов. Муллы теперь избирались самими казахами и переходили в подчинение Министерства внутренних дел. Мечети могли строиться только с разрешения генерал-губернатора. Положение устанавливало избрание одного муллы на волость, содержало его теперь избравшее его кочевье, священника обязали выплачивать подати и теперь они могли преподавать в медресе только с разрешения уездного начальства.

25 марта 1891 г. император Александр III утвердил новое «Положение об управлении Акмолинской, Семипалатинской, Семиреченской, Уральской

¹ Центральный государственный архив Республики Узбекистан. – Ф. И-1. – Оп. 34. – Д. 17., Л. 3.

² Гейнс А. К. Киргиз-кайсаки (В Зауральской степи) // Гейнс А. К. Собрание литературных трудов. – СПб., – 1897. – Т. 1. – С. 76.

и Тургайской областей”, которое было более демократичным и меньше регламентировало жизнь мусульман. Но по-прежнему сохранялся надзор за избранием мулл со стороны генерал-губернаторов.

Таким образом, миссионерская деятельность православных священников оказалась малоэффективной и задачи, поставленные государством по обращению в православие населения азиатской России, не были решены. Но важно другое, миссионерская деятельность заложила основы двустороннего диалога между двумя религиями. Кроме того, правительство, теперь уже понимая важность религиозного вопроса, более внимательно стало относиться к исламу, так как в XIX в. огромные территории, которые были присоединены населялись мусульманами и не считаться с их мировоззрением было нельзя. Принципы исламской политики, заложенные вышеназванными положениями, сохранялись и конфессиональный курс правительства оставался неизменным вплоть до 1917 г.

Список литературы:

1. Гейнс А. К. Киргиз-кайсаки (В Зауральской степи)/А. К. Гейнс//Собрание литературных трудов. – СПб., – 1897. – Т. 1.
2. Генерал-адъютант Константин Петрович Кауфман как устроитель Туркестанского края (1867–1882). – Ташкент, – 1913.
3. Дамешек Л. М. Политика российского самодержавия в отношении народов Сибири в эпоху капитализма (1861–1917 гг.): дис. д-ра ист. наук/Дамешек Лев Михайлович. – Иркутск: Иркут. гос. ун-т., – 1987.
4. Ислам в Российской империи (Законодательные акты, описания, статистика)/Сост. Д. Ю. Арапов. – М.: Академкнига, – 2001.
5. Каппелер А. Россия – многонациональная империя: Возникновение. История. Распад/ – М.: Прогресс-Традиция, – 1997.

*Tryhub Oleksandr Oleksandrovich,
T. H. Shevchenko Chernihiv National
Pedagogical University, postgraduate student,
Oleksandr Lazarevsky Institute of History,
Ethnology and Jurisprudence
E-mail: alekstryhub@gmail.com*

**M. I. Tumansky general of the Russian
army in the middle of XIXth century**

*Тригуб Олександр Олександрович,
Чернігівський національний педагогічний
університет ім. Т. Г. Шевченка,
аспірант, Інституту історії, етнології
і правознавства ім. О. М. Лазаревського
E-mail: alekstryhub@gmail.com*

М. І. Туманський – генерал російської армії середини ХІХ ст.

Вивчення історії та генеалогії українських шляхетських родів належить до недостатньо вивчених галузей вітчизняної історичної науки, хоча саме національна еліта була і є головним чинником, що забезпечує державотворчий потенціал будь-якого народу¹. Дослідження генеалогії вітчизняного нобілітету довгий час не користувалося популярністю у дослідників внаслідок тривалого періоду бездержавності України. Лише після здобуття Україною незалежності у вітчизняній історіографії окреслились позитивні зрушення у цьому напрямі. Втім, на різних етапах розвитку історичної науки вчені неодноразово звертали увагу на те, що провідна верства суспільства складалася переважно з людей передусім військових. У яскравій плеяді українських дворянських родин помітне місце посідає рід Туманських, представники якого залишили поважний слід не лише у громадсько-політичному й соціокультурному житті України другої половини ХVІІ – початку ХХ ст., а й відзначилися на військовій службі.

Рід Туманських вів своє походження від «полського шляхтича» Тимофія Гнатовича Туманського, який близько 1678 р. переселився на Лівобережну Україну й осів у Борисполі, де одружився на представниці роду Дарицьких. Близько 1710 р. «в бывшую моровую язву» Т. Г. Туманський разом з дружиною і синами Федором та Петром² занедужав і помер, «оставя по себе малолетнего сына Григория Тимофеевича Туманского³. Останній від шлюбу з А. К. Журовською мав п'ятеро синів⁴ — Василя (нар. бл. 1720 р.), Андрія (нар. бл. 1727–28 рр.),

---

¹ Парандій В. О. Національні еліти як фактор українського державотворення (історико-політологічні дискусії) // Наукові записки. Серія: Історія. / За матеріалами ІІІ Міжнародної наукової конференції «Національна інтелігенція в історії та культурі України». – Вінниця : В-во: ВДПУ ім. М. Коцюбинського, – 2008. – Вип. 14. – С. 300.

² Інститут рукопису Національної бібліотеки України ім. В. І. Вернадського (далі – ІР НБУВ), – ф. П, – спр. 16632, арк. 1.

³ Там само.

⁴ Тригуб О. О. Сімейні зв'язки як фактор соціальної взаємодії роду Туманських у ХVІІІ ст. / О. Тригуб // Український історичний збірник. – К., – 2012. – Вип. 15. – С. 30.

Йосипа (нар. бл. 1729 р.), Федора (нар. бл. 1731 р.) та Івана (нар. бл. 1740 р.), а також трьох дочок — Олену, Тетяну та Анастасію. З них найстарший — Василь був останнім генеральним писарем Гетьманщини; Андрій пішов слідами батька і був протопопом у м. Басань; Йосип присвятив життя цивільній службі, яку завершив на посаді голови Новгород-Сіверської палати карного суду в чині статського радника; Іван — секретар Сенату, голова Київської казенної палати, статський радник, письменник та перекладач кінця XVIII ст.¹

Військова кар'єра онука останнього генерального писаря Гетьманщини В. Г. Туманського — Михайла Івановича Туманського була доволі стрімкою. Він народився (25 (27?) серпня 1802 р. у родинному маєтку в с. Чорториги²).

Основні віхи кар'єрного сходження М. І. Туманського детально ілюструє формулярний список, за яким військову службу він розпочав 10 січня 1820 р. штандарт-юнкером Лейб-гвардії кінного полку. 7 червня 1822 р. М. І. Туманський став корнетом³, 18 червня 1825 р. — поручиком, 25 березня 1828 р. — штаб-ротмістром, 25 червня 1831 р. — ротмістром, а 6 грудня 1835 р. він отримав чин полковника⁴.

У складі полку М. І. Туманський узяв участь у придушенні Польського повстання 1830 р. 5 березня він у складі діючої армії переправився через р. Німан поблизу м. Ковно, а 7–8 травня разом з гвардійським корпусом великого князя Михайла Павловича змушений був відступити «от м. Снядова, через м. Тыкочин за р. Нарев» під натиском повстанців. Наступного дня М. І. Туманський узяв участь в «действительном сражении под Желтками»⁵, а 13 травня — «при стычке под Старым Якацем, что близ Пыски»⁶. Після прибуття основних російських сил під командуванням генерал-фельдмаршала І. І. Дибича, до них приєднався корпус, в якому перебував М. І. Туманський, і 26 травня 1831 р. головні польські сили під командуванням генерала Я. Сквинецького були розбиті в битві під Остроленкою.

25–26 серпня 1831 р. М. І. Туманський брав участь у штурмі та взятті передових укріплень м. Варшави та міського валу, а 27 серпня у складі свого корпусу

¹ Тригуб О. О. Сторінки сімейної історії українського нобілітету: родина Федора Григоровича Туманського/О. О. Тригуб//Українська біографістика = Biographistica Ukrainica : Зб. наук. праць. – К., – 2013. – Вип. 10. – С. 179.

² Модзалевський В. А. Малоросійський родословник/В. А. Модзалевський. – К.: [б. в.], – 1998. – Т. 5, вип. 2. – С. 69.

³ История Лейб-гвардии Конного полка 1731–1848./[сост. полковым адъютантом роты Анненковым]. – СПб. : Тип. Имп. Акад. наук, – 1849. – Ч. IV. – С. 238.

⁴ Там само. – С. 239.

⁵ Российский государственный исторический архив (далі – РГИА), – ф. 472, – оп. 31, – д. 21/66, л. 3–4.

⁶ Там само. – л. 3–4 об.

вступив у місто¹. Частина представників польського уряду відмовилась виконувати розпорядження новообраного президента Я. Круковецького про капітуляцію і відступила. Протягом вересня-жовтня 1831 р. М. І. Туманський брав участь у переслідуванні залишків польської армії до прусського кордону. Після закінчення кампанії 23 жовтня того ж таки року він разом зі своїм полком переправився через р. Буг та відбув на зимові квартири. За цю кампанію М. І. Туманський 6 жовтня 1831 р. отримав орден святого Володимира 4 ступеня з бантом².

1 січня 1837 р. М. І. Туманський був призначений командиром Катеринославського кірасирського полку (на цій посаді 3 жовтня 1837 р. він отримав орден святої Анни 2 ступеня), а 6 грудня 1838 р. — флігель-ад'ютантом імператриці Олександри Федорівни³, залишившись водночас на посаді командира полку. Як писав у своїх спогадах М. А. Кретчмер, «полковник Михаил Иванович Туманский, предобрейший и благороднейший человек, и вовсе не педант по службе, что в то время было редкостью»⁴. Крім своїх безпосередніх обов'язків М. І. Туманський часом виконував особливі доручення. Зокрема, 11 квітня 1839 р. він був відряджений зі своїм полком на урочистий збір військ з нагоди відкриття монумента на полі Бородінської битви. А під час весілля Великої Княгині Марії Миколаївни і герцога Максиміліана Лейхтенбергського у Санкт-Петербурзі, М. І. Туманський перебував на чолі команди, що складалась з 2 обер-офіцерів і 21 нижнього чину. На нього було покладено місію несення караулу в апартаментах княгині з 26 червня по 14 липня 1839 р.⁵

15 січня 1841 р. М. І. Туманському було доручено знаходитися при особі її імператорської величності. 5 червня 1843 р. він був відряджений до Оренбурга з монаршим указом до тамтешнього військового губернатора. Ретельне виконання наказів керівництва та здібності сприяли швидкому просуванню М. І. Туманського по службі. 10 жовтня 1843 р. він отримав звання генерал-майора⁶, а 24 серпня 1844 р. був призначений в 1-шу Кірасирську дивізію, яка на той час вважалась елітою кавалерії Російської імперії. З 8 квітня 1845 р. під його орудою також перебували запасні Гвардійські ескадрони. Протягом 14 серпня — 24 вересня 1847 р. М. І. Туманський був відряджений до Києва для командування трьома

¹ РГИА, — ф.472, — оп. 31, — д. 21/66, л. 3–4 об.

² Там само.

³ Милорадович Г. А. Список лиц свиты их величеств с царствования императора Петра I по 1886 г. по старшинству дня назначения: генерал-адъютанты, свиты генерал-майоры, флигель-адъютанты, состоящие при особах, и бригад-майоры/ г. А. Милорадович. — К. : тип. С. В. Кульженко, — 1886. — С. 119.

⁴ Кретчмер М. А. Воспоминания М. А. Кретчмера/ М. Кретчмер// Исторический вестник. — 1888. — Т. 32. — С. 373.

⁵ РГИА, — ф.472, — оп. 31, — д. 21/66, л. 3–4 об.

⁶ Список генералам по старшинству: исправлено по 17-е Марта. — СПб. : Военная типография, — 1844. — С. 413.

гвардійськими запасними ескадронами, сформованими із безстроково відпускних нижніх чинів для огляду імператором¹.

За успішне виконання наказів 6 грудня 1847 р. М. І. Туманського було призначено командиром 1-ї бригади 7-ї легкої кавалерійської дивізії. З 17 січня 1848 р., він отримав у своє підпорядкування Лейб-кірасирський його Імператорської величності Спадкоємця цесаревича полк, який очолював по 6 грудня 1853 р. Варто відзначити, що з 27 січня 1850 р. у підпорядкуванні М. І. Туманського перебувала ще й 2-га бригада Гвардійської кірасирської дивізії.

28 травня 1848 р. під час огляду ввіреного М. І. Туманському Лейб-гвардії Кірасирського полку Великим князем Михайлом Павловичем, останній «нашел его в блистательном состоянии и в полной готовности к военному делу»², за що М. І. Туманський удостоївся похвали, а відтак, розпорядився видати «всем, как строевым, так и нестроевым, фуражатам и фуралейтам по 30 коп. серебром на человека. Старшим вахмистрам — по 1 рублю серебром, а взводным — по 50 коп., на человека»³. За спогадами сучасників, за час командування М. І. Туманським «полк, вообще говоря, и в строевом и в хозяйственном отношениях был в превосходном состоянии»⁴.

1849 р. М. І. Туманський брав участь у придушенні повстання в Угорщині, втім, за спогадами очевидців, «сам поход не представил ничего замечательного для полка»⁵.

У 6 грудня 1853 р. за відмінну службу М. І. Туманський отримав чин генерал-лейтенанта. Крім того, йому було дозволено носити, а наказом від 7 січня 1854 р. — зберегти мундир Лейб-гвардії Кірасирського полку. Після початку Східної війни, з 19 квітня по 8 липня в 1854 р., М. І. Туманський перебував у складі головного резерву Петербурзького гарнізону і брав участь у заходах щодо забезпечення охорони берегів Балтійського моря.

31 жовтня 1856 р. М. І. Туманський був зарахований по гвардійській кавалерії в запасні війська, а 20 квітня 1857 р. залишив військову службу⁶.

Тривала служба М. І. Туманського була відзначена численними нагородами: 22 серпня 1847 р. він отримав відзнаку за бездоганну службу протягом 20 років; 26 листопада 1847 р. за бездоганну службу в офіцерському чині протягом 25 років його було удостоєно ордена святого Георгія 4 ступеня, а вже за місяць — 6 грудня

¹ РГИА, – ф. 472, – оп. 31, – д. 21/66, л. 3–4 об.

² История лейб-гвардии кирасирского Ее Величества полка: в 2 т. Т. 1/[сост. полковник Марков]. – СПб. : Госуд. тип., – 1884. – С. 407.

³ Там само. – С. 408.

⁴ Там само. – С. 410.

⁵ Там само. – С. 408.

⁶ РГИА, – ф. 472, – оп. 31, – д. 21/66, л. 3–4 об.

за відмінну і старанну службу М. І. Туманський отримав орден святого Володимира 3 ступеня. Крім того, отримані ним 6 грудня 1849 р. орден святого Станіслава 1 ступеня і орден святої Анни 1 ступеня з відзнакою за бездоганну службу за 25 років (6 грудня 1852 р.)¹ зайвий раз засвідчили прихильність до М. І. Туманського вищого військового керівництва держави.

Окрім зазначених нагород та чинів старанна служба М. І. Туманського була відзначена і численними грошовими винагородами, які він отримував починаючи з 1833 р. Зокрема, 1 січня 1837 р. при призначенні командиром Катеринославського кірасирського полку він отримав 3 000 руб. асигнаціями, а 1839 р. під час командування ввіреном йому полком на огляді під час відкриття монументу на полі Бородінської битви за старанну службу було наказано виплачувати М. І. Туманському щорічно протягом 12 років по 800 руб. сріблом².

Військова кар'єра не залишала М. І. Туманському часу на ведення власного господарства, відтак його маєтки перебували в управлінні довірених осіб, внаслідок чого іноді виникали судові суперечки. Зокрема, 26 травня 1836 р. у зв'язку з непорозумінням щодо сплати державного податку з економії М. І. Туманського у Полтавській губернії вилучили 12 пар волів і продали їх для погашення недоїмки³. У грудні 1838 р. у Котопському повітовому суді розглядалась справа про несплату ним та його братом Василем грошей за придбаних селян, яка, втім, завершилася на користь відповідачів⁴.

Дружиною М. І. Туманського була фрейліна Великої княжни Марії Миколаївни — Олександра Федорівна Опочиніна (14 червня 1814 р. — 5 жовтня 1868 р.). Дозвіл на цей шлюб було надано на найвищому рівні — наказом від 13 грудня 1838 р. Імператор навіть пожалував нареченій посаг у розмірі 12 тис. руб.⁵ Як писав у своїх спогадах М. А. Кретчмер, «Туманский, который в то время был уже флигель-адъютантом, потому что наш полк был «подарен» в шефство на маневрах в Вознесенске, великой княгине Марии Николаевной, причем Туманский получил не только орден и звание флигель-адъютанта, но даже премиленькую и прехорошенькую женку, фрейлину Марии Николаевны»⁶.

Цей шлюб втім виявився бездітним. М. І. Туманський помер 3 березня 1866 р. і був похований у Новодівочому монастирі в Петербурзі⁷. Після смерті

¹ РГИА, – ф. 472, – оп. 31, – д. 21/66, л. 3–4 об.

² Там само.

³ Державний архів Чернігівської області, – ф. 128, – оп. 1, – спр. 3926, – арк. 1.

⁴ Державний архів Сумської області, – ф. 582, – оп. 1, спр. 327, арк. 36–39 зв.

⁵ РГИА, – ф. 472, – оп. 2, – д. 1227, л. 84.

⁶ Кретчмер М. А. Воспоминания М. А. Кретчмера/М. Кретчмер// Исторический вестник. – 1888. – Т. 32. – С. 375.

⁷ Модзалевський В. А. Малоросійський родословник./В. А. Модзалевський. – К.: [б. в.], 1998. – Т. 5, вип. 2. – С. 69.

чоловіка його удова звернулась з проханням «о сохранении ей той же пенсии, какая производилась покойному за его 38 летнюю военную службу, т. е по 1145 руб. в год»¹. Император, взявши до уваги заслуги М. І. Туманського, наказав у обхід закону, за яким «просительница имеет право на получение пенсии в размере 1/2 пенсии мужа, т. е по 572 руб. 50 коп. в год, производить просительнице из Государственного Казначейства пенсион в том же размере, в каком получал оный сам Туманский, т. е. по 1145 руб. в год»². 21 липня 1866 р. О. Ф. Туманська у листі до графа В. Ф. Строганова подякувала йому за сприяння у вирішенні цієї справи та просила «повергнуть всеподданнейшую мою признательность к Августейшим стопам Государя Императора»³.

*Shebzukhova Tatyana Aleksandrovna,
FGAOU VPO "North-Caucasian
Federal University" (branch in Pyatigorsk),
Professor Department of Theory and History of State and Law
Bondarenko Natalia Grigoryevna,
Professor Department of History and Philosophy of Law
E-mail: 425257@mail.ru*

The Kuban Cossacks during the post-reform period

*Шебзухова Татьяна Александровна,
ФГАОУ ВПО «Северо-Кавказский федеральный
университет» (филиал в г. Пятигорске),
профессор кафедры теории
и истории государства и права
Бондаренко Наталья Григорьевна,
профессор кафедры истории и философии права
E-mail: 425257@mail.ru*

Кубанское казачество в пореформенный период

Всякое научное исследование представляет собой системный процесс. Данное исследование базируется на выявлении источнико-информационной основы

¹ РГИА, – ф. 472, – оп. 31, – д. 21/66, л. 11–11 об.

² Там само. – л. 15.

³ Там само. – л. 16–16 об.

ее решения, где историческое познание данное вопроса с имманентным ему научным статусом претендует на эмпирический и теоретический уровни¹.

Отмена крепостного права дала толчок для развития рыночных отношений. В связи с этим резко меняется и социальная структура терской и кубанской станицы. Главная особенность данных преобразований — появление в буржуазном обществе новых страт, в частности, сельскохозяйственных рабочих.

Еще в дореформенный период на Кубани наблюдаются предпосылки зарождения сельскохозяйственного пролетариата. Но считать его пролетариатом на этапе феодально-крепостнического общества пока невозможно, хотя исторические предпосылки зарождения рабочего класса оказали существенное влияние на последующий процесс его формирования уже в рамках капиталистического общества.

Проблема социально-экономической истории дореформенной Кубани занимался советский историк В. А. Голобуцкий, который утверждал, что к середине XIX века эксплуатация вольнонаемного труда достигла больших размеров. Хотя требует уточнений утверждение автора о том, что крепостной труд играет подчиненную роль по сравнению с вольнонаемным. В связи с тем, что вся система эксплуатации в государстве в эпоху феодально-крепостнических отношений основывалась на внеэкономическом принуждении, чаще всего “вольный” наем крепостных крестьян становился фактическим закабалением данных слоев населения.

В дореформенную эпоху элементы товарности в казачьих хозяйствах способствовали тому, что эксплуатация наемного труда увеличивалась. Лишь реформа 1861 года определила первое место товарной форме рабочей силы, опередив товарную форму продукта. Это явилось своеобразной санкцией господства теперь уже не товарного, а капиталистического производства. Обращаясь к статистическому материалу, можно констатировать, что в 1868 году из 168 казачьих сотен в Войске, всего лишь 40 % хорошо снаряжены, посредственно — 25 %, а недостаточно снаряженными являются 34 % из числящихся, несмотря на соблюдение строгих мер и при условии, что назначение в сотни осуществляется зажиточными семьями². Регулярно в 60-е гг. XIX века начальник Кубанской области подавал сведения об уровне достатка казачества. В основном, имущество богатого казака составляло: рогатый скот — 35–100 голов, лошадей — 15–100, овец — 160–1000. Казаки, имеющие средний достаток имели: рогатый скот — 10–30 голов, лошадей — 10–15, овец — 40–190. Крупные и средние хозяйства были, как правило, ориентированы на рынок. Бедное казачество в своем хозяйстве имело:

¹ Shebzukhova T. A., Bondarenko N. G. Daily occurrence in structure and the content of historical knowledge/В сборнике: The Second International Conference on History and Political Sciences Vienna, – 2014. – С. 40–41.

² Голобуцкий В. А. Черноморское казачество. – Киев, – 1956.

рогатый скот — 1–4 голов, лошадей — 1–2, овец — 1–20. Тем не менее в отчетах часто звучала фраза о том, что многие жители вообще не имеют животных. Но все же, главной отраслью Кубанского хозяйства было скотоводство. Данные за 1878 г. по Ейскому уезду Кубанского региона свидетельствуют о том, что казачьих и урядничьих хозяйств из 12414 — 16,2 % не имеют скота, лишь одной парой волов располагают 27,3 %. Таким образом, бедняцких хозяйств было 43,4 %. Убедительные данные 1883 года приводит П. О. Кириллов по станице Стародевянковской Ейского уезда, где располагалось дворов, не имевших скота — 55 (11,4 %); дворов, обладающих одной парой животных — 163 (33,4 %), что свидетельствует о наличии 44,8 % сельских пролетариев. Исследователь отмечает, что из 55 дворов, не имеющих рабочего скота, 51 хозяйство занимается в сельском хозяйстве наемной работой. Процент наемной рабочей силы по отношению ко всем дворам составляет 10,5. Автор данной статистики отмечает, что наряду с ведением собственного хозяйства, данные семейства работали по найму. Это был полупролетарский слой кубанской станицы. Хозяйства, не имеющие скота, свои земельные пай сдавали в аренду, а сами нанимались к зажиточным. 56 (12,5 %) хозяев не занимались хлебопашеством, а к продаже рабочей силы прибегал 51 домохозяйин. Это составляло 11,4 % по отношению ко всем станичным дворам.

Наблюдалось два параллельных процесса: складывание сельского пролетариата и формирование буржуазии. Согласно данным за 1874–1875 гг. в Темрюкском уезде, 21 станица, имеющая 6745 хозяйств включала 42,1 % дворов сельского пролетариата и 17,2 % дворов сельской буржуазии. Таким образом, сельская беднота Темрюкского и Ейского уездов составляла 40 % казачьих дворов. В то время, как зажиточных хозяйств около 17 %, которые имели 4 и более пар волов и более четырех рабочих лошадей¹.

Согласно данным Темрюкского уезда за четверть века, выявляется закономерность, отражающая увеличение дворов, не имеющих лошадей в 6,7 раза. Хозяйства, имеющие одну лошадь выросли за этот же период в 2,6 раза.

Группа бедняцких хозяйств в отношении иных категорий хозяйств практически не изменилась, но выявлены были качественные изменения, которые отражали увеличение хозяйств, не имеющих лошадей, за счет хозяйств, имеющих одну лошадь. Зажиточные хозяйства выросли в 2,1 раза. Безусловно, наличие рабочего скота не является основным показателем зажиточной части казачества, поскольку критериями оценки могут быть и торговля, и наличие мельниц, и усовершенствование сельскохозяйственных машин и другие факторы. Но все же приведенные данные о наличии рабочего скота свидетельствуют о том, что для

¹ Шебзухова Т. А. Крестьянство Северного Кавказа в условиях рыночной модернизации России (60-е гг. XIX – начало XX вв.): опыт системного анализа/Диссертация на соискание ученой степени доктора исторических наук. – М., – 2001. – С. 62–78.

конца 90-х годов XIX века характерна достаточно мощная группа зажиточных домохозяйств, где доказательной базой являются материалы 48 губерний России, которые нашли отражение в работе В. И. Ленина «Развитие капитализма в России». В Кубанской области процент кулацких хозяйств был на порядок больше (14,0 против 9,1), чем во всех губерниях Европейской России, хотя процент казачьих дворов, не имеющих лошадей или имеющих одну лошадь был ниже (39,5 против 59,5), чем в России¹.

Для Кубанской области были характерны свои особенности расслоения казачества. Образование кулацких хозяйств шло более интенсивными темпами, а процесс «раскрестьянивания» медленнее, чем в целом в Европейской России. Безусловно, при анализе социального расслоения определяющими факторами были и порайонные условия: горная и степная части области. Переселенцы не могли заниматься земледельческим трудом в горной местности, в которой отделение производителей от средств производства в сравнении со степной частью происходило гораздо сильнее.

В условиях горной местности переселенцы не могли заниматься земледелием. Колонизационные, часто принудительные процессы охватили беднейшие слои населения. Как отмечает исследователь Щербина В. А.: «Сюда являлся только тот, — писал местный исследователь, — кто ничего не имел, кому нечего было терять у себя дома»².

Казак в результате «колонизации» терял многое, что имели ранее. В связи с этим слово «закубанец» стало являться символом бедняка. Только в Майкопском уезде, по официальным данным, заработками жили 2 129 семейств. В Отчете по Кубанской области за 1883 год отмечается, что уездное население не располагает средствами, чтобы заниматься хлебопашеством, а вынуждено зарабатывать поденными работами и промышлять заработками на стороне. Численность бездомного населения для всего уезда, не имеющего домашних животных и не занимающихся сельским хозяйством составляла 15 %, а в других уездах была намного выше. По показателям казачьего пролетариата, в качестве примера, можно назвать следующие станицы: Мингрельская (самая большая станица) — 8 %; Северская — 15 %; Ильская — 20 %; Саратовская — 20 %; Апшеронская — 25 %; Мартанская — 32 %; Хадыженская — 38 %, Нефтяной поселок — 51 %.

---

¹ Государственный архив Краснодарского края (ГАКК) – Ф. 668. – Оп. 1. – Д. 465, 530 (т. 1), 682, 744 (т. 1,2), 814, 819, 820, 821, 884; Оп. 3., Д. 96; Кулиш И. Расслоение кубанского казачества в конце XIX и начале XX вв. // Труды Кубанского пединститута. – Т. 1 (IV). – Краснодар, – 1930. – С. 102.

² Щербина В. А. Хозяйственно-экономический быт казачьих поселений по бассейнам рек: Пшехи, Пшиша и Псекупса в Закубанском уезде Кубанской области // Кубанский сборник. – Т. 2. – Екатеринодар, – 1891. – С. 5.

В Майкопском уезде 36 % составляло население, которое не занималось хлебопашеством, хотя имело в распоряжении одну лошадь или пару волов. В других уездах процент в отдельных общинах составлял 88.

Анализ, проведенного В. А. Щербиной, исследования подтверждает вывод о том, что несмотря на первенствующее место лесных промыслов, население не имело достаточных средств для существования и вынуждено было идти на заработки за пределы своей общины, в более зажиточные казачьи станицы.

Ценные исследования нагорных станиц Кубанской области в начале XX века проведены А. В. Македоновым, где отмечается, что около 35 % различных хозяйств высшей группы вынуждены были обращаться к найму батраков, в середняцких хозяйствах, имеющих 2 лошади этот процент составляет 10,3 %, а имеющих в своем хозяйстве 3 лошади соответственно 28,5 %. Наибольшее количество батраков выделяли беднейшие хозяйства. На бескотные хозяйства и хозяйства с одной лошадью приходилось 51,1 % батрачаших. Интересна статистика найма в батраки в следующих хозяйствах:

- без рабочего скота — 50 %;
- без скота — 32,3 %;
- имеющих одну лошадь — 23,8 %;
- имеющих четырех лошадей — 12,7 %.

Причиной выделения батраков из хозяйств высшей группы является избыток женской рабочей силы, которая в условиях нелегкого лесного хозяйства не нашла применения. В среднем на каждое хозяйство приходилось 1,5 нанятого батрака. 13,5 % нанятой рабочей силы приходилось на мужчин рабочего возраста. Македонов А. В. в качестве примера приводит данные о семи нагорных станицах — Абхазской, Кабардинской, Ширванской, Прусской, Дагестанской, Нижегородской и Самурской, где более четверти мужчин нанимались в батраки. Однако, Македонов А. В. отмечает, что число работающих по найму человек было гораздо выше, так как не было учтено число работающих на табачных плантациях, а согласно переписи 1901 года, которая была проведена в Баракаевской, Каменноостской и Севастопольской станицах 28 % женской рабочей силы занималось на плантациях и хуторах поденной работой.

Автор исследования отмечает, что число предлагающих свою рабочую силу было гораздо выше, так как регистрация данного промысла проводилась в период, когда заканчивался летний отход на заработки, а осенний еще наступил.

Таким образом, при рассмотрении социального развития кубанского казачества, можно сделать вывод о том, что к концу XIX века мы наблюдаем появление немалочисленных слоев зажиточных хозяйств фермерского типа, поставляющих на рынок продукты сельскохозяйственного производства. Имели место беднейшие слои кубанского казачества, но процент их был ниже, чем

в целом по всей Российской империи. Средняк являлся главной фигурой Кубани. В связи с этим, можно говорить о том, что для Кубанской области были характерны устойчивые сельские хозяйства предпринимательской направленности, которые в меньшей степени отпускали на сторону наемных рабочих, но в большей степени нанимали рабочую силу.

Таким образом, середнячко-кулацкий слой казачьего населения Кубани являлся экономически мощной прослойкой чем в центральных губерниях России. Это и предопределяло в пореформенный период особенности социальной структуры кубанского казачества.

Список литературы:

1. Голобуцкий В. А. Черноморское казачество. – Киев, – 1956.
2. Государственный архив Краснодарского края (ГАКК) – Ф. 668. – Оп. 1. – Д. 465, 530 (т. 1), 682, 744 (т. 1,2), 814, 819, 820, 821, 884; Оп. 3., Д. 96; Кулиш И. Расслоение кубанского казачества в конце XIX и начале XX вв. // Труды Кубанского пединститута. – Т. 1 (IV). – Краснодар, – 1930.
3. Шебзухова Т. А. Крестьянство Северного Кавказа в условиях рыночной модернизации России (60-е гг. XIX – начало XX вв.): опыт системного анализа/ Диссертация на соискание ученой степени доктора исторических наук. – М., – 2001.
4. Щербина В. А. Хозяйственно-экономический быт казачьих поселений по бассейнам рек: Пшехи, Пшиша и Псекупса в Закубанском уезде Кубанской области // Кубанский сборник. – Т. 2. – Екатеринбург, – 1891.
5. Shebzukhova T. A., Bondarenko N. G. Daily occurrence in structure and the content of historical knowledge/ В сборнике: The Second International Conference on History and Political Sciences Vienna, – 2014.

Section 8. Political culture and ideology

*Voloshchak Valentin Igorevich,
Far Eastern federal university, student,
the department of Korean studies
of the Oriental institute – School
of regional and international studies
E-mail: vvoloshchak@gmail.com*

North Korean Juche ideology: the elements of religion and materialist philosophy

*Волощак Валентин Игоревич,
Дальневосточный федеральный университет,
студент, кафедра корееведения Восточного Института –
Школы региональных и международных исследований
E-mail: vvoloshchak@gmail.com*

Северокорейская идеология чучхе: элементы религии и материалистической философии

Идеология чучхе с момента своего появления и до наших дней контролирует повседневную жизнь жителей Северной Кореи. Принципы чучхе составляют основу системы ценностей современных корейцев, определяют их поведение в обществе, отношение к власти и мировоззрение в целом. Исторически сложилось, что в большинстве стран мира подобные вопросы были в ведении различных религий.

Безусловно, многие аспекты чучхе действительно напоминают постулаты некоего религиозного учения, и сама идеология служит, в некотором роде, для решения тех же задач, что и религия. Однако же, ни в коем случае нельзя однозначно приравнивать чучхейскую идеологию к религии, несмотря на то, что вполне возможно провести явную аналогию. Официально же северокорейское руководство допускает наличие разнообразных религиозных обществ, но фактически все они существуют лишь формально и контролируются государством с целью

создания видимости свободы вероисповедания. Помимо этого, идеология чучхе недвусмысленно является атеистической, что не позволяет приравнять чучхе к религии — вопрос об этой принадлежности остается спорным.

Чучхе как государственная идеология Корейской Народно-Демократической Республики существует практически с первых лет существования самого государства. Однако появилась она, разумеется, не на пустом месте, и имеет свою историческую и политическую подоплеку. Само слово «чучхе» не является неким принципиально новым термином, внедренным северокорейским руководством. Понятие «чучхе» появилось довольно давно и взято из средневековой корейской философии, трудов конфуцианских ученых. Этот термин имеет хождение и в Южной Корее, где часто используются понятия «чучхе» и «идеи чучхе», а также понятие «чучхесон», бывшее особо популярным в период правления Пак Чон Хи¹, однако же в современном мире, особенно в кругах, далеких от корееведения, чучхе ассоциируется именно с Северной Кореей.

Слово «чучхе», что следует из его конфуцианского происхождения, принадлежит к категории ханмунных слов корейского языка. Таким образом, «чучхе» состоит слов «хозяин» и «сущность, природа».

Как правило, в российской историографии принято переводить эти термины как «самобытность, самостийность» (С. О. Курбанов вносит конкретику в это понятие, истолковывая чучхе как обозначение ситуации, при которой «человек является хозяином себя самого и всего окружающего мира»²). По политическим причинам, в СССР термин «чучхесон» переводили как «национальный субъективизм», привнося негативную окраску в это понятие, хотя слова «чучхе» и «чучхесон» имеют максимально схожие значения и означают самостоятельность и самобытность корейского народа.

Следует помнить, что по итогам Второй Мировой войны и последующих политических процессов на Корейском полуострове корейское государство оказалось разделенным и попало под сферы влияния великих держав. Таким образом, политическое и идеологическое развитие Северной Кореи, начиная с самого появления государства, происходило под эгидой Советского Союза, а значит, и под большим влиянием марксистско-ленинского учения. Северокорейская идеология имела множество точек соприкосновения с советской, не говоря уже и об общем векторе учений — строительстве коммунизма.

Но невозможно говорить о том, что КНДР полностью встала на советский путь развития. В таком случае само наличие национальной чучхейской идеологии

---

¹ Толстокулаков, И. А. История общественно-политической мысли Кореи. – Владивосток, – 2007. – С. 320.

² Курбанов С. О. История Кореи: с древности до начала XXI в. – СПб., – 2009. – С. 510.

не было бы необходимым, как, например, в странах Восточной Европы, где общий идеологический курс мало расходился с официальной позицией Советского Союза. В случае Кореи сильную роль сыграло доминирование националистических настроений в обществе¹. Дело в том, что корейские государственные образования практически на протяжении всей своей истории находились под гнетом более сильных государств — китайских династий, затем Японии, а во второй половине XX в. — условно, СССР.

Таким образом, установление идеологии чучхе, что явствует из самого названия — попытка достичь самобытности корейского народа, независимости, как и от врагов, так и от союзников, стать полноценным суверенным государством. Эта проблема всегда остается актуальной для Северной Кореи, особенно в настоящее время, когда, после крушения мировой системы социализма, она осталась практически без внешней помощи и уже более 20 лет находится в жесткой информационной изоляции и тяжелом экономическом положении. В этих условиях огромную роль играет наличие национальной идеологии, провозглашающей чучхейскую «опору на собственные силы».

Понятием «чучхе» стали оперировать в 1950-х гг. Этот термин был впервые использован лидером северокорейского государства Ким Ир Сенем в своей речи «Об искоренении догматизма и формализма в идеологической работе и об установлении чучхе» 28 декабря 1955 г. Этот факт является наиболее достоверным среди всех прочих свидетельств, в числе которых содержатся и утверждения того, что Ким Ир Сен использовал это слово еще в конце 1920-х гг., будучи партизаном². Так или иначе, уже с начала 1960-х гг., в северокорейском обществе начинает активно использоваться понятие «чучхе» как нечто, отражающее национальные интересы корейцев, причем также в этом же значении начинает встречаться и термин «кимирсенизм», что уже говорит об уходе от официальной советской идеологической линии.

Тогда же, с начала 1960-х гг, в обществе постепенно устанавливается культ личности Ким Ир Сена. Его инициативами становятся критика «догматизма и перегибов культурной революции» в Китае и другие заявления, отводящие политический курс КНДР все дальше от своих покровителей — КНР и СССР. С тех пор и до развала Советского Союза в 1991 г.³ Северная Корея проводит аккуратную политику лавирования между курсами двух держав.

Кроме этого, в рамках чучхейской идеологии с конца 1970-х гг. начинает проявляться беспрецедентная для стран социалистического блока тенденция

¹ Ланьков А. Н. Северная Корея: вчера и сегодня. – М., – 1995. – С. 203.

² Там же. – С. 24.

³ Толстокулаков И. А. Очерк истории корейской культуры. – Владивосток, – 2002. – С. 204.

наследования власти по династическому типу — в тот период начинается активная пропаганда в пользу Ким Чен Ира, сына Ким Ир Сена как «престолонаследника». Ким Чен Ир был избран членом политического комитета ЦК ТПК (Трудовая партия Кореи) на VIII пленуме ЦК ТПК 11 февраля 1974 г., а на VI съезде ТПК 1980 г. уже практически официально становится преемником Ким Ир Сена. С этого времени уже правомерно говорить об установлении своего рода династии, особенно принимая во внимание тот факт, что многое время спустя к власти в КНДР после смерти Ким Чен Ира приходит его сын.

На этом фоне можно утверждать, что к 1980-м гг., а если и не ранее, идеология чучхе уже полностью сформировалась и проникла в сознание северокорейских масс¹. Именно в этот период Северная Корея и ее идеологическая система встречаются лицом к лицу с серьезными испытаниями. Они связаны с нарастанием напряженности международных отношений, началом развала стран социалистического блока, появление ядерной проблемы КНДР. В 90-е гг. обстановка усугубляется — умирает Ким Ир Сен, оставляя страну в экономическом упадке и голоде, ядерный кризис набирает обороты, помощь от Советского Союза прекращается, а уровень изоляции максимально повышается. В этих условиях сохранить стабильность внутренней политики и успокоить народ возможно только имея жесткую дисциплину и сильную идеологическую базу. Заложенные в сознании народа принципы чучхе справились с задачей, обеспечив медленное, но стабильное экономическое и политическое развитие страны. Помимо чучхе, в конце 1990-х гг. официально была провозглашена идеология «сонгун», т. е. «приоритет армии и флота». Однако в этом случае, сонгун имеет гораздо менее всеобщий характер, в отличие от чучхе, и необходим, по большей части, для укрепления позиций военных в системе общественной иерархии, которые уже и без этих мер имели большое влияние на политику государства.

Благодаря этому можно смело утверждать о том, что идеология чучхе стала сильным фактором укрепления государственности, как и внутри страны, так и на международной арене. Но самую главную задачу чучхе выполнило именно внутри страны, проникнув в сознание рядовых корейцев и обеспечив стабильность спокойного и мирного общественного развития.

Зачастую можно услышать, как и в ученых, так и в непрофессиональных кругах сравнения советской коммунистической идеологии с религией. Такое утверждение хоть и нельзя назвать строго научным, все же имеет некий потенциал и способно вызвать существенную полемику. Этот вопрос становится еще более интересным в отношении чучхе, которое само по себе является

---

¹ Петров Л. А. Воссоздание героического прошлого: чучхе в современной корейской историографии. – СПб, – 2004, – С. 107.

уникальным и в некотором роде парадоксальным явлением в современной политической культуре.

Как заявляют северокорейские идеологи, в центре философских идей чучхе стоит человек. Человек считается наиболее развитым материальным существом в мире и поэтому является «хозяином всего». Некой противоположностью человека выступает природа — это объект труда человека и материальный источник человеческой жизни. Таким образом, одна из основных функций человека — целенаправленное преобразование и развитие окружающего мира.

В глобальном историческом контексте человек, будучи существом общественным, является частью т. н. «народных масс». Народные массы — это субъект исторического развития, а сама история трактуется как борьба народных масс за свою самостоятельность, самобытность¹.

Как и марксистско-ленинистское учение, чучхе ставит в обществе превыше всего рабочий класс как наиболее независимый, а высшую цель народных масс — их созидательная деятельность, наиболее явным примером которой является революционная деятельность.

Из этого следует, что в своей основе северокорейская идеология максимально приближена к основным марксистским принципам. Пожалуй, наиболее существенным расхождением с ними являются многочисленные заявления о «самостоятельности». Ким Ир Сен и Ким Чен Ир употребляют это слово в своих выступлениях по отношению практически ко всему — национальному самосознанию, экономике, политике. И это касается не только самостоятельности «народных масс», рабочего класса, а прежде всего корейцев как народа. Основное фактическое, пусть и неофициальное назначение чучхе — это обособление КНДР от своих покровителей во всех областях — от идеологической до политической и экономической.

Согласно всему вышесказанному, чучхе является типичной материалистической философией. Однако некоторые нюансы позволяют высказать парадоксальное суждение о том, что чучхе совмещает в себе материалистические идеи и религиозность.

Чтобы можно было счесть истинным суждение о том, что чучхе является религией, необходимо определить, какими признаками должна обладать религия. Таковыми являются религиозное сознание (вера), религиозная деятельность (культ, обряды) и религиозные организации.

Первое и наиболее явное проявление религиозности — это культ личности северокорейских вождей. Культ личности как таковой переключал в Северную Корею из других социалистических стран. Но не следует приравнивать культ

---

¹ Цит. по: Ким Чен Ир. Об идеях чучхе. – Находка, – 2004, – С. 23.

личности конкретных людей к вере в бога — культ бога в религии связан с некой атмосферой неизвестности и страха. Совесть большинства верующих определяется именно страхом к богу. Напротив, культ личности государственных деятелей придуман для того, чтобы сложить положительное мнение о правительстве. В Советском Союзе поколения, родившиеся во второй половине XX в. и не заставшие Ленина, с детства были приучены любить его, то есть сохранили в себе самые теплые эмоции. В КНДР же несколько иной случай — пожалуй, действительно имеет место быть некий религиозный фанатизм по отношению к вождям. Но, во-первых, никто из рядовых корейцев не ассоциирует их с богом, а во-вторых, важен временной фактор. Со смерти Ким Ир Сена не прошло еще и 20 лет — еще живы поколения, помнящие его. Пройдет время — появится и новый лидер, новый культ, на что указывает опыт прочих примеров государств с культом личности правителя (страны социалистического блока, Третий Рейх и т. д.) и тенденция в самой Северной Корее. С точки зрения религии, подобный ревизионизм и отклонение от догм более чем недопустимы.

Устоявшиеся в человеческом сознании принципы чужде также мало похожи на религиозное сознание. Все-таки основным чуждейским принципом остается опора на собственные силы. Человек осознает себя как высшее существо в мире — это явный признак материалистического и атеистического мировоззрения. Антропоцентризм, выступающий основным постулатом чужде, является даже не столько недостаточной идеей, чтобы считаться религиозным сознанием, сколько полностью противоречит идее религиозности.

Что касается религиозных организаций, то на фоне всего вышперечисленного становится особенно трудно утверждать, что таковые в рамках чужде существуют. Если предположить, что чужде — это религия, то, несомненно, самой крупной религиозной организацией, выполняющей функции института церкви, является правящая партия КНДР — Трудовая партия Кореи. Но не следует забывать, что это, в первую очередь, правительственная организация, несущая в себе четкие и конкретные функции управления государством. Даже идеологическая часть стоит в этом случае не на первом месте. Помимо этого, как и любая политическая организация, она не может представлять собой монолитный блок — для этого слишком силен фракционизм, даже в таком тоталитарном государстве, как КНДР. Помимо этого, официально в КНДР допущена многопартийность, пусть даже она и не угрожает потери власти действующей правящей партии. Подобные условия также абсолютно неприменимы к понятию «религия».

Все это дает основание опровергнуть тезис о принадлежности чужде к религии, не говоря даже о том, что официально частью идеологии чужде является атеизм.

Чучхе играет огромную роль в политике КНДР и в жизни обычных корейцев. Влияние чучхе, в самом деле, сопоставимо с тем влиянием, которое оказывает религия на общество и в некоторых аспектах действительно напоминает религиозное учение. Однако большинство фактов, в первую очередь, теоретическая база идеологии говорят в пользу обратного утверждения. Помимо этого, слишком малое время прошло с момента создания северокорейского государства и провозглашения чучхе официальной идеологией КНДР. Невозможно точно предсказать, как будет развиваться чучхе, особенно после недавних перестановок в правительстве, да и в подобных вопросах, особенно когда дело касается такой изолированной страны, как КНДР, прогнозирование крайне затруднено. Однако одно можно утверждать точно — сейчас нет оснований считать чучхе религией и те культы, которые существуют в рамках идеологии чучхе, не носят конкретно религиозного характера. Говорить о чучхе как о религии — ненаучно и возможно только лишь в качестве смелой гипотезы.

Список литературы:

1. Ким Чен Ир. Об идеях чучхе. – Находка, – 2004.
2. Курбанов С. О. История Кореи: с древности до начала XXI в. – СПб, – 2009.
3. Ланьков А. Н. Северная Корея: вчера и сегодня. – М., – 1995.
4. Петров Л. А. Воссоздание героического прошлого: чучхе в современной корейской историографии/Вопросы истории Кореи. – СПб, – 2004.
5. Толстокулаков И. А. История общественно-политической мысли Кореи. – Владивосток, – 2007.
6. Толстокулаков И. А. Очерк истории корейской культуры. – Владивосток, – 2002.

*Darkenov Kurmangali Gazedovich,
Eurasian National University L. N. Gumilev, Ph. D,
Associate Professor, Faculty of International Relations
E-mail: k_darkenov@mail.ru*

*Abzhapparova Bibihadisha Zhursinkizy,
Eurasian National University L. N. Gumilev,
Doctor of Historical sciences, Professor,
Faculty of International Relations
E-mail: hadisha_1960@mail.ru*

**1937 – The year: Fate and tragedy
of the Kazakh intelligentsia**

*Даркенов Құрманғали Ғазезұлы,
А. Н. Гумилев атындағы Еуразия ұлттық университеті,
т. з. к., доцент, халықаралық қатынастар факультеті
E-mail: k_darkenov@mail.ru*

*Абжаптарова Бибихадиша Жүрсінқызы,
А. Н. Гумилев атындағы Еуразия ұлттық университеті,
т. з. д., профессор, халықаралық қатынастар факультеті
E-mail: hadisha_1960@mail.ru*

1937 – Жыл: Қазақ зиялыларының тағдыры мен қасіреті

Шығармашылық қазақ зиялыларының рухани-моральдық дағдарысы 1937 жылғы қуғын сүргін жылдарында айқын көрінді. 1937 жылы әдеби көркем шығармаларымен елге танылған қазақ зиялыларын айыптау мен қуғындау етек алып, олардың шығармаларының әр жолынан, айтылған ой пікірлерінен ұлтшылдық пен байшылдықты, кеңес үкіметіне қарсылықты, теріс ниеттілікті көруге тырысушылар шықты. Тарих саханасынан кеткен алашордашыларды айыптау, бұрындары азды көпті байланыста болғандар мен оларға жылы қабақ танытқандарды алашордамен байланысын үзбеген, алашорданың агенттері, ниеттері бір деп кінә тағу қалыпты іске айналды. Жазушылар шығармаларынан күмәнді деген ой-пікір тауып, партия бағытынан, тап жолынан ауытқыды деп айыптады. Сыншылар осылай жасау арқылы, бір жағынан, тап жауларын, халық жауларын әшкерлеуге үлес қосты. Екіншіден, партия саясатын, бағытын қолдау үстінде деген өзі жөнінде жағымды пікір туғызу мақсатын көздеді. Тап жауларын әшкерлеу ісінен, жалпы елді қамтыған науқаннан қарапайым халықтан бастап, өкімет билігіндегі тұлғалар да тыс қалмады.

Бұрынғы көзден таса бола бастаған «алашордашылар ісі» 1937 жылдың басында тағы көтерілді. Қазақ КСР Халық ағарту Комиссары, Қазақстан Өлкелік партия комитетінің бюро мүшесі Т. Жүргеновтің «Мәдениет майданын талқандалған ұлтшылдықтың қалдықтары мен сарқыншақтарынан тазартайық»¹ деген мақала жариялауы, мәдениет саласында әлі де ұлтшылдардың қалдықтары мен оларға ниеттестер бар деген пікірдің жандануына себепші болып, ұлтшылдарды, олардың сарқыншақтарын іздеуді онан сайын күшейтті. Араға бір апта салып Р. Жаманқұловтың «Қырағылықты күшейтейік»² атты мақаласының жарық көруі әдебиеттегі ахуалды ғана емес, ел ішіндегі саяси-идеялық ахуалды да одан сайын

¹ Казахстанская правда. – 1937, 11 январь.

² Қазақ әдебиеті. – 1937, 18 қаңтар.

ушықтырды. Р. Жаманқұлов алашордашыларды «тап жауы» деп атады. Сонымен қатар, олардың агенттері әлі де бар деп жазды. Бұл «тап жауы» алашордашыларға ниеттес, пікірлес, үндес ақын-жазушыларды іздеу мен әшкерлеудің жаңа қарқынды кезеңін бастап берді. Қазақ Өлкелік партия ұйымының да ұстаған бағыты мен іс шаралары бұл іске екпін қосты.

«Көркем әдебиеттегі ұлтшыл-фашистердің зиянкестігін түп-тамырымен құртайық»¹ деген тақырыппен шыққан мақала әдебиетшілер ішінен ұлтшыл жауларды іздеуге жаңа қарқын қосты. Ақиқатында, мақала алашордашыларды қалыптасқан тәртіппен аяусыз сынағанымен, негізінен олармен ниеттес, пікірлес, көзқарастары бір, буржуазияшыл-ұлтшылдармен ауыз жаласқан «ұлтшыл-фашистер» деп Сәкен, Ілияс, Бейімбетті айыптады.

Сәкен, Ілияс және Бейімбеттің күні өте бастағанын сезді ме әлде әдебиет сахнасынан біржола шығарып тастау мақсатын ұстанды ма, үшеуіне қарсы жазылған мақалалар баспөзден түспеді. Осы кезде редакция тарапынан жазылған «Көркем әдебиеттегі қателер мен сапасыздықтар туралы»², «Қазақ жазушылары арасындағы дерттерге қарсы»³ деп аталған мақалаларда, «... жазушылар шығармаларында қателіктер бар, жұмысшылардың, колхозшылардың өмірін білмейді, ескі тақырыптан шыға алмай жүр, халықтың дұшпаны Троцкийді мақтайды» деген кемшіліктерді үшеуінің бетіне басты⁴. Сәкеннің 1923 жылы жазылған «Қара бүркіт» (Арыстан Дәуітұлы — Лев Давидович Троцкийге) деп аталған өлеңі⁵ үшін ұзақ жылдар бойы оны үздік создық кінәлау, айыптау тұрғысында бір басылып, бір көтеріліп жалғаса берді. Елден аластатылып, шетелге кеткен Троцкийге арналған өлең Сәкен үшін ескі жараның орнындай болды. Қайта қайта сыздап, жанына батты. Сәкен шығармашылығына сын айтқан сыншылар ұмытыра беріп Троцкийге қайта соқты, қайта еске түсірді. Бұл жай Сәкенді де мазасыздандырды.

Осы уақыттағы ел ішіндегі саяси-идеялық ахуал шығармашылық интеллигенцияны рухани дағдарысқа душар етті. Бір біріне сенбестік орын алып, олар бір біріне ғана емес, өз шығармаларына да күдіктене қарады. «Қашан, қалай айыптауға түсуіміз мүмкін» деген қорқыныш пен үрейдің жетегінде жүрді. Үрей мен қорқыныш, жалтақтық олардың белсенділігін төмендетті. Саясат жөнінде сөз айтудан қашқақтады. Шығармашылық жұмысқа селқостық туды. Партия мен үкімет тарапынан берілген арнайы тапсырмаларды орындаумен шектелді. Бірақ, бұл да қырағы сыншылар назарынан тыс қалмады.

¹ Әдебиет майданы. – 1937, – № 3.

² Қазақ әдебиеті. – 1937, – 9 сәуір.

³ Социалистік Қазақстан. – 1937, – 28 маусым.

⁴ Бейісқұлов Т. Жанталас өмір.–Алматы: «Арыс» баспасы, – 2008. – 320 б.

⁵ Махат Д. Қазақ зиялыларының қасіреті. – Алматы: «Сөздік-Словарь», – 2001. – 304 б.

С. Сейфуллин өз өмірінің осы тұсын былай сипаттады: «Мен дәл осы кезде саясат туралы сөйлесуден бездім, тіпті кейбір жолдастармен жолығысудан қашқақтайтын болдым. Жалғыз ақ әдебиет мәселесімен араласқым келді. Мұнан да бірқадар шықпады. Бұл жолым да бірте-бірте мені сыртқа шығарып, ешнәрсеге араласпай қалуға айналдырды. Бұл сарыуайымшылдық пен упадничествуға икемдеді. Менің бұл халіме Кеңес өкіметінің жаулары «шоқ, шоқ» деп табалап масаттанып тұрғандай көрінді. Осы ойлар мені төмен тартты, дұшпандардың қыңқыл сөздері мені сарыуайымшылдыққа салды. Менің кейбір шығармаларымда партия жолына қиғаш кеткен жерлер тап осы кездің, осы секілді жағдайдың жемісі еді», — деп жазды¹.

Ақын-жазушыларды шығармаларынан, жеке бастарынан ілік табу арқылы кінәлау, саяси-идеялық айыптауға ұласты, науқанға айналып кетті.

1937 жылдың мамырында «Социалистік Қазақстан» газеті бірнеше рет баспасөзде жариялағандай С. Сейфуллинді 5–7 сәуірдегі қаламгерлер шығармаларындағы кемшіліктерді жою жөнінде өткен жазушылар жиналысына қатыспады, осылай істеу арқылы жазушылар арасындағы қателіктерді жою ісіне араласпай отыр деп кінәлады.

Жазушылар Одағы бастауыш партия ұйымының есеп беру сайлау жиналысына қатысып сөйлеген сөзі де өз басына қиындық туғызды. Жиналысқа қатысқан Сәкен, Ілияс және Бейімбет өз шығармашылықтары мен сыншылар сынына іліккен жіберілді делінген қателіктер жөнінде сөйледі. Әбден сынға ұшыраған Сәкен ақталып: «Бандитке (бұл арада А. Д. Троцкий айтылып отыр) Сәкен өлең арнады дейді. Ол уақытта ол бандит емес еді, политбюро мүшесі еді. Оның бандит екенін білсем жазам ба? Сыншыларымыз осы жағын ескермейді. Сонымен қатар «Домбыра» туралы сөз болды. «Банды» деген кінәні жуу үшін 1924 жылы «Домбыраны» Троцкийге арнап бастым. 1928 жылы қате екенін айтып өзім мақала жаздым. Журналға да жаздым. 1932 жылы КазПИ-де айтылды. 1932 жылы Жаманқұловтың баяндамасында да айтылды. Партия сайлауында да биыл арыз бердім. Қысты күні Крайкомға да арыз бердім. Сондықтан сыншылар датаны ескеруі керек еді. Енді сол үшін ұра беруі керек пе» еді деп ашына айтты². С. Сейфуллин жан даусы шығып, әділетсіз сыннан ақтала сөйледі. Бірақ, байқағанымыздай ілік іздеген сыншылар осы жиналыста сөйлеген сөздерінде «Сәкен жолдас күні бүгінге дейін өз қателіктерін көрмей отыр» деп алған беттерінен қайтпады.

Ілияс пен Бейімбет істің бет алысы ушығып кеткелі тұрғандығын байқандықтан да болар. Өз қателіктерін мойындады. Бейімбет «Меңде үлкен қателер болғаны рас. ... Түзетуге шаралар іздеймін» деуге мәжбүр болды. Жиналыста қабылданған

¹ Қожакеев Т. Қым-қуат іздер. – Оқу құралы. – Алматы, «Санат», – 1999. – 400 б.

² Бейісқұлов Т. Жанталас өмір. – Алматы: «Арыз» баспасы, – 2008. – 320 б.

қаулы баптарына үшеуіне жеке жеке баптар арналып, егер алдағы уақытта осындай қателіктер жіберілетін болса, қатаң шара қолданылатындығы ескертілді. Қаулыға олардың (Ілияс, Бейімбет, Сәкеннің) зиянды кітаптарын таратудан алып тастау жөнінде бап енді¹.

Маусым-шілде айларында да Сәкенді айыптаған бірнеше мақала жарияланды. «Хлестаковтың көркем әдебиеттегі тәсілін» қолданып өз бейнесін «революция ісі жолындағы күрескер» ретінде көрсетіп, «халық жаулары» өз достары Рысқұлов, Нұрмақов, Садуақасов, Асылбековты жағымды жағынан көрсетіп жазды. Өзін-өзі және жауларды көкке көтеріп мақтау мақсатында «Тар жол, тайғақ кешу», «Домбыра» т. б. — «контрреволюциялық шығармаларын» жариялады, — деп айыптады². Сәкенге ашық түрде «революцияға қарсы» шығарма жазды деп айып таға бастады. «Ұлтшыл-фашист» деген атауға да ілікті.

Сонымен қатар, сыннан көз аспаған Сәкенді «шығарма жұмысы шабандап кетті, соңғы жылдары көрнекті ештеңе жазбады, жұртшылықпен қатынасы азайды» деп айыптады. Қазақ зиялылары, оның ішінде жазушылар арасында бірін бірі саяси-идеялық жағынан айыптау, кінәлау күшейіп қарқын алған кезде, өзі сыналып жатқанына қарамастан Сәкен, «халық жауы» деп айыпталғандарға қарсы ештеме жаза қоймады. Бірақ, бұл да назардан тыс қалмады.

«Сәкен жолдас халық жауларымен күнделікті күресудің орынына, олардың қылықтарына шектен асқан шыдамдылық істеп үндемей отыр. Қазірде, қазақ ұлтшылдығы ең басты қауіп болып отырғанда, бұрынғы уклондар, партияға қарсы жіктер бір арнаға құйылып, ұлтшыл-фашистке айналып отырғанда, Сәкеннің тым-тырыс үндемей отырғаны, партия ұйымына жәрдем бермей отырғаны — партиялық міндетін толық атқармай отырғаны», — деп айыптады³.

Осы кезде оң солын әлі толық танымаған, өзіндік ой-пікірі, дүниетанымы мен көзқарасы қалыптаспаған, жас ақын-жазушылар ғана емес, қазақ әдебиетінің танымал тұлғалары да әлсіздік көрсетті, пендешілік жасады. Сонау, 1928 жылы басталған С. Мұқанов пен І. Жансүгіров арасында өзара сын, пікір айтудан туған жай, 1937 жылы шиеленісіп, ушығып кетті. Сәл шегініс жасасақ, 1928 жылы Қазақ баспасының бас редакторы С. Мұқанов баспадан шығарған І. Жансүгіровтың өлеңдер жинағына «Беташар» жазып, «таптық беті айқын емес» деп сын айтты. Оған наразы болған Ілияс «Бетім анадай емес, мынадай»⁴ деп көлемді мақала жазды. Бұдан кейін де бірнеше жыл бойы үздік сөздік бірін бірі сынаған, кінәлаған бірнеше мақалалар жазылып, екі жақ та бірін бірі жікшіл, ұлтшыл деп айыптады.

¹ ҚР Президентінің мұрағаты. – Қ. 708. – тізбе 1. – іс. 931.

² Әдебиет майданы – 1937, – № 7.

³ Қазақ әдебиеті, – 1937, – 13 тамыз.

⁴ Еңбекші қазақ. – 1928, – 5 сәуір.

Бірақ, замана бетінің қайда бұрылып бара жатқандығын байқады ма, Сәбитпен түсінісу ниеті бар екендігін білдіріп І.Жансүгіров «Қателесуге қарсы большевиктік сынды күшейтеміз»¹ деген мақала жазды. Мақалада «өз өлеңдерінде байшылдыққа, кейде үмітсіздікке салынғанын, кейде жаңа өмірдің жақсы жағын көре алмаған қателіктерін мойындады. Сәбиттің өзінің қателіктерін көрсеткенде артық кеткенімен бірге, дұрыс айтқандары да болды деп онымен түсінісуге қадам жасады. Өзара салқындық лебі сейілген секілді болғанда, 1937 жылы зұлмат басталғанда С. Мұқанов И. Жансүгіровке қайта тиісті, аяусыз шүйлікті. Шығармашылығы ғана емес, жеке басы да талқыға түсті. «Тарихи қаулыдан кейін»² деп аталатын мақаласында «Жансүгіровтың редакциясымен 1935 жылы Сүйінбайдың ұлтшылдық кітабы шықты. Ол кітаптың ішінде қазақты қырғызға өшіктіріп айдап салды» деп оның шығармашылығына айып тақса, жазушылардың жиналысында «... Жансүгіров екі баласымен әйелін қоя берді. Жібепіп қана қоймай, балаларына тиісті заңды ақшасын төлеп тұруды міндетім деп те білмеді»³ деп оның жеке басына, отбасылық ісіне араласып кінә тақты. Бұл аздай-ақ С. Мұқанов «Кировтың өліміне арнап жазған өлеңінде саяси қате жіберді. Ол қатенің өзі де анау мынау қате емес, үлкен қате» деп саяси айып тағып, Ілиясты бұл қатесін жөндемеді деп сынады⁴.

І.Жансүгіровті айыптау саяси сипат алып, оның шығармаларынан жаулық көзқарас іздеудің күшейгені соншалық, көркем шығармалары да бұрмаланып талқыға түсті. Кәріжан Дәуқенов деген І.Жансүгіров жинағына ерекше шүйілікті. Ол: «Жинақтың ішіне ерте кезде ұлтшылдық идеологиясында жазған «Мерген мен бөкен» деген әңгімесін кіргізіп Жансүгіров қазақ еңбекшілеріне совет үкіметін жамандап, құбыжық етіп көрсетеді ... Қазақ ұлтшылдарының ықпалына Жансүгіров те мықтап түскен. Сөйтіп қазақ еңбекшілерін «бөкен», совет өкіметін «мерген» етіп суреттеген. Сөз жоқ, бұл — барып тұрған контрреволюциялық, совет өкіметі мен қазақ еңбекшілерінің арасына дұшпандық отын жақпақшы болған алашордашылардың әрекетінен туған нәрсе.

Бұл кітап оқушыларымызға ешбір пайда бермейді, пайда беруі былай тұрсын, оқушыны теріс пікірге, алашордашыл контрреволюциялық идеяға қарай тартады. Мұнымен қатар партиямызға жау элементтерге құрал болатын жинақ», деп жазды⁵. Мақала І.Жансүгіровты совет өкіметіне қарсы, контрреволюциялық шығарма жазып алашордашыл идеяны халық ішінде насихаттап отырған сенімсіз

¹ Социалды Қазақстан. – 1932, – 12 ақпан.

² Қазақ әдебиеті, – 1937, – 26 сәуір.

³ Қазақ әдебиеті, – 1937, – 23 мамыр.

⁴ Лениншіл жас. – 1937, – 12 сәуір.

⁵ Қазақ әдебиеті, – 1937, – 30 шілде.

күдікті адам ретінде ғана емес, беті ашық «халық жауы» ретінде көрсетті. Бұл сол зұлмат жылдары өте ауыр саяси айыптау еді. Лияс жар шетінде тұрды. Арада екі апта өткенде тамыздың 13 інен 14 не қараған түні Лияс тұтқындалды.

Қазақ әдебиетінің дамуына азды көпті үлесін қосып белгілі болып қалған көрнекті ақын жазушыларды, енді қадам басқан жас әдебиетшілерді де тап жауларына іш тартады, тап жауларымен байланысын үзбеген, шығармалары зиянды, кеңестік қоғамға жат деген сипатта баспасөзде әшкерлейтін мақалалар жаңбырша жауды. Оған жазушылардың өздері де белсене араласты.

Жас жазушы Қалмақан Әбдіқадыров М.Әуезовты: «Мұхтар совет жазушылары қатарына кіргелі 5 жыл болды. Совет жазушысына істелінетін жәрдем оған түгел берілді. Мұхтар үш төрттеген тәуір еңбек те берді. Сонымен қатар, ескі уақытта, ұлтшыл, алашордашыл пікірде жүріп жазған зиянды шығармаларын жинақ қылып басқызып отыр. Ол туралы өзі жұмған ауызын ашқан жоқ. Сонымен қатар, бұрынғы алашордашыл ұлтшылдар фашизмнің агенті болып беті ашылғанда, солардың сырын ашарлық іс істемей, үндемей отыруының өзі — күдік. Меніңше, олардың көп сырын Мұхтар білуге тиіс еді. Беті ашылған жаудың тамырын қопара ашуға Мұхтар ат салысуы керек еді. Бірақ, оны Мұхтар істемей отыр» деп бұрын алашордашылармен бір болған, олардың сырын білетін Мұхтар, айыптап ештеңе жазбай, үнсіз отыруына күдік келтіріп сынады¹.

Осы мәндес мақала арада шамалы уақыт өткен соң, «Қазақ әдебиеті» газетінде редакция атынан тағы басылды. «Әуезовтың сөзі мен ісі неге бір жерден шықпайды» деп алды да, «Әуезовтың советке келгеніне, совет жазушысы болғанына бес жылдан аса уақыт өтті. Бірақ, Әуезовтың бүгінге дейін шын советтік бағытта жазылған іліп аларлық бір шығармасын көре алмай отырмыз. Ол әлі 1932 жылғы уәдесін қайталақтап, «мені істе сынаңдар, мен ұлтшылдық, байшылдық пікірден мүлден қол үзген адаммын» деумен жүр. ... Әуезовтың 1932 жылдан бері жазған шығармаларынан іліп аларлық, советтік дерлігі ... «Түнгі сарыны» да сол бұрынғы «сарынын» совет сахнасына шығаруға тырысқандығы. Ал... «Алма бағында», «Тас түлек» пьесалары барып тұрған совет жастары өміріне жала жапқандық. Совет шындығына, жастар жұртшылығына суық қол сұққандық... Әуезов бұл пьесаларында астарлап отырып, совет жастарына күйе жағып, жаудың сойылын соғуға тырысатындығы айқын көрінеді. Бұл бұрынғы ашық байшылдығының, ұлтшылдығының бетін бүркемелеп, советтік шығарманың атын пайдаланғандық... Әуезов бірлі-жарым шығармасында ғана «қателесіп» отырған жоқ, совет жұртшылығына, совет жастарына жала жауып, ескілікті дәріптегенін оның барлық шығармаларынан көреміз»². Бұл — М.Әуезовты

¹ Қазақ әдебиеті. – 1937, – 13 тамыз

² Қазақ әдебиеті. – 1937, – 20 қазан.

бұрынғы алашордашыл бетінен қайтпаған, бұрынғы ұлтшылдық сарыны, бір сарын, өзгермеген деп, А. Байтұрсынов, М. Дулатов, Ж. Аймауытов басқа да ұлтшыл, алашордашыл деп таңба таңылған қазақ зиялылары артынан жіберуді көздеген мақала еді.

С. Мұқанов С. Сейфуллиннің «қателіктер жіберіп, сүрінгенін», Майлин мен Дөнентаевтың революцияның алдыңғы жылдарында халық жауы алашорданы мақтап қателесуін, «Майлиннің қатесі Сейфуллиннен тереңірек» болғанын, ал «Сәбит Дөнентаев алашорда мәселесінде Майлиннен де ауыр адасып», совет әдебиетіне келгендігін айтып келеді де, ... былай тұжырымдайды:

«Мұхтар Әуезовтың советтік тарих алдындағы кінәсі бұлардан әлдеқайда ауыр. Егер оның 1932 жылы баспасөз бетінде жарияланған хатына сенсек аталған жылға дейін ол марксизм-ленинизм жолына саналы түрде қарсы боп, сол жолдың өркендеуіне бөгет болуға тырысқан кісі» деген пікірді ұстанды¹.

Айыптаған, сынаған мақалалар газет-журналдарда күн құрғатпай басылды. Дихан Әбілев те «... Зиянкес элементтерден баспасөз орындары әлі де түгел арылып біткен жоқ» деп зиянкестердің атын атап, түсін түстеді². Сонымен қатар ол «Мұхтар өзінің «Ескілік көлеңкесінде» деген қате әңгімелер жинағын бастырып, ірі қате жасады. Бұл қатесін Мұхтар ісімен түзетуі керек» деп М.Әуезовты да сынап өтті³.

Х. Жүсіпбеков те қырағылық танытты. «... Соңғы кезге дейін Жазушылар ұйымының, көркем әдебиет баспасының саяси бейқамдығын, ашықауыздығын пайдаланып, халық дұшпандары Сұлтанбеков, Жұмабаевтар көркем әдебиет аудармасын алып келген. Уалиахметов, Қоңыратбаев, Айсариндер бір кезде Жазушылар ұйымының басқарушы ісіне дейін араласып жүрген. Беков, Гатаулиндер әдебиет маңында болып келген. Осы жауыздардың көркем әдебиетке істеген қаскүнемдіктері аз емес. Сондықтан біздің ең басты міндетіміз — контрреволюцияшыл қазақ ұлтшылдығымен, оған ымырашылдық жасаумен ешбір аяусыз күресіп отыруымыз керек» деп ұлтшыларды әшкерлеу ісіне араласты⁴.

Заманның ызғарлы желінен қорқып белсенділік танытқысы келді ме, әлде басқа ішкі есебі болды ма Жұмағали Саин одан да қатты кетті. «Халық жаулары, фашизмнің қарғылы төбеттері шаруашылық, мәдениет құрылысымыздың бір ғана бөлігіне зиян жасап қойған жоқ, олар өздерінің екіжүзділік сұрқиялылығын пайдаланып, әр жерге-ақ қанат жайғысы келді. Олардың сұр күшкітері Тоғжанов,

¹ Кәкішев Т. Шығармалары. – Алматы: «Ана тілі» баспасы. – 2007. – 336 бет; Кәкішев Т. Ескермейді естелік. – Алматы: Жазушы, – 1994. – 432 бет.

² Қазақ әдебиеті. – 1937, – 28 тамыз.

³ Қожакеев Т. Қым-қуат іздер. – Оқу құралы. – Алматы, «Санат», – 1999. – 400 б.

⁴ Қазақ әдебиеті. – 1937, – 14 шілде.

Жансүгіровтер осы күнге дейін көркем әдебиет майданында орын алып келді» деп Тоғжанов пен Жансүгіровты ашық түрде «халық жауы» қылып шығарды¹.

30 жылдардың екінші жартысында қазақ әдебиетіне өзіндік қол таңбаларын қалдырған көрнекті тұлғалардың өзі рухани моральдық дағдарысқа түсті. Бұрын бірін бірі шығармаларындағы таптық, саяси-идеялық көзқарастары бойынша сынаса, енді бір біріне ашық түрде жала жапты, кінәсіз екендігін біле тұра айыптады. Ақиқатында, әрқайсысы өз қара бастарын қорғауға жаналасты. Бұл адамдар арасындағы жаман қасиеттерді принципсіздікті, жалтақтықты, жағымпаздықты, жаны ашымастықтықты өршітті. 1937 жылғы репрессия бұрыннан бықсыған шаланы үрледі. Бұрынғы жікшілдік, жершілдік, рушылық, бақталастық жаңа сатыға көтерілді. Енді өз қызметтестеріне саяси айып тағуға, қуғындауға тікелей араласты. Репрессияны қолдады, жазалау шараларына баспасөзде үн қосты. Бүгін біреуді айыптағандар, ертең өздері айыпталды. Оларды ұсталамын ау деген, үрей мен қорқыныш биледі. Адамды басқалар не болса о болсын, қалай болса да тірі қалсам ау деген құлдық психология жеңді. Әсіресе, «жалақорлар ... бассауғалау қамында болды. «Қырағылығың кем» деген айыптауға ұшырап, креслодан сытырылып қалармын деп қорықты. Атақ үшін неден болса да тартынбады, адал адамдарды жәбірлеуге, жылатуға, айдатып, аттыруға барды. Басқаларды зикерлеп, еңбек сіңіріп жүрген адам ретінде көрініп, қолды болмауға, лаузымынан айрылмауға тырысты. Сөйтіп, өз бастарының амандығын қарастырды»². **Айыптау мен жазалау шаралары қазақ интеллигенциясын әбден үрейдің жетегіне жекті. Олар қиянатты көре тұрса да үндемеді, бірін бірі кінәсіз еді деп ақтауға, қарсылық білдіріп дауыс көтеруге қорықты.** Академик, тарихшы Р. Б. Сүлейменовтың «30-шы, 50-ші жылдардағы репрессияның табы бүгінгі күнімізден де сезілетіні — шындық. Жөнсіз, жосықсыз қудалау біздің интеллигенцияны зәредеп қылғандығы сонша, үрейдің өзі мұра сияқтанып, бір ұрпақтан екіншісіне жалғасып келеді»³ деп жазғаны тарихты таразылау ғана емес, ақиқат екендігі де талас тудырмайды. Ғ. Мүсіреповтың өзіне «Жиырмамыншы-отызыншы жылдар ... оңай соқпаған тәрізді. ... бүгін болмаса — ертең, ертең болмаса — бүрсігүні айдалып кетемін деп ойлаған. Сондықтан, бір-екі пар таза киім, беторамал, шұлық, ұстара, сабын, тарақ және басқа аса қажет дүниелер салынған жол чемоданын босағаға сүйеп қойып, екі көзі есікте болған. Ерте ме, кеш пе — ұстала қалған күндері тергеушілер жармасады-ау деген туындыларынан алдын ала бас тартып, күнделікті жазбаларында өз пайдасына шешілетін пікірлер жазып отырған. Бір ғажабы, ешқандай дау туғызбау үшін, бұрмалап аудармау үшін кейбір пікірлерін, «мойындауларын»

¹ Қазақ әдебиеті. – 1937, – 31 тамыз.

² Зауал. Мақалалар, естеліктер. – Алматы: жазушы, – 1991. – 272 бет.

³ Социалистік Қазақстан. – 1988, – 25 тамыз.

орыс тілінде жазған. Мысалы, латын әріпімен басылған «Қыз Жібек» драмасының үшінші бетінде өз қолымен жазылған мынадай сөздер бар: «Прошу всех, мужчин и женщин, настоящих и будущих, т. е. ныне здравствующих и будущем рождающихся, если эта глупейшая вещь попадает кому-нибудь в руки, не читайте ее дальше этой страницы. Написаны мерзко, глупо, бездарно, даже бессовестно!» Автор Мусрепов»¹. Бүгін болмаса ертең ұсталам деген қауіп пен үрей тек қана Ғ.Мүсіреповтің емес, барлық қазақ зиялылары басынан өтті.

Ақиқатында, 30 жылдары жазалау шаралары қарқын алғанда жалпы қазақ интеллигенциясы, оның ішінде шығармаларымен танылып көзге көрініп қалған, айыптау нысанасына іліккен шығармашылық интеллигенция қорқыныш пен үрейдің жетегінде жүрді. Қайтсем аман қалам деген пенделік сұрақ басты орынға шықты. Сонымен қатар, шынымен «халық жауы» шығар, партия мен НКВД қателеспейді деген түсінік те болды. Содан да, шығар троцкишілерді айыптауға қазақ интеллигенциясы өкілдері де үн қосты.

Москвада 1937 жылдың 23–30 қаңтарында «Антисоветтік троцкистік орталық» ісі бойынша Пятаков, Сокольников, Радек т. б. соты өтіп, олар атылу жазасына кесілді. Осы кезде І.Жансүгіров Пятаковтың өлім жазасына кесілгенін қолдап:

Бәрекедi, халқым соты, жақсы айттың!

Билігіңмен жұрт ашуын жұбаттың.

Халқым сүйген Сталинді атпақ болған

Әсіресе Пятаковты жақсы аттың! — деп өлең жазды². Ал, арада шамалы уақыт өткен соң І.Жансүгіровтің өзі де «ұлтшыл-фашист» деп айыпталып тұтқындалды.

37 жылдың дүрбелеңі кезінде «халық жаулары» ұсталып, дүркін дүркін сот өтіп жатқанда баспасөзде бұл шараны қолдаған мақалалар, өлеңдер жиі жарияланды. Халық жауларын әшкерлеу мен жазалауды партия саясаты деп түсінген интеллигенция қалыс қалмады, қолдауға мәжбүр болды. Ж. Жабаев «Кекті ашу» деп аталатын жырында Троцкий, Зиновьев, Каменевтерді «ит, қара бет, қасқыр» деп не бір сөздермен төпелесе, жырдың соңында оларды «атылсын!», «Жасасын күнім Сталин» деп аяқтады. Ал, «халық жауларын» тауып жазалаған, кейін өзі де осы жазалау машинасының құрбаны болған сталиндік Нарком Ежовқа өлең арнады:

Гүл жайнап, сән түзеген қала, дала

Алтын зер шапан киген сай мен сала.

Сүйеді Сізді бәрі Ежов жолдас,

Елінде Қазақстан қарт пен бала.

¹ Мырза Әли Қадыр. Иірім. – Алматы: Атамұра, – 2004. – 360 б.

² Социалистік Қазақстан, – 1937, – 2 ақпан.

Мұның өзі тоталитарлық кезеңнің ащы шындығы болумен қатар, қазақ зиялыларын тағдыр талқысына, әрі тәлкегіне салған тарихтың қасіретті бір кезеңі. Әрине, біз 37 жылдың зұматына байланысты қазақ зиялыларының бірін ақтау мен екіншісін кінәлау, айыптау мақсатын қойып отырған жоқпыз. Солай болғанмен, тарихтың доңғалағы кері айналмайды. Тарихтың өткенін таразылау, одан сабақ алу бүгінгі күннің еншісінде. Сонымен қатар, өткен 30-шы жылдардың қаралы тарихынан азды көпті хабары бар жан «неге, бұлай болды» деген сұраққа жауап іздейді. Бізде қосыламыз.

Әдебиеттер тізімі:

1. Казахстанская правда. – 1937, – 11 январь.
2. Қазақ әдебиеті. – 1937, – 18 қаңтар.
3. Әдебиет майданы. – 1937, – № 3.
4. Қазақ әдебиеті. – 1937, – 9 сәуір.
5. Социалистік Қазақстан. – 1937, – 28 маусым.
6. Бейісқұлов Т. Жанталас өмір.– Алматы: «Арыс» баспасы, – 2008. – 320 б.
7. Махат Д. Қазақ зиялыларының қасіреті. – Алматы: «Сөздік-Словарь», – 2001. – 304 б.
8. Қожакеев Т. Қым-қуат іздер. – Оқу құралы. Алматы, «Санат», – 1999. – 400 б.
9. ҚР Президентінің мұрағаты. – Қ. 708. – тізбе 1. – іс. 931.
10. Әдебиет майданы – 1937, – № 7.
11. Қазақ әдебиеті, – 1937, – 13 тамыз.
12. Еңбекші қазақ. – 1928, – 5 сәуір.
13. Социалды Қазақстан. – 1932, – 12 ақпан.
14. Қазақ әдебиеті, – 1937, – 26 сәуір.
15. Қазақ әдебиеті, – 1937, – 23 мамыр.
16. Лениншіл жас. – 1937, – 12 сәуір.
17. Қазақ әдебиеті, – 1937, – 30 шілде.
18. Қазақ әдебиеті. – 1937, – 13 тамыз
19. Қазақ әдебиеті. – 1937, – 20 қазан.
20. Кәкішев Т. Шығармалары. – Алматы: «Ана тілі» баспасы. – 2007. – 336 бет;
21. Кәкішев Т. Ескермейді естелік. – Алматы: Жазушы, – 1994. – 432 бет.
22. Қазақ әдебиеті. – 1937, – 28 тамыз.
23. Қазақ әдебиеті. – 1937, – 14 шілде.
24. Қазақ әдебиеті. – 1937, – 31 тамыз.
25. Зауал. Мақалалар, естеліктер. – Алматы: жазушы, – 1991. – 272 бет.
26. Социалистік Қазақстан. – 1988, – 25 тамыз.
27. Мырза Әли Қадыр. Иірім. – Алматы: Атамұра, – 2004. – 360 б.
28. Социалистік Қазақстан, – 1937, – 2 ақпан.

*Kuzmova Olena Anatoliivna,
The National Institute For Strategic Studies (Kiev, Ukraine)
postgraduate student, the Faculty of Political Science
E-mail: lena.kuzmova@gmail.com*

The implementation of the political doctrine of the Catholic Church in Ukraine in the XX century

Socio-political doctrine of the church is a complex provisions and principles by which it searches for ways to address social, political and economic problems. It should be noted that the views offered by the Church have always been occasional nature, and if they were in a system, such systematization wore historically conditioned character¹.

The Church professes eternal, timeless goals that implement the life of a particular society at a particular period of time at a certain point in history. Reality can both help and hinder the implementation of these goals. It is necessary to take into account the fact that the competence of Church social teaching as a subject directly is a religious and moral aspects of social issues. While the political, economic and social aspects are considered only indirectly, in terms of their compliance with Christian morals.

Socio-political doctrine of the Catholic Church is a triple number of provisions that make up the overall system:

1. Provisions relating to the merits relations that arise between the desire of man to God and its secular (political, economic and social) activities;
2. Position, the contents of which is a critical analysis of the current social activities;
3. Guidance of the Church, on the coordination of social, economic and political criticism of the norms of religious morality².

Single global transition to all the political issues of the modern world especially characteristic of encyclicals of John Paul II «Centerius annus» («The Hundredth Year», 1991). It made the overall results of the social teachings of the Church, the development of which it was engaged in a century, considered in the context of scientific and technical progress, the decline of philosophy, the emergence and collapse of ideologies³.

Political doctrine of the Catholic Church in its ethical and legal guidelines is found on personal Christian image of man, which adds human rights and responsibilities,

---

¹ Майка Ю. Социальное учение Католической Церкви. – Рим – Люблин: Изд-во Святого креста, – 1994. – 479 с., – С. 11.

² Ibid. – С. 22–23.

³ Энциклика его Святейшества папы Иоанна Павла II «Centesimus annus» (“Сотой годовщине”)/Энциклика его святейшества Папы Римского 1891, 1981, 1991 гг. о труде, человеческой жизнедеятельности, нравственности и морали. – К: Институт праксеологии, – 1993. – С.185–278.

defining social value and social value and social principles¹, Socio-political doctrine in the spotlight puts natural law arguments.

In the political-economic context Church doctrine laid the foundations of the state, society, and economic development. The delineation of national goals and purposes of the Church in social activities outlined in the theses Barmask theological statement (1934)². However, this distinction does not prevent the Church to assess specific social institutions and structures, criticized her work and at the same time not give up constructive cooperation with them, participate in their further development. The division of responsibilities between, hierarchy and various state and public institutions providing pluralism required when considering policy issues and gives a chance to avoid the sacralisation of politics.

Under normal circumstances, originality and independence of the nation, to ensure social development of the country — a process state and national law enforcement, rather than a separate task of the church. During periods when the crisis concerned the separation of political, social cohesion, culture, when Ukrainian nation lose its statehood, just as crucial in ethnic development were factors such as language and religion, and the main spokesman for the nation and were intellectuals and clergy.

It is necessary to point out that in fact in 30s of the twentieth century in the increasingly oppression Polish curative treatment significantly increased the role of the Organization of Ukrainian Nationalists (OUN). Thus nationalists, having a significant impact on the younger generation, sought to remove it from the real parliamentary politics and focus on the illegal methods of struggle. Leaders and ideologists of the national liberation movement relied on the support and assistance of the UGCC in the consolidation of the population of Galicia, the formation of its Christian nationalist ideology. Most leaders of OUN in Western Ukraine, including: Bandera, Y. Baranovskyy, V. Ohrymovych, I. Hrynoh, Z. Leschynskyy etc., were come from the Greek Catholic clergy. Of course, they looked at the church as the spiritual center of the national resistance, the source of his Christian morality. However, we can state that supporting the national liberation movement, Church could not be silent on the subject of combat vehicles, erected mainly to the terror that was directed not only against an external enemy, but against the Ukrainian, who recognized the need for normalization Ukrainian and Polish relationship.

The twentieth century has entered the history of humanity as such, which has led a number of anti-Christian, anti-human ideologies, including: fascism and communism. Both, in their own ways, have become a serious threat to the

---

¹ Оккенфельс В. Суспільне завдання церков у житті держави/Релігія і суспільство в Україні: фактори змін. матеріали міжнародної конференції 15–16 травня 1998 р. м. Київ. – К., – 1998., – С. 47.

² Християнська етика. – Львів, – 1997. – 159 с., – С. 146.

Church and individual freedom as the highest value of Christianity. The political situation 30 s forced the Vatican to the need to defend human rights. Of that time, Pope Pius XI in a special encyclical “Non abbiamo bisogno” (1931) condemned the fundamental provisions of the Italian fascism. After six years in encyclical “Mit brennender Sorge” on March 14, 1937, Pope delivered a condemnation of the second variant of fascism, National Socialism; rejects all doctrines that announce race, nation or ruling elite of the most important human values. March 19, 1937 Pius XI publishes new encyclical “Divini Redemptoris”, which protrudes from the denial of communist ideology that rejects higher spiritual destiny of man, because of the totalitarian principle materialism and Marxist-Leninist doctrine, which is in stark contrast to Christian teachings.

Since the beginning of the Soviet invasion of Galicia, the occupying forces brought social order, which was based on the official doctrine of atheism and severely limited the social role of the Church. The latter faces a threat to its very existence, and as an institution of civil society, and as a religious community. All these factors prompted the Metropolitan Andrii Sheptytskyi, the new social-political climate, seek urgent social problems and seek optimal solutions. In the formulation Sheptytskyi social issue is treated as a call to personal conscience. The motivation of this appeal is the Christian understanding of love given society¹. In order to implement this principle in Christian social action of the Church, Metropolitan emphasized the need for the proper conduct of the clergy and faithful who had to be based on solidarity, equality, knowledge and prudence. Basic social care A. Sheptytskyi in this period was the protection of religious freedom. Metropolitan has focused its social and ethical performance on two problems that arise directly from the political situation, namely to determine the attitude of the Church to the state government occupier and what measures may take the Church to respond to social demands that are placed before it. A. Sheptytskyi offered position, which was in equilibrium political activities and social orientation². Analysis of works of Metropolitan Andrii Sheptytskyi able to draw some conclusions, namely, A. Sheptytskyi developed the concept of non-violence in politics based was the primacy of Christian value over narrow national interests or any ideology. Thus, we can say that the position of Metropolitan made an significant impact on the socio-political realities in Ukraine in the first half of the twentieth century. In our opinion, the concept of A. Sheptytskyi could be taken and modern Ukrainian political power

---

¹ Harasym I. Religijno-historyczne następstwa yawarcia Unii Brzeskiej/Unia w Bryećciu 1596. Materiały z sesji naukowej w Olsztynie, poświęconej Unii Brzeskiej. 1995 rok. Tom I. – Gówwo ilaweehie, – 1997. – S. 42–50.

² Кравчук А. Соціальне вчення і діяльність митрополита Андрія Шептицького (вересень 1939 – червень 1941 років)/Записки наукового Товариства ім. Шевченка. Т. ССХХVIII. Праці історично-філософської секції. – Львів, – 1994. – С. 309–342.

of the state, because it gives some conceptual framework that would be crucial for the further state-building process.

As you know, the social structure is the result of the interaction of two forces — government and society. There is no doubt that social activity is a priority for action power, no matter it is democratic or anti-democratic. Thus, society must act boldly and confidently, referring to the Church on the recommendations of a public nature. However, the Catholic Church believes that today more than ever, Christians need to join the creation of active and deeply experienced solidarity preferably in a pluralistic world. As you know, after Vatican II, the coexistence of different views, even within the Church, defined norm. However, we believe that the whole diversity of views on the future of Ukraine should be permeated by Christian humanism, morality and real, integral perception of the world.

References:

1. Кравчук А. Соціальне вчення і діяльність митрополита Андрія Шептицького (вересень 1939 – червень 1941 років)/Записки наукового Товариства ім. Шевченка. Т. ССХХVIII. Праці історично-філософської секції. – Львів, – 1994.
2. Майка Ю. Социальное учение Католической Церкви. – Рим – Люблин: Изд-во Святого креста, – 1994.
3. Оккенфельс В. Суспільне завдання церков у житті держави/Релігія і суспільство в Україні: фактори змін. матеріали міжнародної конференції 15–16 травня 1998 р. м. Київ. – К., – 1998.
4. Християнська етика. – Львів, – 1997.
5. Энциклика его Святейшества папы Иоанна Павла II “Centesimus annus” (“Сотой годовщине”)/Энциклика его святейшества Папы Римского 1891, 1981, 1991 гг. о труде, человеческой жизнедеятельности, нравственности и морали. – К: Институт праксеологии, – 1993.
6. Narasym I. Religijno-historyczne następstwa yawarcia Unii Brzeskiej/Unia w Bryećciu 1596. Materiały z sesji naukowej w Olsztynie, poświęconej Unii Brzeskiej. 1995 rok. Tom I. — Góvowo ilaweehie, – 1997.

*Nasyrova Liliya Gabdelvalievna,
Elabuga Institute of Kazan (Volga) Federal University,
Associate Professor, Faculty of History and Jurisprudence
E-mail: nasirovalg1@yandex.ru*

**Adam Heinrich Müller – ideologist
Prussian conservatism**

*Насырова Лилия Габделвалиевна,
Елабужский институт
Казанского федерального университета,
доцент, факультет истории и юриспруденции
E-mail: nasirovalg1@yandex.ru*

Адам Генрих Мюллер – идеолог прусского консерватизма

В условиях нараставших на рубеже XVIII–XIX вв. кризисных социально-политических изменений в тех слоях населения, кто составлял феодальное общество Пруссии, становилась все более насущной потребность в новой, охранительной системе взглядов на проблемы общества и государства. Соответственно, начали выделяться и те интеллектуалы, кто эти взгляды стремился теоретически обосновывать и формулировать, то есть идеологи консерватизма.

В числе первых классиков прусского консерватизма выделяется Адам Генрих Мюллер (1779–1829).

А. Мюллер родился в семье прусского финансового служащего. Учился в Берлине, затем Геттингенском университете, где среди его учителей был первый из известных немецких противников теории естественного права Густав Гуго.

В 1797 году состоялось его знакомство — заметно повлиявшее на него — с писателем и политиком Фридрихом Генцем. Карьера Мюллера после университета не ладилась, хотя Генц оценивал его тогда как выдающееся явление европейского масштаба¹. Он стал домашним учителем, затем женился на хозяйке этого дома, матери пятерых детей. Принял в 1805 году католичество и стал в этом отношении одним из многих представителей соответствующих кругов в Пруссии того времени, кто видел корни происшедших революционных потрясений в протестантизме. Поэтому они переходили из лютеранской веры в католическую, которой отводилась роль гаранта внутренних духовных связей в истории. Продуктом его исследований этого времени стала книга, изданная в 1809 году в Дрездене под названием «Элементы государственного искусства» и получившая большую известность среди его современников. Важной ступенью, соединяющей романтизм и старосословное мировоззрение, называл эту книгу К. Мангейм.

Склонность к «старосословному» мировоззрению дополнялась соответствующей деятельностью Мюллера. Вместе с Ахимом фон Арнимом он основал Христианско-немецкое застольное общество. Это, по сути, первая известная организация прусских консерваторов. Общество состояло из представителей привилегированных, аристократических кругов Берлина — потомственных дворян,

¹ Hanisch E. Konservatismus und revolutionares Denken. – Wien-Salzburg – 1975. – S. 37.

военных, деятелей искусства, писателей, ученых и служащих. Оно было открыто 18 января 1811 года. В обществе почитались христианство, верность королю, идея освобождения родины от наполеоновского ига, защита исторически возникших прав. Политические взгляды общества отражались в газете «*Berliner Abendblatt*», издававшейся с 1 октября 1810 года. За критику реформ Штейна-Гарденберга 30 мая 1811 года газета была закрыта. И само «застольное общество» с лета 1811 года постепенно теряет свое значение. После начала Освободительной войны общество окончательно распалось¹.

Как активного оппозиционера, А. Мюллера правительство выслало в Вену, где его деятельность в Пруссии была расценена как достойная внимания. Он быстро вступил в контакт с политическими и интеллектуальными кругами Австрии, даже с представителями двора. Будучи генеральным консулом в Лейпциге два года он издавал журнал «*Deutsche Staatsanzeige*», содержание которого сводилось к борьбе против идей либерализма и революции. После 1816 года он публикует ряд соответствующих книг. Но ни эти книги, ни рвение к поддержке реакции не предотвратили его постепенного заката как политика в Австрии, тем более в Пруссии, где к нему испытывали особое недоверие. его книги уже не пользовались в обществе успехом. В такой обстановке он попросился в отставку, прибыл в Вену, где и умер в 1829 году².

Адам Мюллер под влиянием уроков французской революции целеустремленно развивал охранительную идеологию. Он оказался как бы в пункте пересечения связей между романтизмом и «старосословной идеей». Он отстаивал взгляд, что дворяне-аристократы, интеллигенты и пролетариат едины в противоположности к буржуазному строю, превращающему людей в простых элементов товарного общества. Особо значимым и вместе с тем живым, «органическим» субъектом истории А. Мюллер считал институт традиционного государства. Неизбежным элементом «богоугодного порядка», который такое государство должно обеспечивать, полагал Мюллер, является неравенство между сословиями. Сохранение этого строя будет гарантией «приличествующих званию свобод». Другими словами, Мюллер и другие консерваторы, не отрицали понятие «свободы». Но они не допускали интерпретации свободы в смысле общего равенства. Так они вступали в полемику с либералами, для которых понятие свободы было ключевым. Суть консервативной интерпретации свободы сводилась к тому, что люди на равны между собой изначально — по происхождению, по талантам, по образованию и т. д. Отсюда и мера свободы людей должна зависеть от этих прирожденных их свойств, а не быть одинаковой для всех. «Ничто не может так противоречить

¹ Neumann S. Die Stufen des preussischen Konservatismus. – В., – 1932. – С. 46.

² Hanisch E. Konservatismus und revolutionares Denken. – Wien-Salzburg – 1975. – С. 40.

свободе, как понятие внешнего равенства», — считал А. Мюллер. Поэтому беречь сословный строй — это исторически достигнутой общественной иерархии — долг монархии¹.

Главное внимание среди сословий Мюллер уделит дворянству. Дворянин для него — это полюс стабильности, носитель традиций, силы и свободы в обществе. Дворянин — это не только носитель привилегий. Он обладает закрепленным столетиями превосходством, является «мировым достоянием». Поэтому его надо защищать от покушений как современного поколения, так и от государства.. Важно и сохранение чистоты происхождения дворян, ибо мезальянс, по мнению Мюллера, вреден для этой расы. Доступ в ряды дворян должен предоставляться, по мнению Мюллера, лишь за заслуги выдающиеся.

Систему взгляда А. Мюллера можно назвать «старосословным консерватизмом», когда осуществлялся переход от простого пассивного традиционализма к инициативным, рациональным формам и методам защиты существующих социально-экономических и политических отношений.

---

¹ Neumann S. Die Stufen des preussischen Konservatismus. – В., – 1932. – S. 72.

Section 9.

Political problems of the international relations, global and regional development

*Abdullina Iana Borisovna,
Tyumen State University, undergraduate student,
Department of Modern History and International Relations
E-mail: yana-sulkharnaeva@yandex.ru*

Kabyle crisis in Algeria

*Абдуллина Яна Борисовна,
Тюменский государственный университет, магистрант,
кафедра новой истории и международных отношений
E-mail: yana-sulkharnaeva@yandex.ru*

Кабильский кризис в Алжире

В Алжире «берберский вопрос» активизировался еще в начале 80-х годов XX в., так как именно в этот период в Париже был создан Фронт освобождения берберских племен в странах Магриба, в который вошли видные политические и общественные деятели берберского происхождения¹.

В январе 1992 г. в Алжире началась гражданская война. Исламисты истребляли представителей алжирской интеллигенции, среди которых большинство были кабилы. Кабилия стала представлять непокоренную территорию, население которой, с одной стороны, боролось за широкую автономию и за признание берберского языка, а с другой, являлась форпостом борьбы с исламским экстремизмом. В этой связи стали появляться первые вооруженные берберские группировки и отряды самообороны. Это привело к тому, что в конституции Алжира 1996 года «берберизм» наряду с «арабизмом» и «исламом» был признан одной из основ алжирского общества².

¹ Сергеев М. С. Берберы Северной Африки. – М., – 2003.

² Сапронова М. А. Этнический фактор в странах Магриба (Марокко, Тунис, Алжир)// Конфликты на Востоке этнические и конфессиональные. – М., – 2008. – С. 24–46.

Первые восстания «кабийской весны» вспыхнули в апреле 2001 года в Бени-Дуала (регион Тизи-Узу в Большой Кабилии, в 100 км. к востоку от Алжира) после убийства жандармами школьника. Согласно официальной версии, он погиб в результате того, что случайно выстрелил пистолет-пулемет, находившийся в руках жандарма. С этого момента бунты распространились на многие деревни Кабилии. Жестокое задержание троих школьников, выкрикивавших враждебные власти лозунги в Амизуре (регион Беджайя в Малой Кабилии в 250 км. к востоку от Алжира) также вызвало бунты и столкновения по всей Малой Кабилии. В субботу 21 апреля сотни молодых людей, в основном школьников, демонстрировали свое негодование, швыряя коктейли Молотова в отделения жандармерии в Бени-Дуала, Эль-Ксёре и Амизуре. В воскресенье 22 апреля в Амизуре, несмотря на призывы к спокойствию со стороны семей жертв и руководителей Фронта социалистических, демонстранты атаковали отряд жандармерии, забросав его камнями, и подожгли две машины жандармерии, субпрефектуру, гражданские службы мэрии, разорили здание суда.

Улицы повсюду оказывались под контролем восставших. Жандармерия быстро перестала быть основной целью нападавших, и гнев бастующих обрушился на всю совокупность институтов государства, как военных, так и гражданских. Правительство попыталась успокоить восставших с помощью кнута и пряника. С понедельника 23 апреля специальные силы по борьбе с мятежом были направлены из города Тизи-Узу в расположенный 20 км. город Бени-Дуала. Одновременно, в порядке жеста примирения, власти объявили 24 апреля о смещении заместителя руководителя службы безопасности префектуры Беджайя, аресте жандарма, виновного в убийстве в Бени-Дуала и принятии специальной программы экономической помощи региону. Они распространили призывы к спокойствию родителей школьника, заявивших о том, что они ограничатся юридическими мерами. Но, ни обещания, ни призывы к спокойствию со стороны родителей жертвы, а также социал-демократических партий и организаций (Объединения за культуру и демократию, Фронта Социалистических Сил, Берберского культурного движения), ни отправка сил подавления не смогли воспрепятствовать продолжению бунтов¹.

Накануне восстаний уровень безработицы уже достиг 40% активного населения. Международный Валютный Фонд предоставил алжирскому правительству финансовую помощь в обмен на реструктуризацию государственного сектора. Это приспособление к новым нормам производства вызвало уничтожение 400 тыс. рабочих мест. С учетом краха промышленного производства в регионе, у уволенных не было никаких шансов найти новую работу².

¹ Сапронова М. А. Этнический фактор в странах Магриба (Марокко, Тунис, Алжир)// Конфликты на Востоке этнические и конфессиональные. – М., – 2008. – С. 24–46.

² Tlemcani Rachid. Algeria Under Bouteflika//Carnegie Middle East Center, – Vol. 6, – № 7, – 2008. – P. 97–119.

В стране не удовлетворялись даже самые элементарные жизненные потребности алжирцев — многие семьи были лишены чистой воды, жилья, электричества. Наиболее была затронута этими социальными условиями молодежь в возрасте до 30 лет, составляющая 70% активного населения. Из-за высокой платы за жилье молодые люди не могли покинуть свои семьи. Им оставалось продлевать время учебы, отдавая день, когда им бы пришлось стать безработными.

Молодежь играла самую активную роль в восстании. Молодые манифестанты не желали разговаривать с властью и говорили о том, что никакого диалога не может быть. После недели столкновений борьба распространилась на всю Кабилию. Количество целей и объектов нападения росло. Через несколько дней кипели уже все города и деревни Кабилии. По мере распространения движения, возможность взять ситуацию под контроль военным путем убывала. Волнения не прекращали вспыхивать в различных регионах, отделенных друг от друга на сотни километров, и силы порядка физически не имели возможности успевать повсюду. К тому же, власти городов, где все еще царил социальный мир, опасались, что движение может захватить и их, и не спешили приходить на помощь администрации в других местах. В середине июня правительство могло констатировать лишь то, что потеряло всякий контроль над ситуацией в Кабилии. Весь район по существу был в руках восставших, репрессивные силы вынуждены были укрыться в укрепленных лагерях.

Одно выступление превратилось во всеобщее восстание. Уже через три недели на улицах в Кабилии не было ни одного жандарма. Регион был отдан восставшим.

Власти опасались распространения движения. Правительство попыталось представить борьбу кабийского народа в Кабилии как борьбу берберской национальности, хотя даже честные журналисты замечали, что это далеко не так. Власти попытались свести восстания к чисто языковым требованиям: признания берберского языка, не замечая социальных и политических требований, общих для всей страны. Изолировав Кабилию, правительство надеялось поднять остальное население против кабийского национализма.

Восстания весны 2001 года были стихийным взрывом. Они не контролировались никакой политической партией, никаким идеологическим течением. Ответственность за восстания взяла возродившаяся кабийская родовая община — аарш. Члены аарш не обожествляли своих старейшин и не хотели оставаться в узкой родовой общине. Они объединяли свою деятельность с соседями, жителями других общин, округов и областей, создав структуру, которая собиралась охватить все общество. Очень мало известно об комитетах аарш. Согласно печати, их возрождение объяснялось желанием почерпнуть в местной культуре формы представительства, которые позволят преодолеть административное деление. Лежащая в основе аарш ссылка на кровную связь позволяло объединить селения, находящиеся в родстве, но разбросанные по различным местным

административным единицам и субпрефектурам. Возрождение этих традиционных социальных структур вызывалось двойной необходимостью: во-первых, тем, что восставшие категорически отвергали любые формы легальной политической организации, и, во-вторых, необходимостью преодолеть разделения.

Лето и осень 2001 года стали временем оформления движения — Координации аарш, округов и общин. Оно провозгласило своими принципами независимость от власти и любых партий, отказ от любого союза с политическими формированиями. Вместо представительной демократии, в основу системы аарш были положены горизонтальность и прямая демократия, то есть самоуправление и федерализм. В кварталах и деревнях действовали общие собрания, которые автономно решали все вопросы, касающиеся борьбы и действий на местах¹.

На этих собраниях избирали также делегатов на окружные собрания; по такому же принципу собирались областные собрания и межобластные конклавы. Все основные решения принимались снизу вверх: они обсуждались и выносились первоначально на местных общих собраниях, а затем отставались их делегатами на более высоких уровнях, причем делегаты обязаны были представлять их, а не высказывать свое личное мнение. Иными словами, они были связаны обязательным наказом и могли быть отозваны в любой момент. Функции окружных, областных и межобластных органов движения сводились исключительно к координации деятельности, ее обсуждению и согласованию, причем решения принимались с помощью общего согласия. В эти органы координации входили делегаты соответственно от округов или областей, а также члены избираемых президиумов-троек, которые постоянно менялись.

Аарш требовали от властей признать ответственность за массовые репрессии, предоставить компенсацию их жертвам и судить гражданским судом виновников, вывести отряды жандармерии и сил безопасности, прекращение преследований участников бунтов, признания культурных прав берберов и равноправия их языка с арабским, гарантии всех социально-экономических прав и гражданских свобод, прекращения политики недоразвития, обнищания и пауперизации алжирского народа, демократического контроля над всеми исполнительными инстанциями и службой безопасности, прекращения коррупции и выплаты всем не имеющим работы пособия по безработице в размере 50% минимально гарантированного уровня зарплаты. А также аарш заявляли, что никаких переговоров с властями относительно этих требований быть не может.

Движение разработало «кодекс чести» для своих делегатов на всех уровнях; за неисполнение его принципов делегаты отзывались. Эти правила запрещали любые прямые или косвенные связи с властью, занятие государственных

---

¹ Сергеев М. С. Берберы Северной Африки. – М., – 2003.

и политических постов, использование движения в партийных или предвыборных целях, а также участие в борьбе за власть вообще. Делегаты обязались также не придавать движению региональный (чисто кабийский) характер и не узурпировать право говорить от общего имени.

Кабильский кризис, разразившийся весной 2001 г., продемонстрировал слабую репрезентативность и недостаток доверия к таким партиям, как Фронт Социалистических Сил и Объединение за культуру и демократию, опирающимся главным образом на бербероязычное население. Требования манифестантов доводились до сведения властей не через эти две партии, а через деревенские комитеты (Координационный совет деревенских комитетов Кабилии), которые, как показала ситуация, обладали большим доверием населения, чем политические партии. Кабийский кризис сам по себе является также наглядным свидетельством слабости алжирской партийной системы. Политика, проводимая Бутефликой — арабизация страны — негативно была воспринята среди кабийского населения, также помимо этого у кабийцев было много требований, касающихся социального — экономических вопросов.

События спровоцировали отрицательный резонанс за рубежом. Соответствующая кампания в прессе и акции солидарности с алжирскими берберами во Франции; обращение США и стран Западной Европы к алжирским властям с призывом положить конец насилию в стране¹.

Правительство ввело временный запрет на проведение шествий и демонстраций в столице страны, однако стихийно созданные берберами структуры (Координационный совет деревенских комитетов Кабилии (КСДКК) и Движение за автономию Кабилии) стали оказывать реальное и постоянно возрастающее давление на центральные власти, продолжив в июле и августе 2001 года попытки провести массовые демонстрации.

10 апреля 2002 года в результате постоянных публичных протестов язык берберов получил статус национального языка Алжира. Но требование берберских организаций ввести его в качестве второго государственного языка Алжира, наряду с арабским языком, было отклонено. Все последние годы алжирские власти неоднократно подчеркивали, что берберский язык «никогда не сможет стать официальным языком» государства. Многие кабилы и берберы, в целом, считают, что они стали жертвами этнического геноцида — намеренного уничтожения их древнего языка и культуры. И действительно, алжирские власти систематически пресекали любую инициативу по сохранению амазигских языков, не контролируемых государством.

---

¹ Mortimer Robert. State and Army in Algeria: The Bouteflika Effect/Robert Mortimer//The Journal of North African Studies, – Vol. 11, – No. 2, – June 2006.

Список литературы:

1. Касаев Э. О. Обстановка в Алжире: прогнозы и перспективы//Э. Касаев//Обозреватель – Observer. – 2007. – № 10. – С. 83–91.
2. Сапронова М. А. Этнический фактор в странах Магриба (Марокко, Тунис, Алжир)//Конфликты на Востоке этнические и конфессиональные. – М., – 2008. – С. 24–46.
3. Сергеев М. С. Берберы Северной Африки. – М., – 2003. – 217 с.
4. Mortimer Robert. State and Army in Algeria: The Bouteflika Effect/Robert Mortimer//The Journal of North African Studies, – Vol. 11, – No. 2, – June, 2006, – P. 155–171.
5. Martin Ivan. Algeria's Political Economy (1999–2002): An Economic Solution to the Crisis?/Ivan Martin//The Journal of North African Studies, – Vol. 8, – No. 2, – Summer 2003, – P. 34–74.
6. Tlemcani Rachid. Algeria Under Bouteflika//Carnegie Middle East Center, – Vol. 6, – № 7, – 2008. – P. 97–119.

*Tretioukhine Mikhail Vyacheslavovich,
Russian state social University, postgraduate student,
Department of political science and social policy
E-mail: tretuhin1@gmail.com*

The geopolitical concept of the «new left» in the context of global transformations

*Третьюхин Михаил Вячеславович,
Российский государственный социальный университет,
аспирант, кафедра политологии и социальной политики
E-mail: tretuhin1@gmail.com*

Геополитические концепции «новых левых» в контексте глобальных трансформаций

23 года тому назад в результате своего поражения в Третьей мировой (холодной) войне прекратил существование СССР — главный оплот и флагман «старых левых» на Земле. Однако казавшегося тогда вполне закономерным установления однополярного мира (равно как и ожидаемого многими «конца истории») так и не произошло. В свете нестабильной и неопределённой геополитической ситуации, сложившейся на Земле в течение последних десятилетий, вновь вызывают интерес и приобретают актуальность те разногласия, которые имели место и продолжают

существовать между «старыми» и «новыми» «левыми» в их геополитических подходах, которыми обусловлено одно из наиболее существенных их различий.

В прошлом веке «старые левые» на Западе остались верны букве и духу ортодоксального марксизма (хотя затем под влиянием времени были вынуждены так или иначе смягчить его наиболее радикальные положения в духе еврокоммунизма), тогда как «старые левые», пришедшие к власти в странах вне ядра капсистемы, столкнулись при попытках воплощения в жизнь своих идеалов с целым рядом сильнейших противоречий. Одним из них стало то, что согласно марксистской теории революция могла победить исключительно в «развитых» индустриальных странах. В стране аграрной и «отсталой», с небольшой относительно всей массы населения процентной долей промышленного пролетариата, а уж, тем более, в стране отдельно взятой Марксом никак не допускалось возможности подобного события. Однако сам факт появления СССР на мировой карте в 20-е гг. прошлого века опроверг одно из главных положений его теории.

Возникший в ходе внутривластной борьбы в победившей ВКП (б) троцкизм затем отчасти смягчил это грубое несоответствие. В его идеологическую основу легли утверждения о том, что партия–«революционный авангард» в России довольно-таки быстро переродилась в бюрократию, а революция в отдельно взятой стране хоть и вполне осуществима, но ещё не подразумевает последующую возможность построения в ней социализма.

Иными словами, «якобинцы», «сталинисты», «левые» «патриоты-государственники» настаивают на возможности (и необходимости) революции и построения социализма в отдельно взятых странах. Заявившие о себе в середине XX века «новые левые» такую возможность решительно отрицают (и в данном случае они нисколько не отклоняются от классического марксизма, апеллируют к его корням). Троцкисты же (ленинисты) занимают в таком споре как бы промежуточную, компромиссную позицию между этими взаимоисключающими точками зрения.

Б. В. Межуев считает именно геополитические подходы «старых» и «новых» «левых» наиболее существенным различием между ними. При этом он обращается к мир-системному анализу («мировой центр — мировая периферия») и теории зависимости («мировой Юг — мировой Север»). Межуев подчёркивает, что в глазах «новых левых» основная классовая борьба разворачивается отнюдь не на уровне отдельных государств, а в межцивилизационном масштабе. Революция способна одержать убедительную победу только в наднациональной плоскости, радикальным образом реформативовав всю предшествующую ей мировую архитектуру¹.

¹ Межуев Б. В. Второе пришествие «новых левых» (по материалам круглого стола АПН)// сайт «Агентство политических новостей». – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.apn.ru/publications/article1018.htm> (20.07.2004).

Подобно тому как «старые левые» партии в тех или иных буржуазных государствах, принимая системный, парламентский характер, зачастую, придают капиталистическим отношениям большую гибкость, устойчивость, возможность «самокорректироваться», сохранять иллюзию «демократичности» и «плюрализма», так и «системный антикапитализм» в масштабах всей планеты, по мнению «новых левых», не только не способствует победе Революции, но, напротив — скорее служит препятствием для неё.

Такая точка зрения как бы подтверждается самой историей. Не смотря на то, что термин «государство-изгой» родился уже в Новейшее время, сами подобные прецеденты возникали не раз на протяжении веков. И ситуации, в которые попали эти «самопровозглашённые» государственные образования, попав во враждебное окружение, по большей части, носили похожие черты. В качестве примера можно было бы привести некоторые прецеденты из раннего Средневековья, когда различные крупные «антифеодальные» еретические секты, добиваясь политических успехов и беря под свой контроль ту или иную страну¹, вынуждены были «установить систему взаимоотношений с соседями и с ландшафтами, среди которых они жили, то есть тот самый феодальный порядок, который был естественным при тогдашнем уровне техники и культуры»². Можно сказать, что в весьма сходных обстоятельствах (но в значительно больших масштабах и уже на более высоком «витке истории») оказался СССР, а позже и большинство прочих соц-стран. «Поправление» пришедших к власти «старых левых» и возглавленных ими государств оказалась повсеместной тенденцией. В странах, вставших на путь социализма, так или иначе, явно или неявно приходилось культивировать ценности, противные букве и духу ортодоксального марксизма: патриотизм, гражданственность, традиционные мораль и семью, любовь к национальным истории и культуре, терпимость к религии и т. п. Это было условием легитимизации достигнутой власти, объективной необходимостью в ситуации противостояния с соседними недружественными государствами. Тут внешняя и внутренняя политика «старых левых» во многом не противоречит взглядам и идеям «консервативных революционеров», «национал-большевиков», «левых евразийцев» и пр. Т. е. адептам всех тех, с точки зрения «новых левых», «идеологических извращений», которые они никогда не уставали критиковать и разоблачать.

Прямой военный конфликт между двумя утвердившимися на Земле системами оказалось невозможным. «Мирное сосуществование» и «экономическое соревнование» вели к тому, что обе стороны постепенно вольно или невольно уподоблялись друг другу, как это и бывает при длительном противостоянии двух

¹ Карматы в Бахрейне, исмаилиты в Египте и пр.

² Гумилёв Л. Н. Конец и вновь начало. – М.: изд. «Рольф», – 2000. – С. 201.

сильных противников. По существу, мировая пролетарская революция откладывалась на неопределённый срок. Был достигнут определенный паритет. Мир разделился на сферы влияния (хотя на периферии время от времени и возникали локальные конфликты, порой довольно острые, но обусловленные местными обстоятельствами). Соцстраны ещё могли более-менее удачно конкурировать со своими оппонентами в лице национальных государств. Но начало эпохи «глобализации» и «постиндустриализма» подводило к концу дальнейшее существование «Ялтинско-Потсдамской системой международных отношений». А. Н. Тарасов подчёркивает, что «старые левые», подменяя классовую борьбу государственно-блоковым противостоянием, тем самым заранее обрекали себя на поражение, ибо располагали в создавшейся ситуации куда меньшим количеством ресурсов, необходимых для взаимной материально-технической гонки. Совокупный объём капитализации ТНК значительно превосходил объём капитализации СССР, выступавшем на мировом рынке фактически как одна огромная «монополия», не только вынужденная конкурировать с западными монополиями сразу по всем видам продукции, но и тратить при этом огромную часть своей прибыли на оборону и социальную политику¹.

Характерной чертой «новых левых» было и остаётся то, что они решительно и упорно не признают самого наличия в СССР социализма как такового, и поныне давая существовавшему там экономическому и общественному строю самые разные определения: от «государственного капитализма» до «суперэтизма». Их резкие обвинения КПСС и ориентировавшихся на неё «левых» партий в оппортунизме, ревизионизме и соглашательстве с империалистами звучали постоянно и повсеместно (достаточно вспомнить текст телеграммы, направленной 1968 г. «оккупационным комитетом Сорбонны» Политбюро ЦК КПСС). Студенческие революции той поры проходили не только под девизами борьбы за мир, гражданские права, эмансипацию и пр., но и решительно осудили тайный/явный сговор СССР и США, фактически поделивших всю планету на свои «вотчины».

Вполне закономерно, что крушение СССР в 1991 г. не могло вызвать у «новых левых» такого потрясения и деморализации как у «старых левых». Напротив, с точки зрения первых такая «геополитическая катастрофа», лишая США морального права на мировую гегемонию, является отнюдь не «крахом коммунизма», а может означать как раз его «новое рождение», призванное вывести, наконец, «левые» теорию и практику из тупика, открыть перед Революцией новые необозримые перспективы.

Но возникает закономерный вопрос — как правильно вести себя при сложившемся новом мировом геополитическом раскладе? Ответ большинства «новых

---

¹ Тарасов А. Н. Мировая революция-2//журнал «Левая политика», – 2010, – № 10. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.leftpolicy.ru/articles.php?article_id=93

левых» на него — ожидание полного торжества глобализации и исчезновения с карты мира суверенных государств. После чего, как они полагают, полностью и окончательно сформируются все необходимые предпосылки для долгожданной мировой революции. Чтобы там ни было, а движение «антиглобалистов» (активными участниками которого являются сейчас масса организаций и групп, которых можно с той или иной степенью уверенности отнести к «новым левым») получило своё привычное наименование если не по злому умыслу, то уж точно по недоразумению. «Антиглобалистов» правильнее было бы называть «альтерглобалистами» (альтернативными глобалистами), т. к. они, в общем-то, признают объективность и неизбежность процесса «глобализации», но, в то же время, резко негативно воспринимают то, что его возглавляют и направляют в своих интересах ТНК и международный банковский капитал. «Новые левые» альтерглобалисты исповедуют концепцию «глобализации в солидарности» под лозунгом «Иной мир возможен!». Не случайно, например, «новые левые» причисляют Эрнесто Че Гевару к своему лагерю — ведь он одним из первых выступил со своей идеей противопоставления глобализации империалистической «социалистической глобализации»¹ (хотя сам термин появился, разумеется, значительно позже).

Антиглобализм же «старых левых» носит в наши дни, скорее, охранительный характер. Они осуждают глобализацию именно как угрозу суверенитету и территориальной целостности независимых государств, их экономической самостоятельности, национальным культурным традициям народов и т. п. «Кто борется за свой народ, свою нацию, свою Родину, тот и есть настоящий коммунист, подлинный националист, пламенный патриот... Сегодня выступают против национализма, препятствуют самостоятельному развитию наций не коммунисты, а империалисты. Они под вывеской «глобализации» и «интеграции» прибегают к коварным попыткам реализовать свои амбиции...»².

Бывший теоретик итальянских «Красных бригад» Антонио Негри и американский философ антиглобалист Майкл Хардт в своих совместных работах «Империя» (2000) и «Множества: война и демократия в эпоху Империи» (2004) обосновывают точку зрения «новых левых» на то, что окончательная победа глобализации и будет означать собою «наивысшую стадию капитализма» в современных условиях. Различные народы и культуры, полностью перемешавшись и растворившись в космополитическом «котле» «Нового мирового порядка» / «Империи», превратятся во «множества», лишённые каких-либо качеств и самоидентификаций. Т.е. «множествам» и суждено будет стать тем самым

¹ Че Гевара Э. Статьи. Выступления. Письма. – М., изд. «Культурная революция», – 2006. – С. 58–68, 128–132, 266–280, 432–448, 475–492.

² Ким Ч.И. О правильном понимании национализма. – Пхеньян: изд. литературы на иностранных языках, – 2007. – С. 5–6.

идеальным пролетариатом, «социальным порохом» грядущей мировой революции. «Конец истории» по Фукуяме, таким образом, обернётся и «смертью» самого капитализма, и началом отсчёта новой истории человечества. Однако этот сценарий будущего имеет своим необходимым условием то, что гегемония Запада в мире по-прежнему должна будет остаться незыблемой. «Если Запад торжественно объявит о своей самоликвидации, это ничего не изменит, кроме того, что на смену западной придёт какая-то иная цивилизационная гегемония... Чтобы революция победила как процессии и не обернулась своей противоположностью, нужно, чтобы все цивилизации были сметены какой-нибудь одной. Но поскольку революция — продукт европейской цивилизации, нужно, чтобы Запад своей экспансией устранил бы всё цивилизационное многообразие»¹.

Впрочем, существуют и альтернативные концепции, хотя и не отвергающие западоцентризм до конца, но и не предполагающие пассивного следования в «фарватере» неолиберальной глобализации. Так, например, А. Н. Тарасов предлагает, по существу, собственный вариант перманентной революции. Оптимальным вариантом современной революционной стратегии ему представляется создание «тыловых баз» Революции на всём протяжении «третьего мира» с развитыми и прочными горизонтальными связями между ними. И по мере того, как такие «освобождённые зоны» посредством различных форм борьбы будут расти, сливаться воедино, включать в себя целые страны — мировой революционный процесс будет всё более развиваться и шириться².

Разницу между «старыми левыми» и «новыми левыми» подчёркивает ещё и то, что последние фактически ещё нигде и никогда не брали в свои руки государственной власти (да «новые левые», согласно своим принципам, и не должны ставить перед собой подобной цели). С определенными оговорками и натяжками территорией «новых левых» можно считать сейчас мексиканский штат Чьяпас, контролируемый Сапатистской армией национального освобождения. В созданной здесь в 1994 г. «партизанской республике» практикуется своеобразная прямая демократия — сетевая организации через общинные ассамблеи, советы автономных муниципалитетов и «consulta» (референдумы). Сетевыми являются и методы борьбы сапатистов — Д. Аркилла обозначает их термином «swauming» («роение»)³. И хотя требования сапатистского движения носят,

---

¹ Межуев Б. В. Революция – в сторону от Равенства и Свободы//журнал «Логос», – № 4 (88), – 2012. – С. 250.

² Тарасов А. Н. Мировая революция-2//журнал «Левая политика», – 2010, – № 10. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.leftpolicy.ru/articles.php?article_id=93

³ Ronfeldt David F., Arquilla John, Fuller Graham E., Fuller Melissa. The Zapatista «Social Netwar» in Mexico. RAND, – 1998. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.rand.org/publications/MR/MR994/>

по сути, буржуазно-демократический характер, анархисты и «новые левые» по всему миру считают его своим, оказывая ему всестороннюю поддержку: от информационной до материальной. Однако необходимо оговорится, что повстанцам в Чьяпас чужд какой бы то ни было сепаратизм и они позиционируют своё движение, скорее, как общемексиканское.

Истории известны победившие антирабовладельческие и антифеодальные восстания, крестьянские войны (на примере того же Китая). Однако судьбы таких победителей, как правило, были трагичны и более-менее напоминали друг на друга. Они либо оказывались неспособны организовать сопротивление внешнему агрессору, либо новый «правлящий класс» за довольно непродолжительное по историческим меркам время повторял в основных чертах все недостатки и пороки прежней «элиты» («преемственность через разрыв»). «Старым левым», добившихся государственной власти в тех или иных странах, обычно была уготована судьба перерождения в подобие той самой госбюрократии, свержение которой они накануне совершали (троцкизм именно это вменял в основную вину ВКП (б)). В СССР партийная власть дублировала собою власть государственную и хозяйственную. Современный Китай под руководством КПК, вообще, превратился в один из важнейших элементов мировой капиталистической системы, её «сборочный цех».

Соцстраны поменьше вынуждены либо мимикрировать под соседей (как, например, это случилось с Джамахирией), либо занимать «глухую оборону» (подобно КНДР). Это, опять-таки, даёт повод «левым» критикам обвинять первых в предательстве, вторых — в тоталитаризме.

Несколько более мягкой критике с той же стороны подвергаются социалистические страны Латинской Америки: Куба, Венесуэла и пр. Нынешняя ситуация в Западном полушарии позволяет им избегать обеих этих крайностей. Более того, современная Латинская Америка даже может являть собой некоторые примеры более-менее продуктивного сотрудничества «старых левых» и «новых левых». Так, в частности, А. Н. Тарасов рассказывает нам о том, как в боливарианской Венесуэле местные организации «антиглобалистов», не изменяя при этом своим основным принципам, вступили в союз с чавистской бюрократией для совместного противостояния подконтрольным и финансируемым венесуэльской реакцией и ЦРУ профсоюзам¹.

В данный исторический момент нельзя ещё с уверенностью судить о том, чья же концепция — «старых» или «новых» «левых» — окажется наиболее верна. «Конец истории» так и не наступил. Даже исход самой глобализации

---

¹ Тарасов А. Антиглобалисты: «ликбез» // научно-просветительский журнал «Скепсис», – 2008, – № 5. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://scepsis.ru/library/id_2287.html

остаётся под вопросом. Уже 100 лет назад мировая экономика была гораздо более интегрированной по целому ряду формальных экономических показателей (удельный вес внешнеторгового оборота, вывоз капитала, свободное перемещение трудовых ресурсов)¹, но это так и не привело к политическому или какому либо иному объединению человечества, не спасло мир от широкомасштабных военных конфликтов на протяжении всего XX в. и т. п.

В случае же провала глобализации Землю может ожидать инкапсуляция стран и народов в государственные образования правоконсервативного и неототалитарного типа (подобно тому, как это имело место Европе в период между двумя мировыми войнами). Такому развитию событий будут гораздо более готовы именно «старые левые», чьи идейные установки, структуры и методы сформировались и были опробованы в сходных условиях. «Новые левые» — антипатриоты и антигосударственники — при подобном сценарии будут смотреться на его фоне, если так можно выразиться, не слишком уместно, их ожидания и доктрины, как минимум, могут утратить свою актуальность на неопределённый срок.

Человечество подошло к очередному «стыку эпох». Но в отличие, например, от того же европейского «длинного XVI века» 1453–1648 гг., нынешний «переходный период» носит по-настоящему глобальный характер и сопровождается целым «пучком» кризисов: формационным, цивилизационным и социо-биосферным. Масштабы грядущих катаклизмов и перемен сейчас даже сложно и страшно себе представить. Стоит особо подчеркнуть, что капитализм, как и античное рабовладение — система экстенсивная, жизненно нуждающаяся в обширной «периферии» в качестве источника необходимых ресурсов для своего существования. Но если началом конца Римской империи стал её вынужденный отказ от дальнейшей экспансии во II в., то капитализм подводит под собой черту самым распространением своей «Ойкумены» на всю земную поверхность. Очевидно, что мир в наши дни гораздо менее устойчив и предсказуем, что тогда, когда в нём существовала бинарная блоковая система сдержек и противовесов. Дать ответ на то, кто прав в споре между «старыми» и «новыми» «левыми» (а, возможно, и привести их к общему согласию) суждено только самой истории.

Список литературы:

1. Ronfeldt David F, Arquilla John, Fuller Graham E., Fuller Melissa. The Zapatista «Social Netwar» in Mexico. RAND, – 1998.
2. Гумилёв Л. Н. Конец и вновь начало. – М.: изд. «Рольф», – 2000.
3. Ким Ч. И. О правильном понимании национализма. – Пхеньян: изд. литературы на иностранных языках, – 2007.

---

¹ Мямлин К. Е. Высокий Коммунитаризм как Русская Идея. – М.: изд. «Кислород», – 2011. – С. 404.

4. Межуев Б. В. Второе пришествие «новых левых» (по материалам круглого стола АПН)//сайт «Агентство политических новостей» – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.apn.ru/publications/article1018.htm> (20.07.2004).
5. Межуев Б. В. Революция – в сторону от Равенства и Свободы//журнал «Логос», – № 4 (88), – 2012.
6. Мямлин К. Е. Высокий Коммунитаризм как Русская Идея. – М.: изд. «Кислород», – 2011.
7. Тарасов А. Антиглобалисты: «ликбез»//научно-просветительский журнал «Скепсис», – 2008, – № 5.
8. Тарасов А. Н. Мировая революция-2//журнал «Левая политика», – 2010, – № 10.
9. Че Гевара Э. Статьи. Выступления. Письма. – М., изд. «Культурная революция», – 2006.

Section 10.

Theory and philosophy of politics, history and methodology of political science

*Mukhitdinova Firyuza Abdurashidovna,
doctor of jurisprudence, associate professor
of the Tashkent state legal university
E-mail: mukhitdinova@gmail.com*

*Babakulov Atabek Bakhralkul Oglou,
Teacher of chair "Theory and history of state and law" TGYuU*

Spiritual and moral doctrines of thinkers of the East

*Мухитдинова Фирюза Абдурашидовна,
доктор юридических наук, доцент Ташкентского
государственного юридического университета
E-mail: mukhitdinova@gmail.com*

*Бабакулов Атабек Бахралкул аглы,
Преподаватель кафедры «Теории
и истории государства и права» ТГЮУ*

Духовно-нравственные учения мыслителей востока

Достижение гармонии между человеком и обществом в восточной философии рассматривается как поиск общественного идеала. Когда мыслители дао-конфуцианской философии считали правителя сыном Неба, или «Верховным императором», придавая ему божественный статус, они исходили из своих представлений об идеальном обществе и идеальном государстве. Это было попыткой в общественном идеале воплотить две социальные идеи: 1) через образ идеального правителя, благородного мужа, сына Неба создать модель совершенного человека как духовно-нравственный идеал; 2) воплотить в общественном идеале устремления, мечты и чаяния людей, народа о справедливом государстве и счастливой жизни. Эти идеи взаимосвязаны и опираются на нравственные

императивы: человеколюбие, справедливость, преданность государю и родине, почтительное отношение к старшим, соблюдение ритуалов, доброжелательность, снисходительность, народолюбие и т. д. Долг правителя, учил Конфуций, «богатство распределять равномерно», «народу приносить пользу», «вступать в дружбу с мудрыми людьми», тогда «в стране царит гармония, и народ не будет малочислен» (Лунь юй, гл. 16).

В трудах индийских и арабоязычных мыслителей достижение счастья и благополучия народа рассматривается как некий общественный идеал, к которому должна быть направлена деятельность государя и политических институтов. Например, в «Артхашастре» утверждается: «В счастье подданных заключено и счастье правителя; радея об их благе, он будет считать хорошим не то, что нравится ему, а то, что нравится его подданным»¹. В «Артхашастре» в отделе шестом излагаются семь принципов совершенствования основ государства. Среди них главный — идеал государя. «Государь, который лишен положительных качеств, губит основы государства, хотя бы они были в состоянии роста и благополучия»². Индийские мыслители не ограничивались простым стремлением к созданию счастливой жизни для своего народа. Такие философы, как Шри Ауробиндо, мечтали об идеале общечеловеческого единства. «Все природные процессы, — пишет философ, — построены на равновесии и стремлении к гармонии двух полюсов жизни: индивидуальности, получающей поддержку от целого, или сообщества, и целого, или сообщества, состоящего из отдельных индивидуальностей. И формы человеческой жизни — не исключение. Для их совершенства необходимо сотрудничество двух, все еще весьма далеких от гармоничного взаимодействия, полюсов: индивидуальности и социального организма. Совершенным будет такое общество, которое наиболее благосклонно к индивидуальности; индивидуальность, в свою очередь, не достигнет полного совершенства, если не будет стремиться к совершенному состоянию того сообщества, к которому принадлежит, а в конечном итоге, и к совершенству самого крупного человеческого сообщества — объединенного человечества»³.

В рассматриваемом нами аспекте большой интерес представляют политико-философские и общественно-этические идеи арабоязычных мыслителей. Например, «Добродетельный город» аль-Фараби опирается на принцип космического единства вахдад ал-вужуд (единство бытия), где человек, общество и космос взаимосвязаны и составляют целое. Тут, конечно, прежде всего, имеется

¹ Артхашастра или наука политики. — М: Ленинград, АН СССР, — 1959. — С. 46.

² Там же. — С. 286.

³ Ауробиндо Шри. Идеал человеческого единства. — СПб.: Изд-во «МИРРА», — 1998. — С. 18.

в виду вселенская гармония. Идея единства человека, социума (Града) и космоса является «основополагающим принципом социально-политической рефлексии во всем творчестве»¹ аль-Фараби. Таким образом, гармоническое единство рассматривается философом как идеальная модель мироустройства, без чего нет совершенства, счастья и благополучия.

Судя по всему, в процессе воспитания Фараби отдает предпочтение насильственным методам — убеждению и заинтересованностью. В противном случае воспитание приведет врабскому подчинению, что само по себе несет в себе разрушительный потенциал. Культура человека благодетельного града должна опираться на три добродетели: любви, воспитанности и ума.

Все эти идеи отражены не только в “Сущности “законов” Платона”, но и в “Гражданской политике”, в “Афоризмах государственного деятеля”, во “Взглядах жителей добродетельного града” и т. д.

Воспитание должно быть основой для социальной самоидентификации человека. Для Фараби нет врожденных пороков и вообще людей, которые не поддаются обучению и воспитанию. В связи с этим он делит воспитание на принудительное и добровольное. Есть два типа людей, которые в одном случае искренне подчиняются закону получая удовольствие от добродетельного поведения, в другом случае вероятно из-за страха перед наказанием подчиняется закону, но вопреки своему желанию. “Добродетельное” и “воздержанное” поведение, желаемый результат действий закона и воспитания. Если человек не способен быть ни первым, ни вторым — он изгоняется из города.

Заслуживает интерес мысль Фараби о взаимосвязи духовности и законопослушания. Человек, стремящийся к подавлению страстей и к высоким материям не может совершать дурные поступки. Нравственная добродетель, по мнению Фараби, должна быть привычкой, которая вырабатывается годами. Это привычкам к справедливости, целомудрию, храбрости и т. д. “Если у человека нет сильных врожденных качеств высокомерия и надменности, тем не менее, ему обязательно нужно упражнять свою душу, поскольку врожденным свойствам человека является не замечать многих преступлений своего любимого человека”². Здесь Фараби говорит также о принципиальности, об умения сдерживать свои чувства и подчинять эмоции разуму. Причем данная “привычка” иметь сдержанность чувств должна быть поощряема в качестве достоинства, за которое человека уважают. Многие вопросы педагогики Фараби увязывает с проблемами этики. Поэтому этические категории присутствуют его политико-правовых рассуждениях и определяют принципы законоустановления и законопослушания.

---

¹ Игнатенко А. А. В поисках счастья. Общественно-политические воззрения арабо-исламских философов средневековья. – М: «Мысль», – 1989. – С. 56.

Возьмем, например, нравственность. Таковой Фараби видит ее лишь, если она не только похвальна и божественна, но и законна. Когда Фараби пропагандирует “полезность” добродетели, он неизменно использует понятие “наипрекраснейшей”, “наиприятнейшей” и т. д. Закон и нравы для Фараби неотделимы в своем значении. Это не значит, что Фараби не рассматривает как приемлемые насильственные средства воспитания и установления законопорядка. Когда Фараби рассуждает о преступлениях и наказаниях он разделяет их на два вида: неповиновение и преступление (“совершение того, что не одобряет закон”)¹. Здесь Фараби пытается разделить административное и уголовное право. Наказание должно быть в соответствии с законом и на основе закона. “Самое большое преступление то, которое исходит из руководящего лица. В этом случае другие правители должны применить меры к его воспитанию и воздействию на него, как того требует положение. А если этому не придать значения, то оно приведет к порочности и гибели города”².

В трактатах Фараби предлагаются конкретные методы воспитания добродетели средствами познания. Он подразделял их на «мягкие» и «жесткие». Если воспитуемые сами проявляют желание овладевать науками, стремление к труду и добрым поступкам, то в этом случае уместны мягкие методы воспитания, помогающие усилению этих стремлений. Если же подопечные злобны, своевольны, ленивы, к ним возможно применение «жестких методов», т. е. принуждения. Вместе с тем использование таких методов должно определяться уровнем нравственности самого воспитателя. Воспитательная деятельность, таким образом, требует обширных знаний и высоких моральных качеств воспитателя в сочетании с наблюдением и опытом самих воспитуемых.

Конечно, в произведениях аль-Фараби особая роль отводится вопросу о духовно-нравственном совершенствовании человека. Человек достигает совершенства в социуме. Поэтому каждый человек для достижения доступного ему совершенства нуждается в окружении других людей и в объединении с ними. Совершенствуя себя человек, совершенствует мир, социум; значит, совершенствование не может быть только односторонним актом, иначе не может быть и речи о гармоническом единстве вселенной, человеческого и космического бытия.

Наследие выдающегося ученого Бируни представляется огромной сокровищницей, в которой находятся ценные идеи о науке, содержании образования и воспитания.

Мысли Бируни об обучении, его путях и значении встречаются во многих произведениях, они как бы разбросаны по страницам его книг. По нашему

¹ Аль-Фараби Абу Наср. Историко-философские трактаты. – Алма-Ата.:Наука – 1985. – С. 143.

² Там же. – С. 191.

мнению Бируни об обучении следует рассматривать в следующей классификации: 1) сознательность обучения; 2) наглядностью; 3) системность и последовательность; 4) обоснованность; 5) связь Теории с практикой; 6) требования к учебнику. Объективность и беспристрастность ученого, наблюдения, опыты, изучение устных и письменных памятников, критический подход к полученным сведениям, сравнение их с целью установления истины, логическое обобщение фактов в умозаключения, а умозаключений в теорию — вот характерные черты и основы научного метода Бируни. Для его эпохи этот метод был огромным достижением и представлял большую научную ценность. Сам Бируни, руководствуясь этим методом, добился огромных успехов в научной деятельности о сознательности обучения.

Анализ сравнение, логические операции и другие мысли ученого правильны и для настоящего времени, так как в основе обучения современной школы лежит осознанное овладение знаниями. Это значит, что ученик должен иметь не только фонд научных знаний, но и уметь добывать их самостоятельно, а это достигается с помощью мыслительных операций.

Подчеркивая необходимость соединения теории с практикой, Бируни пишет, что врачи имеют наибольшие права на уважение за усилия в совершенствовании своей науки, за то, что они не только «поднимают ее на крыльях теории, но и применяют на практике».

Сочинение Бируни являются учебным пособием по математике, астрономии, географии и другим предметам, предназначенным для первоначального обучения этим наукам.

Бируни призывает людей воспитывать в себе высоко-нравственные черты, полагая, что освободить народ от невежества и нищеты можно с помощью науки, распространения знаний в обществе и упорного труда. Само приобретение знаний он считает большим и упорным трудом, требующим сил, времени и терпения. И далее продолжает о том, что даром запоминания люди обладают по-разному, «одни люди им наделены, а другие лишены, поэтому последние едва ли могут достигнуть в этом пределы, возможно, разве только путем усердия и напряженных занятий. Знания, по мнению Бируни, облагораживают человека, делают его добрым и разумным. Для Бируни, «кроме чистоты знания», ничего нет.

Великий мыслитель учил, что достичь совершенства можно в процессе всемирного внедрения высоких интеллектуальных и нравственных норм, воспитываемых при помощи науки: Бируни был глубоко убежден, что знания направляют людей на правильный путь. Однако «достижение спасения через знание возможно только при воздержании от зла.

Социально-проективные идеи об идеальном обществе и государстве — Добродетельный град (аль-Мадина аль-Фадиль) аль-Фараби, Духовный Град

(аль-Мадина ар-Рухайния), Сообщества Чистых братьев, Град Добрых Людей (аль-Мадина аль-ахйёр) Ибн Рушда, Справедливый Град (аль-Мадина аль-Адл) Ибн Сины, Совершенный Град (аль-Мадина аль-Камил) Ибн Баджи — это утопические модели человеческого сообщества. Но в них есть одна примечательная, отражающая политико-философскую парадигму и духовно-нравственные императивы Востока черта — это глубокая вера в совершенствование человека. Только человек совершенный способен гармонизировать свои отношения с природой, трансцендентом (богом) и обществом. Это, одновременно, есть путь к общественному идеалу.

*Ponomarenko Nadezhda Anatoljevna,
The Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration,
PhD, Associate Professor
of Political Science and Technology
E-mail: p-nadezhda@mail.ru*

“Growth crisis” of political elitology in Russia: causes and solutions

*Пономаренко Надежда Анатольевна,
Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ,
к-т полит. наук, доцент кафедры политических наук
и технологий СИУ РАНХиГС
E-mail: p-nadezhda@mail.ru*

«Кризис роста» политической элитологии в России: причины и пути выхода

Элитология — новое, сравнительно динамично развивающееся направление политических исследований в России. Инструментарий данного направления позволяет проводить диагностику системы правящей элиты, выявлять «зоны риска» и выработать практические рекомендации по их устранению. Развитие и совершенствование политической элитологии как отдельного научного направления сегодня крайне необходимо, поскольку современная геополитическая ситуация и «вызовы» властному режиму актуализируют проблему изучения правящего класса.

В современной России политическая элитология переживает своеобразный «кризис роста», когда прежние методы и концепции не работают на новом эмпирическом материале, либо объяснительная составляющая существующих моделей недостаточна. В рамках XX Конгресса Международной ассоциации политической науки в Фукуоке в 2006 г. и на Первом Всероссийском элитологическом конгрессе о современной российской политической элите и направлениях ее модернизации 2013 г. обсуждалась ситуация своеобразного «кризиса» современной элитологии и необходимость разработки обобщающих концепций для дальнейшего развития дисциплины¹.

К анализу состояния политической элитологии в России обращались следующие исследователи: Я. А. Пляйс, О. В. Гаман-Голутвина, В. П. Мохов, Г. К. Ашин и др.², которые отмечали как содержательные достижения данного направления, так и явные недостатки, в частности низкую степень концептуализации и теоретизирования на базе накопленного эмпирического материала как индикатор «кризиса роста».

В данной статье делается попытка выявить причины данного «кризиса». Для достижения поставленной цели необходимо проанализировать существующие в отечественной элитологии концепции; выявить лакуны и неизученные темы в рамках данного направления; исследовать применяемые методы и источники, дать оценку существующей методологии. Материалом для данной статьи послужили работы по политической элитологии, вышедшие в период с начала 1990-х гг. по настоящее время.

На сегодняшний момент исследования в рамках политической элитологии институционализированы; еще в 1989 г. в Институте социологии Академии наук СССР был создан соответствующий сектор под руководством О. В. Крыштановской³, что позволило исследованиям по политической элите быстро и плодотворно развиваться. Центрами институционализации сегодня также выступают исследовательские и учебные институты Санкт-Петербурга, Ростова-на-Дону, Перми, исследовательский комитет РАПН по политической элитологии. Ежегодно проходят профильные семинары на базе Института социологии РАН,

---

¹ Элитология России: современное состояние и перспективы развития (Материалы Первого Всероссийского элитологического конгресса с международным участием, 7–8 октября 2013 года, ЮРИФ РАНХиГС, Ростов-на-Дону). – Том 1., Том 2., – Ростов-на-Дону: Издательство ЮРИФ РАНХиГС, – 2013.

² Пляйс Я. А. Элиты России: обзор диссертационных исследований отечественной политологии. – Ростов-на-Дону: Издательство ЮРИФ РАНХиГС, – 2013.

³ Следует отметить, что на сегодняшний день исследования О. В. Крыштановской в области элит являются наиболее методологически выверенными и комплексными, благодаря чему практическая ценность данных исследований высока. Крыштановская О. В. Анатомия российской элиты. – М.: Изд-во А. В. Соловьева, – 2004.

Социологического института Санкт-Петербурга (благодаря усилиям А. Дуки и его коллег); многочисленные конференции в Ростове-на-Дону (организаторы — А. В. Понеделков, А. М. Старостин) и Перми (организатор В. П. Мохов).

В российской элитологии накоплен существенный эмпирический материал. Так, в 1993–1994 гг. двумя группами исследователей были осуществлены крупные проекты по изучению региональных элит¹. Первый из них был реализован ВЦИОМ как часть кросс-национального сравнительного проекта и до сих пор остается одним из крупнейших общероссийских количественных исследований элит. Эмпирическую базу составили стандартные формализованные интервью с представителями политических, экономических, административных и интеллектуальных элит девятнадцати регионов России. Выборка была поровну разделена между представителями «старой» элиты (занимавшие элитные позиции в 1988 г.) и «новой» элиты (занимавшими элитные позиции в 1993 г.). Исследователи уделяли основное внимание генезису и траекториям карьерной мобильности элит в позднесоветский и постсоветский периоды, а также анализу экономического статуса и профессиональной деятельности представителей «старой» и «новой» элит.

Авторы второго проекта, выполненного группой под руководством К. И. Миккульского, использовали качественные методы сбора данных. Основой исследования стал анализ 67 полуформализованных глубинных интервью, проведенных с представителями политических, экономических, административных, интеллектуальных и региональных элит. Информанты представили свои взгляды на процессы и перспективы политического и экономического развития посткоммунистической России. В результате проведения вышеуказанных проектов были выполнены масштабные эмпирические исследования региональной политической элиты. В последующие периоды также предпринимались проекты по изучению и сбору первичной информации по проблемам политической элиты.

Помимо групповых проектов проводился ряд индивидуальных исследований, основанных, как правило, на материалах конкретного региона. Так, в рамках отечественной политологии были исследованы вопросы генезиса постсоветской элиты², социального состава и мобильности региональной политической

---

¹ Гельман В. Я., Тарусина И. Г. Изучение политических элит в России: проблемы и альтернативы // Элитизм в России: «за» и «против»: сб. материалов Интернет-конференции, февраль-май 2002 г. / Под общей ред. В. П. Мохова. – Пермь: Перм. гос.-ный техн. ун-т, – 2002.

² Понеделков А. В. Политико-административная элита: генезис и проблемы ее становления в современной России. – М.: Росс. акад. гос. службы при Президенте РФ, – 1995; Дискун И. Е. Россия: трансформация и элиты. – М.: ЭЛТРА, – 1995; Гаман-Голутвина О. В. Политические элиты России: Вехи исторической эволюции. – М.: Интеллект, – 1998; Зелетдинова Э. А. Механизмы демократизации властной элиты (общее и особенное регионального развития). – М.: ЭКОН, – 2002; Крештановская О. В. Анатомия российской элиты. – М.: Изд-во А. В. Соловьева, – 2004.

элиты¹, ее идеологии и политической психологии², процесса этнизации и этатизации правящего класса³, а также влияния экономического развития региона на формирование элит⁴.

В концептуальном плане данные исследования могут быть разделены на стратификационные и транзитологические, в основе которых лежат различные теоретические посылки и методологические подходы. Оба измерения связаны между собой. В качестве методов исследований политической элиты в основном применялись анализ документов и биографии представителей элит, а также полуформализованные глубинные интервью, экспертные и массовые опросы, case-studies, включенное наблюдение и др.

В рамках стратификационных исследований политическая элита рассматривается как особая социальная группа. Основное внимание уделяется ее специфическим характеристикам, таким как структура, мобильность (генезис, рекрутирование, эскорпорация, траектории карьеры), взаимосвязь с другими социальными группами и, наконец, ценности и установки. В свою очередь основой транзитологических исследований выступает анализ влияния элит на процессы трансформации политического режима в постсоветской России. Преемственность и изменчивость элит в таких исследованиях рассматривается с точки зрения перспектив демократизации или других последствий смены политического режима.

¹ Игнагов В. Г. и др. Профессионализм административно-политических элит (философско-социологический и акмеологический подходы). – Ростов/Д: СКАГС, – 2002; Игнагов В. Г., Понеделков А. В. Политико-административная элита региона: методология и методика исследования//Государствен. и муницип. служба: Методология, теория, технология, зарубежный опыт. – Ростов/Д: СКАГС, – 1997. – С. 30–44; Мартынова М. Ю. Политическая элита России на рубеже XXI века. – Архангельск: Поморский гос. ун-т им. Ломоносова, – 2001; Махрова О. Н. Элита в России в XX веке. – М.: ЦЭМИ, – 1998; Мохов В. П. Региональная политическая элита России (1945–1991 годы). – Пермь: Перм. кн. изд-во, – 2003.

² Киселев И. Ю. Политическая элита: ее сущность и психология: (по материалам исследований американских ученых). – Ярославль : ЯрГУ, – 1995.

³ Магомедов А. К. Локальные элиты и идеология регионализма в новейшей России: сравнительный анализ. – Ульяновск : УАГТУ, – 1998; Его же. Мистерия регионализма. Региональные правящие элиты и региональные идеологии в современной России: модели политического воссоздания «снизу» (сравнительный анализ на примере республик и областей Поволжья). – М. : Центр науч. и учебн. программ, – 2000.

⁴ Лапина Н. Ю. Формирование современной российской элиты (проблемы переходного периода). – М.: ИНИОН, – 1995; Лапина Н. Ю. Российские экономические элиты и модели национального развития. – М.: ИНИОН, – 1997; Лапина Н. Ю. Региональные элиты России. – М. : ИНИОН, – 1997; Лапина Н., Чирикова Е. Региональные элиты в РФ: модели поведения и политические ориентации. – М.: ИНИОН., – 1999; Лапина Н. Ю. Стратегии региональных элит: модели власти, политический выбор. – М.: ИНИОН, – 2000; Крыштановская О. В., Хуторянский Ю. В. Бизнес-элита России: генезис, социальный состав, ролевые функции//Социальная стратификация российского общества/Под. ред. З. Т. Голенковой. – М.: Летний сад, 2003. – С. 225–252.

Особенностью и достижением отечественной элитологии также являются исследования региональных политико-административных элит. Данные исследования появились практически сразу же как только тема элиты была актуализирована, что обусловлено следующими причинами. Прежде всего, Россия является федерацией стабильность и устойчивость развития во многом зависит от динамики развития регионов. Суверенизация национальных республик и областей в составе РФ в начале 1990-х гг. актуализировала исследования состава региональной политической элиты, ее устремлений и установок. С другой стороны, региональная элита более доступна для изучения, нежели федеральная. Данный факт также во многом объясняет, создание и апробирование большей части концепций и теорий в области отечественной элитологии именно на региональном материале.

В целом, с начала 1990-х гг. по настоящее время фиксируются содержательные достижения в исследовании политической элиты. Результаты многочисленных исследовательских проектов позволили получить довольно полную картину политических процессов в высших эшелонах власти. Но, несмотря на широкий ряд обсуждаемых вопросов, в изучении феномена политической элиты все еще остаются значительные лакуны. Политическая элита изучалась либо на материалах конкретной области, либо на материалах национальных республик; в рамках макрорегиона элита не исследовалась. В научной литературе также не получила комплексного исследования вопрос структуры региональной политической элиты, рассматривались только отдельные его аспекты (конфликты внутри региональной элиты, процесс консолидации). Также недостаточно внимания уделялось проблеме «входа» в/«выхода» из региональной политической элиты. Если процесс «входа» (рекрутирования) рассматривался более подробно, то процесс «выхода» (экскорпации) из региональной политической элиты практически не анализировался, тем самым размывались рамки системы политической элиты. В политических исследованиях в России прослеживается явный недостаток кросс-региональных сравнений элит.

В целом следует отметить, что возможности, либо отсутствие таковых в решении поставленных исследовательских задач и проблем обусловлены концептуальным уровнем дисциплины, поэтому следующим шагом станет рассмотрение существующих в отечественной элитологии концепций. В данной статье рассмотрены исследовательские парадигмы О. В. Гаман-Голутвиной, М. Н. Афанасьева, А. К. Магомедова и А. В. Дуки. Из обзора исключен ряд очень важных для элитологии социологических исследований, в частности работы О. В. Крыштановской, поскольку данные исследования не ставили своей целью создание теорий, объясняющих модели и концепций.

Общие тенденции развития политических элит прослеживались О. В. Гаман-Голутвиной. Для анализа и характеристики российского элитогенеза автором

использовался историко-политологический подход. Использование данного подхода автор мотивировал, тем, что концептуальные интерпретации элитогенеза современной России невозможны без широкого исторического контекста. Исследование процесса исторической эволюции властных групп российского общества было предпринято О. В. Гаман-Голутвиной с целью создания методологического подхода, позволяющего изучать процессы элитообразования. Существенный с использованием обширного исторического материала анализ элитогенеза позволил проследить модификацию базовых принципов инкорпорации субъектов политической власти¹. Автор обозначила определяющее значение моделей социального развития в качестве фактора детерминации типа рекрутирования политической элиты, а также постаралась выявить механизмы взаимосвязи моделей социального развития и моделей элитообразования.

В результате исследования были выявлены такие особенности современного элитогенеза, как сочетание глубинной трансформации модели элитообразования и высокой степени преемственности персонального состава элит; противоречивое сочетание свойственного современной элите всеобъемлющего влияния на общество и стратегической бессубъектности; определены факторы доминирования политических элит в их отношениях с бизнесом. Исследователем была также разработана типология процессов элитообразования. Характеризуя политический процесс постсоветской России, О. В. Гаман-Голутвина указывала на усиление центробежных тенденций, в основе которых — борьба региональных элит за исключительное право полновластно распоряжаться находящимися на территории регионов природными ресурсами и социально-экономическим потенциалом².

Трансформационные процессы, происходящие в среде административной, политической и экономической элиты в постперестроечный период, рассматривал М. Н. Афанасьев. Исследователь использовал стратификационный анализ эмпирического материала. Анализ процесса политической трансформации осуществлялся в контексте трех институциональных проблем функционирования и воспроизводства официально правящих региональных элит: административно-предпринимательства, государственного строительства (разделения властей, местного самоуправления), выборов³. Важными сюжетами работ М. Н. Афанасьева стали эмпирические исследования эффективности корпуса государственных

---

¹ Гаман-Голутвина О. В. Политические элиты России: вехи исторической эволюции. – М.: РОССПЭН, – 2006.

² Гаман О. В. Региональные элиты современной России: Штрихи к портрету//Полис. – 1998. – № 8. – С. 8–11.

³ Афанасьев М. Н. Изменения в механизме функционирования правящих региональных элит//Полис. – 1994. – № 6. – С. 59–66.

служащих на региональном, федеральном уровне и анализ феномена административного предпринимательства¹.

Анализируя нормативные акты, определяющее государственное устройство в субъектах РФ, и результаты избирательного процесса на региональном уровне автор пришел к выводу, что установление основ и принципов государственного устройства в российских регионах должен был осуществить федеральный законодатель, поскольку «от новых законодательных собраний, состоящих, судя по данным Центризбиркома, на одну треть из представителей директорско-председательского корпуса и еще на одну треть из подчиненных главе исполнительной власти чиновников, трудно ждать учреждения цивилизованных основ и ограничений представительной и исполнительной власти»².

Изучение М. Н. Афанасьевым структуры российских элит привело к созданию концепции патрон-клиентарных отношений³. Особенностью аналитического подхода М. Н. Афанасьева стало включение в политологический дискурс исторического исследования. Исследователь показал, что реальными структурными единицами, образующими властвующую элиту, являются клиентелы, положение которых всецело зависит от влиятельности и популярности их лидеров. В условиях резкой трансформации политического режима, быстрой смены привычных ролей и статусов отношения личной зависимости и покровительства институционализируются. Используя концепцию патрон-клиентарных отношений М. Н. Афанасьев дает сущностные, технологические и идеологические характеристики региональных властных групп в их взаимодействии с Центром. Отношения господства и покровительства рассматриваются исследователем как устойчиво воспроизводимый образец поведения управляющих и управляемых, своего рода «код» их взаимодействия, во многом определяющий политическую историю и ближайшее политическое будущее России.

А. К. Магомедов предложил концепцию легитимации местных элит через формулирование ими региональных политических идеологий⁴. Автор вывел ее

---

¹ Афанасьев М. Н. Правящие элиты и государственность посттоталитарной России. М. Воронеж: Изд-во ИПК, – 1996.; Региональное измерение российской политики //Полис. – 1998. – № 2.

² Афанасьев М. Н. Российская провинция: предел власти или государственное строительство? //Власть. – 1994. – № 6. – С. 58.

³ Афанасьев М. Н. Клиентелизм и российская государственность: Исследование клиентарных отношений, их роли в эволюции и упадке прошлых форм российской государственности, их влияние на политические институты и деятельность властвующих групп в современной России – 2-е изд., доп. – М., – 2000.

⁴ Магомедов А. К. Мистерия регионализма: региональные правящие элиты и региональные идеологии: модели политического воссоздания «снизу» (сравнительный анализ на примере республик и областей Поволжья). – М. : МОНФ, – 2000.

на основе кросс-локального исследования, материалом для которого послужили глубинные интервью с представителями элиты в двух республиках (Татарстан, Калмыкия) и в двух областях Поволжья (Нижегородская и Саратовская)¹. В исследовании А. К. Магомедов использовал методику, построенную с учетом рамок интервью, благодаря чему была воспроизведена «политическая философия» представителей элиты. На основе анализа региональной элиты А. К. Магомедов ввел понятие «политической» корпорации в противовес классической «экономической» трактовке этого феномена². Реальным примером стал опыт Республики Калмыкия и ее политических лидеров «нового поколения».

А. К. Магомедов сделал вывод, что по средствам политической мифологии происходило создание политического имиджа как самого региона, так и его лидеров, а характер политических ритуалов характеризовал природу ценностей и целей политической элиты, в частности, весьма различающуюся у нижегородской и ульяновской администрации³. Соединение анализа групп, обладающих политико-административными полномочиями, с изучением процессов развития конкретных регионов позволило автору выявить тенденции элитообразования.

В своих исследованиях А. К. Магомедов исходил из утверждения о регионализации российского государства в целом⁴. Соединение анализа групп, обладающих политико-административными полномочиями, с изучением процессов развития конкретных регионов позволило автору выявить тенденции элитообразования. Автор обращался к анализу социально-экономических приоритетов, а следовательно, различных типов взаимодействия и поведения элитных групп, ценностей и фундаментальных ориентаций, форм политической рекламы⁵. В этом контексте особое внимание он уделял политическим ритуалам и мифологии, характеризующим стиль политики региональных правящих элит (на примере Нижегородской и Ульяновской областей)⁶.

¹ Магомедов А. К. Власть новой Калмыкии: организация и пределы согласия политической элиты // Россия и современный мир. – 1995. – № 3. – С. 156–169; Магомедов А. К. Корпорация «Калмыкия» – выражение идеологии калмыцкой правящей элиты // Мировая экономика и международные отношения. – 1995. – № 12. – С. 106–113; Магомедов А. К. Политическая идеология локальных правящих элит в России // Россия и современный мир. – 1996. – № 4. – С. 152–176.

² Магомедов А. К. Корпорация «Калмыкия» – выражение идеологии калмыцкой правящей элиты // Мировая экономика и международные отношения. – 1995. – № 12. – С. 106–113.

³ Магомедов А. К. Политическая идеология локальных правящих элит в России // Россия и современный мир. – 1996. – № 4. – С. 152–176.

⁴ Магомедов А. К. Политические элиты российской провинции // Мировая экономика и международные отношения. – 1994. – № 4. – С. 72–79.

⁵ Там же.

⁶ Магомедов А. К. Политический ритуал и мифы региональных элит // Свободная мысль. – 1994. – № 11. – С. 108–114.

А. К. Магомедов также исследовал политическую элиту Калмыкии. На основании материалов интервью с представителями законодательной и исполнительной власти республики и анализа текстовых источников — распоряжений Президента Калмыкии и материалов местной прессы — автором обрисовывалась специфика калмыцкого варианта экономических и политических реформ, их темпы и масштабы, а также характер правящей элиты и элементы ее политической идеологии¹. В исследовании А. К. Магомедов использовал методику, построенную с учетом рамок интервью, благодаря чему была воспроизведена «политическая философия» представителей элиты². На основе анализа региональной элиты А. К. Магомедовым вводилось понятие «политическая корпорация» в противовес классической экономической трактовке этого феномена³. Реальным примером стал опыт Республики Калмыкии и ее политических лидеров «нового поколения».

Примером исследования политической элиты конкретного региона выступает статья А. К. Магомедова «Характер политического соперничества локальных элит в Краснодарском крае: мобилизация конституционных, экономических и геополитических ресурсов». Внимание исследователя было сфокусировано на особенностях формирования политического режима на Кубани после того, как в результате выборов 1996 г. губернатором Кубани стал Н. И. Коңдратенко, а мэром Новороссийска — В. А. Самойленко⁴. Автор отмечал, что с 1997 г. основной осью политического развития края являлось их соперничество, в основе которого находился вопрос статуса краевого центра, а точнее — передела налоговых поступлений⁵. Оба лидера использовали различные варианты стратегий и средств в борьбе друг против друга, в результате чего политический процесс на Кубани не стал замкнутым, а приобрел черты публичной конкуренции.

Автор соединил анализ политических элит с изучением процессов развития регионов и областей, в результате чего было показано, что основная роль в новейшей истории России принадлежит региональным правящим

---

¹ Магомедов А. К. Власть новой Калмыкии: организация и пределы согласия политической элиты // Россия и современный мир. – 1995. – № 3. – С. 156–169.

² Магомедов А. К. Корпорация «Калмыкия» – выражение идеологии калмыцкой правящей элиты // Мировая экономика и международные отношения. – 1995. – № 12. – С. 106–113.; Политическая идеология локальных правящих элит в России // Россия и современный мир. – 1996. – № 4. – С. 152–176.

³ Там же.

⁴ Магомедов А. К. Характер политического соперничества локальных элит в Краснодарском крае: мобилизация конституционных, экономических и геополитических ресурсов // Конституционное право: восточноевропейское обозрение. – 1999. – № 2. – С. 93–99.

⁵ Там же.

группам¹. С помощью свободного интервью исследовались их политические убеждения, интересы, мотивы, идеологии. Также был приведен анализ материалов протокольных отделов администраций, указов местных властей, региональной печати, стенограмм.

В своих исследования В. Я. Гельман попытался переосмыслить основные положения элитистской концепции перехода к демократии, синтезировать достоинства транзитологического и элитистского подходов при исследовании политических процессов в России. Автор рассматривались методологические вопросы исследования трансформации элиты, изучался вопрос о роли элиты в региональном политическом процессе, были представлены модели сообщества элит, созданы идеальнотипические модели сценариев выхода из неопределенности в процессах трансформации. Анализ трансформации региональной элиты В. Я. Гельман произвел на примере Нижегородской области в сравнении с другими регионами². Исследование подтвердило, что на постсоветском пространстве массы являются субъектами политического процесса в той мере, в какой это могут допускать элиты³. Были также исследованы способы замещения формальных институтов неформальными практиками.

А. В. Дука сосредоточил свое внимание на изучении городской элиты. В статье «Изменение политической элиты Ленинграда/Петербурга 1989–1994 гг.» автор опирался на анализ результатов исследования, проводившегося в 1993–1994 гг. Центром независимых исследований, рассматривались изменения политической элиты города по трем параметрам: изменение структурирования городской власти; персональные изменения; изменение механизма прихода к власти⁴. Также на основе контент-анализа трех петербургских городских газет за 1993 г. (900 номеров) анализировались позитивные и негативные материалы в отношении различных секторов городской элиты. Отмечалось значительное снижение взаимной критики административной и политической элиты в СМИ в период осеннего конституционного кризиса по сравнению с предыдущим

---

¹ Магомедов А. К. Мистерия регионализма: региональные правящие элиты и региональные идеологии: модели политического воссоздания «снизу» (сравнительный анализ на примере республик и областей Поволжья). – М.: МОНФ, – 2000.

² Гельман В. Я. «Сообщение элит» и пределы демократизации: Нижегородская область// Полис. – 1999. – № 1. – С. 79–97.

³ Гельман В. Я. Россия регионов: Трансформация политических режимов//Россия регионов: Трансформация политических режимов. – С. 45.

⁴ Дука А. В. Изменение политической элиты Ленинграда/Петербурга 1989–1994 гг.// На путях политической трансформации: (Политические партии и политические элиты постсоветского периода). Ч. 2. : Политические элиты. – М. : Моск. обществ. науч. фонд, – 1997. – С. 173–184.

периодом. Были сделаны выводы о возможном начале процесса консолидации региональной элиты¹.

На основе данных опроса элиты Санкт-Петербурга и Ленинградской области А. В. Дука рассматривал три аспекта легитимности институциональных изменений, происходящих в России — легитимность институтов, инструментальная легитимность и процедурная легитимность. Отмечалось, что существовала достаточно выраженная ориентация региональной элиты на демократические изменения, происходящие в стране². На основе данных опроса представителей политической, административной и экономической элиты, проведенного в 1998 г. (163 человека), А. В. Дука анализировал установки в отношении положения России в мире, ее пути развития, представления о странах-врагах и странах-друзьях. Особое внимание уделялось связи внешнеполитических ориентаций членов элиты с их социо-демографическими характеристиками, их социально-экономическими установками³.

Уделялось также внимание конфликтам внутри региональной элиты. В. А. Ачкасова и А. В. Дука на примере элиты Ленинграда/Санкт-Петербурга рассматривали конфликт как путь к возможному внутриэлитному соглашению⁴. Эмпирической базой исследования являлись глубинные интервью с представителями региональной элиты, на основании которых была представлена типология политической элиты в 1989–1993 гг.

В свою очередь исследования А. В. Дуки показали, что институциональный фактор связан с общим институциональным дизайном и возникновением структуры возможностей для появления и закрепления новых институтов. Структурный контекст институционализации властных групп определяет возможности элиты обеспечивать себе легитимизацию, социальную поддержку и социальную

---

¹ Дука А. В. Конституционный кризис и консолидация элиты Санкт-Петербурга// Трансформация российских региональных элит в сравнительной перспективе : материалы межд. семинара (Тверь, 20–22 февр. 1998 г.)/Под ред. А. Мельвиля. – М.: Моск. обществ. науч. фонд; Изд. центр научных и учебных программ, – 1999. – С. 186–196.

² Дука А. В. Региональные элиты в институциональном развитии (проблемы легитимности)// Выборы в Российской Федерации: Федеральный и региональный аспекты : материалы науч.-практ. конференции 26–28 июня 1999 г. Т. 1/Под ред. М. Б. Горного. – СПб. : Норма, – 2000. – С. 85–90.

³ Дука А. В. Россия в мире: внешнеполитические ориентации региональной элиты (на примере Санкт-Петербурга и Ленинградской области)//Международ. отношения на постсоветском пространстве/Под ред. И. Д. Звягельской и Н. А. Косолапова. – М.: Моск. обществ. науч. фонд, – 2000. – С. 58–76.

⁴ Ачкасова В. А., Дука А. В. Региональная политическая власть: элитные конфликты и возможности соглашений//Эволюция взаимоотношений центра и регионов России: от конфликта к поиску согласия/Под ред. Дж. Азраэла, Э. Паина, Н. Зубаревич. – М. : Комплекс-Прогресс, – 1997. – С. 191–206.

базу своего воспроизводства, а борьба за ресурсы выступает необходимым элементом процесса институционализации¹.

А. В. Дука показал, что в эмпирических и теоретических исследованиях властных элит возможны три не взаимоисключающих типа исследований. Во-первых, элиты могут быть представлены и исследованы как функциональные группы. Во-вторых, элиты могут быть проанализированы как определенный социальный слой. В-третьих, элиты могут быть рассмотрены как институты. Каждый из указанных вариантов исследований тяготеет к определенным теоретическим основаниям и обладает собственными объяснительными возможностями и ограничениями².

В целом, в методологическом плане, процесс изучения политической элиты натолкнулся на ряд долгосрочных проблем. Отчасти подобного рода проблемы элитологии зеркально отражают процесс становления отечественной гуманитарной науки в целом. Для полноты картины следует отметить, что методология как явление в российской науке продолжает оставаться явлением второстепенным, во многом данная ситуация — «наследство» советского периода. В СССР в области гуманитарных наук проблема методологии решалась однозначно: главная задача исследователя подтвердить марксистско-ленинскую теорию эмпирическим материалом.

На сегодняшний момент ситуация меняется, но крайне медленно: из автореферата диссертаций, посвященной проблемам политической элиты, в автореферат переходит чуть ли не идентичный по содержанию раздел «Методы и методология исследования», который крайне редко имеет что-то общее с дальнейшим изучением материала, более того методы, которые перечисляются в данном разделе, очень часто противоречат друг другу, а теории и концепции, которые представляют парадигму проводимого исследования, морально устарели, либо не позволяют провести данное исследование в соответствии с поставленными целью и задачами. Подобная ситуация говорит о крайне незначительной роли методологии в отечественных элитологических исследованиях, что в свою очередь блокирует возможности дальнейшего развития политической элитологии и применения на практике результатов исследования в рамках данного направления.

Из всех подходов к изучению элиты среди российских исследователей преобладает позиционный. Механическое применение данного подхода к российской реальности порождает целый ряд методологических проблем. Концептуальные

---

¹ Региональные элиты Северо-Запада России: политические и экономические ориентации. — СПб.: Алетей, — 2001; Российская региональная элита в трансформирующемся обществе// Transition — Erosion—- Reaktion: zehn Jahre Transformation in Osteuropa. Frankfurt am Main; Berlin; etc.: Lang, — 2002.

² Дука А. В. Исследования элит: поиск теоретических оснований// Власть и элиты в российской трансформации: Сб. научных статей. — СПб.: Интосоцис, — 2005.

схемы анализа элиты, предложенные российскими исследователями, едва ли претендуют на статус полноценных научных парадигм, они конвенционально используются большинством специалистов в различных регионах страны, при этом теоретическая база слабая — зачастую сводится к простому биографическому анализу. В целом, возникающие трудности методологического плана характерны для допарадигмальной стадии развития субдисциплины¹.

Остается открытым целый ряд теоретических вопросов, связанный с «концептуальными натяжками», вызванными сложностями обобщения эмпирического материала. В изучении региональных элит все еще преобладают дескриптивные работы, познавательная ценность которых уменьшается по мере накопления исследовательских данных. В то время как генезис и научные ориентации ученых, работающих в сфере изучения политических элит сегодня, существенно различаются.

Более подробно следует остановиться на оценке достаточно популярных в российской политологии работ, изучающих элитогенез на историческом материале². Авторы расширяют хронологические рамки исследования политической элиты, тем самым пытаясь выявить системные особенности формирования и функционирования правящего класса. Изучение проблем элитогенеза на широком историческом материале является важным этапом развития элитологии. Подобного рода ретроспективные исследования способствуют разработке теоретических подходов к пониманию национальных особенностей политической элиты.

Характеризуя ретроспективное направление элитологии, тем не менее, следует отметить, что далеко не все попытки в этом направлении оказались удачными. Результаты существующих на сегодняшний день «исторических» исследований политической элиты слабо доказуемы, оценки, данные на расширенном эмпирическом материале очень спорные, более того в подобных работах история становится рефлексией настоящего о прошлом, т. е. события прошлого «подгоняются» под необходимую элитологическую концепцию. В данном случае имеет место ретроспективная экстраполяция модели, разработанной на современном материале, на предшествующие исторические периоды.

Следует отметить слабую интегрированность отечественной элитологии в систему гуманитарных научных знаний. К политической элите исследователи подходят как к социальной группе, следовательно, изучают состав данной группы, каналы инкорпорации и экскорпорации, но важно отметить, что тема политической элиты несколько шире чем просто социальная характеристика правящего класса, данная проблема в первую очередь затрагивает особенности правящего

---

¹ Kuhn T. S. The Structure of Scientific Revolutions. – Chicago: University of Chicago Press, – 1962.

² Гаман-Голутвина О. В. Политические элиты России: вехи исторической эволюции. – М.: РОССПЭН, – 2006.

режима, дизайна властных институтов, перспектив трансформации и направлений трансформации политической системы. В свою очередь особенность российской элитологии, заключается в изучении «элиты ради элиты», хотя в некоторых исследованиях провозглашается анализ трансформации политического режима с помощью элитистской парадигмы и т. д., но выводы целиком и полностью посвящены либо социальному составу правящей элиты, либо трансформации данного состава, отсюда вытекает ограниченность исследования.

Таким образом, на сегодняшний момент потребность в теоретических разработках по проблемам политической элиты очевидна, разработка новых концептуальных моделей на базе накопленного эмпирического материала является наиболее востребованной, но и наиболее сложной задачей элитологических исследований, поскольку современные подходы не позволяют решать поставленные задачи. В российской элитологии сформировались определенные предпосылки выработки функциональной методологии и теоретических обобщений на более высоком уровне, способствующих качественному развитию данного направления. Для дальнейшего развития дисциплины и превращения ее в более функциональную научную отрасль, необходимо изменить подход к определению концепта «элита», подойти к политической элите не как к социальной группе, а как к системе.

Список литературы:

1. Афанасьев М. Н. Изменения в механизме функционирования правящих региональных элит // Полис. – 1994. – № 6. – С. 59–66.
2. Афанасьев М. Н. Клиентелизм и российская государственность: Исследование клиентарных отношений, их роли в эволюции и упадке прошлых форм российской государственности, их влияние на политические институты и деятельность властвующих групп в современной России – 2-е изд., доп. – М., – 2000.
3. Бабаева Л. В., Чирикова А. Е. Политические ориентации региональных элит // Бизнес и политика. – 1996. – № 3. – С. 11–16.
4. Гаман О. В. Региональные элиты современной России: Штрихи к портрету // Полис. – 1998. – № 8. – С. 8–11.
5. Гаман-Голутвина О. В. Политические элиты России: вехи исторической эволюции. – М.: РОССПЭН, – 2006.
6. Гельман В. Я. «Сообщение элит» и пределы демократизации: Нижегородская область // Полис. – 1999. – № 1. – С. 79–97.
7. Гельман В. Я., Тарусина И. Г. Изучение политических элит в России: проблемы и альтернативы // Элитизм в России: «за» и «против»: сб. материалов Интернет-конференции, февраль-май 2002 г. / Под общей ред. В. П. Мохова. – Пермь: Перм. гос-ный техн. ун-т, – 2002.

8. Дискан И. Е. Россия: трансформация и элиты. – М.: Элтра, – 1995.
9. Зелетдинова Э. А. Механизмы демократизации властной элиты (общее и особенное регионального развития). – М.: ЭКОН, – 2002.
10. Зелетдинова Э. А. Региональные властные элиты в политической системе региона: (Астрахан. обл.), – М.: МГУ, – 2000.
11. Игнатов В. Г., и др. Профессионализм административно-политических элит (философско-социологический и акмеологический подходы). – Ростов/Д: СКАГС, – 2002.
12. Игнатов В. Г., и др. Региональные политические элиты в зеркале социологии. – Ростов/Д: СКАГС, – 2001; Игнатов В. Г., Понедельков А. В. Политико-административная элита региона: методология и методика исследования//Государственн. и муницип. служба: Методология, теория, технология, зарубежный опыт. – Ростов/Д: СКАГС, – 1997. – С. 30–44.
13. Киселев И. Ю. Политическая элита: ее сущность и психология: (по материалам исслед. американских ученых). – Ярославль: ЯрГУ, – 1995.
14. Крыштановская О. В. Анатомия российской элиты. – М.: Изд-во А. В. Соловьева, – 2004.
15. Крыштановская О. В., Хуторянский Ю. В. Бизнес-элита России: генезис, социальный состав, ролевые функции//Социальная стратификация российского общества/Под. ред. З. Т. Голенковой. – М.: Летний сад, – 2003. – С. 225–252.
16. Куколев И. В. Региональные элиты: борьба за ведущие роли продолжается//Власть. – 1996. – № 1. – С. 46–52.
17. Лапина Н. Ю. Российские экономические элиты и модели национального развития. – М.: ИНИОН, – 1997.; Лапина Н. Ю. Региональные элиты России. – М.: ИНИОН, – 1997.
18. Лапина Н. Ю. Стратегии региональных элит: модели власти, политический выбор. – М.: ИНИОН, – 2000.
19. Лапина Н. Ю. Формирование современной российской элиты (проблемы переходного периода). – М.: ИНИОН, – 1995.
20. Лапина Н. Ю., Чирикова А. Е. Регионы-лидеры: экономика и политическая динамика. – М.: ИС РАН, – 2002 и др.
21. Лапина Н. Ю., Чирикова А. Е. Стратегии региональных элит: экономика, модели власти, политический выбор. – М.: ИНИОН РАН, – 2000.
22. Лапина Н. Ю., Чирикова А. Е. Региональные элиты в РФ: модели поведения и политические ориентации. – М.: ИНИОН, – 1999.
23. Магомедов А. К. Локальные элиты и идеология регионализма в новейшей России: сравнительный анализ. – Ульяновск: УлГТУ, – 1998.
24. Магомедов А. К. Мистерия регионализма. Региональные правящие элиты и региональные идеологии в современной России: модели политического

- воссоздания «снизу» (сравнительный анализ на примере республик и областей Поволжья). – М.: Центр науч. и учебн. программ, – 2000.
25. Мартынова М. Ю. Политическая элита России на рубеже XXI века. – Архангельск: Поморский гос. ун-т им. Ломоносова, – 2001.
  26. Махрова О. Н. Элита в России в XX веке. – М.: ЦЭМИ, – 1998.
  27. Микульский К. И., и др. Российская элита: опыт социологического анализа. Часть I: Концепция и методы исследования. – М.: Наука, – 1995.
  28. Микульский К. И., Российская элита. Опыт социологического анализ. Часть II. Лидеры бизнеса о себе и об обществе. – М.: Наука, – 1997.
  29. Микульский К. И., Российская элита. Опыт социологического анализ. Часть III. Особенности сознания элиты. – М.: Наука, – 1997.
  30. Миронов В. Подходы разные, цель одна: лидеры федерального центра и республиканско-региональные элиты // Власть. – 1993. – № 2. – С. 35–41.
  31. Мохов В. П. Институциональные и социальные факторы регионализации элит в России // Трансформация российских региональных элит в сравнительной перспективе: материалы междунар. семинара (Тверь, 20–22 февраля 1998 г.) / Под ред. А. Мельвиля. – М.: Моск. обществ. науч. фонд; Изд. центр научных и учебных программ, – 1999. – С. 140–151.
  32. Мохов В. П. Региональная политическая элита России (1945–1991 годы). – Пермь: Перм. кн. изд-во, – 2003.
  33. Мохов В. П. Элитаризм и история: Проблемы изучения советских региональных элит. – Пермь: Пермский гос. технич. ун-т, – 2000;
  34. Пляйс Я. А. Элиты России: обзор диссертационных исследований отечественный политологов. – Ростов-на-Дону: Издательство ЮРИФ РАН-ХиГС, – 2013.
  35. Понеделков А. В. Политико-административная элита: генезис и проблемы ее становления в современной России. – М.: Росс. акад. гос. службы при Президенте РФ, – 1995;
  36. Региональные элиты Северо-Запада России: политические и экономические ориентации. – СПб.: Алетейя, – 2001
  37. Российская региональная элита в трансформирующемся обществе // Transition – Erosion – Reaktion: zehn Jahre Transformation in Osteuropa. Frankfurt am Main; Berlin; etc.: Lang, – 2002.
  38. Элитология России: современное состояние и перспективы развития (Материалы Первого Всероссийского элитологического конгресса с международным участием, 7–8 октября 2013 года, ЮРИФ РАНХиГС, Ростов-на-Дону). Том 1., Том 2., – Ростов-на-Дону: Издательство ЮРИФ РАНХиГС, – 2013.
  39. ЭKuhn T. S. The Structure of Scientific Revolutions. – Chicago: University of Chicago Press, – 1962.

Section 11.

Ethnography, ethnology and anthropology

*Aytmagambetova Aytgul,
Republic of Kazakhstan, Mangistau region
E-mail: Serik.kassim@yandex.kz*

One of the martial tribes of Kazakhstan – Aday

Work objective: genealogical tree — is a history. Genealogical trees are combined from one generation or genealogical history of one nation. The adai's genealogical tree — is a huge history. Development of genealogical tree depends on this tribe or heroes of this generation. The adai's tribe has a lot of heroes who performed many heroic deeds and which are impossible to be silent about.

Aday — one of the largest tribes as a part of a tribal union Bayuly of Junior zhuz. At all times a class Aday didn't accept regime of Kazakh khan and Russian tsar. A native land of the class Aday is Mangistau and a table land West Ustyurt (west Qoralqalpogiston) and North Ustyurt (Bazganinsk district, Uilsk district). There are 362 sacred places of the class Aday here («aulie» in Kazakh). The most respected out of them is Nekropol Beket-Ata in Oglandy (in Ustyurt). Adai was born in the XV century. The present-day Adai densely reside in Mangistau region, in Atyrau region, Aktiubinsk, in Balkan velayat, Dashoguz velayat, Turkmenia, Qoralqalpogiston, Iran, Afghanistan¹.

According to Kazakh genealogical legends (sheyhere) Adai are a part of Bazulz generation of Junior zhuz. In return Adai tribe is subdivided into two large sections: Kelimberdy and Kudaike. Including:

The adai are great warriors and brave people. There are quite a lot of articles written about their courage on the pages of many newspapers and books, which are known to the whole Kazakhstan.

¹ The first All-Union Turkic congress. – Baku, – 1926, – P. 92.

One of the famous batyrs of junior zhyz is Kozhamsugir Tileuly (1690–1790). During the time of Kazakh-Kalmyk war (The zhongar invasion) he showed a great courage. During that war Kozhamsugir several times was against the Kalmyk holding adai flag in his hands. Back then the man taken the adai flag into his hands was considered a leader of the tribe. Not everybody was entrusted to hold the people's flag in order not to lose the national spirit. An enemy was trying to surround the flag-bearer and drop the people's flag. Kozhamsugir always used to fight at the territory of an enemy but he never let himself capture the flag. In one of the battles he got his fingers cut by a sword blade. That was the hand he was holding the flag in. But nevertheless, he kept fighting taking the flag into the healthy hand (Due to this event the generation of Kozhamsugir in West Kazakhstan started been called «Sholak» (fingerless)¹.

One of the most famous sources of exacerbation of the struggle between the Kayakh and the Turkmen for Mangistau occurred in 1766. Newly migrated to a peninsula Turkmen were exposed to a terrible destruction. «Many of them were killed, a lot of them fell prisoner to the Kirghiz, rest of them, who lost almost all their cattle, were running out of Tiubkaragan and, finally, even to Khiva to find there protection from the Kirghiz», — it was claimed by one famous researcher Gmelin.

In January 1767 the Turkmen with the support of some Khiva administrators retaliated upon the enemy in Kazakh wintering places. As a result of this invasion about a thousand of people were killed and more than three thousand of the Kazakh fell prisoner.

However, in general the Kazakh were going to win, so the Turkmen decided to enter into negotiations with Russian authorities. On August 17, 1767 The collegium of external affairs provided Ekaterina II with a report on arrival of Turkmen ambassadors with request to get Russian citizenship «due to oppression of kirgis-kaisak». The conclusion of the report stated that «unless there is a convenient place for fortress by the Caspian Sea, the Collegium of external affairs states that there is no point in Imperial Majesty nationalizing the Trukhmments living both near Mangyshlak cape and other banks».

After losing the battle with the Kazakh and receiving one more refusal of nationalizing the Turkmen started leaving Mangystau and the territory of Khiva. However, due to the fault of the Turkmen themselves as well as robberies that crippled the economic life in khanat there became famine.

As a result some tribes decided to return to Mangystau again. According to Gmelin, «as soon as they reached their country being completely exhausted both because of an illness and the difficulty of a return trip, which they had passed on foot due to the

---

¹ Mangistau regional sociologic newspaper «Zhana omir». Mangystau, – № 33, – April 27, – 1994, – P. 2–3.

lack of horses, Nurali-khan sent his ambassador to them to tell they had to accept his son, Pir-Ali-khan as a supreme chief threatening to devastate them. When such situation happened they had no other choice but to accept all of that. Soon Pir-Ali-khan appeared among Manglish Turkmen. He introduced the cruelest punishments, took the biggest part of the rich Turkmen's property as well as took away almost all their fire weapons, so the last-mentioned is rarely seen in their possession nowadays»¹.

That was the time when the Adai, mostly fighting with the Turkmen, started being called the rightful owners of Mangystau as well as being mentioned in the sources as one of the most powerful tribes of Junior zhuz. Apparently, that happened because of such legendary personality as Beket, who was named saint while alive and became a cult item after his death. According to eyewitnesses an exclamation «Oh, Beket!» sounded in Adai auls much better than «Oh, Allah!».

The Turkmen tribes that didn't want to acknowledge authority of newcomers started facing violent invasions of the Adai and had to drop back to Kara Kum sands. Describing local set-up Khrisanf Neopatrasskyi pointed out: «Being weak, Turkomen don't dare settle there because of the fear of Kirgis-Kaysakov».

However, both the Adai and the Turkmen soon had to name themselves vassals of Khiva, the khans of which instigated nomads to hostile actions against Russia in every possible way. In the early XIX century up to two hundred Russian fell prisoner to the Adai and the Turkmen at the Caspian Sea and soon they turned out at a slave market of Khiva. The Adai took quite an active part in rebellions against Russia that were taking place at the rest of territory of Junior zhuz. The most famous Adai batyr taking part in conflicts of those years was Cuingara.

Hate to the previous authorities led to sympathy among the Adai to Bolshevik during the Civil War. Thus, one of the volost' administrators Tobaniiaz Alniiyazov brought very significant support to an anthemed trek of Alibi Dyhgildina in a soviet historiography. When in the beginning of 1920 the army of the last Ural ataman-general Tolstov began to back out of Ural to Aleksandrov Fort under the pressure of Bolshevik, the Adai significantly complicated their winter passage with invasion. As a result, only around two thousand of people reached the target point out of 15000.

For such an active support Tobaniiaz was appointed to a chairman of a district revolutionary committee by the Bolshevik. However, Taboniiaz realized the theory of tribal battle and the necessity to make up a bright future very obscurely. Thus, in 1921 being annoyed with constant attacks of Basmach hordes from Khiva, Tobaniiaz headed by military force of three thousand people made a forced march to the territory of recently formed Khoesm people's republic, where he occupied Kungrad and

---

¹ Amanzholov S. Problems of dialectology and history of Kazakh. – Alma-Ata, – 1959, – P. 98–160; Ebdrahminov A. Қазақстанның жер-су аттары. – Almaty, – 1959, – 104-б.

presented an ultimatum to local party members immediately to restrain their bandits. This case led to a huge scandal and Alniiazov was supposed to be removed from post subject to responsibility, however they were afraid to raise an argument since he was hugely influential among the Adai.

ADAÍ

Along with these heroes there is also Esen Ermembet Turuly (1878–1908). He was an ambassador between the people of Adai and Khoresm khanat (Khiua), a fail judge in intergeneric conflicts. He was one of the leaders of warriors during rebellions of 1870–1875 under the leadership of Isa and Dosan. In spring 1873 he captured a military force of the Imperial Army in the town Auzorpa, Mastek and didn't let them go further. On the border of Khiva he took part in several partizan wars under the leadership of Lomakin. In 1890 he was a guide of a German ethnographer R. Karatuke¹.

Summary

There is a popular Kui (song) «Adai» in Kazakhstan written by the father of kui Kurmangazy. Why it is dedicated to the Adai and other tribes? Because most of all he appreciated freedom and dreamt about it, he saw pain of people caused by the rich, and half of his life he spent in prison.

Kurmangazy — a founder of Kayakh kui after seeing kind people of the Adai, trustful as little children, generous towards others, holy population, after spending time with them talking found out that the Adai are people rich with their history. Having experienced deep respect to these people he wrote his kui. He started spreading sounds, he didn't use some sort of strings, the rattle of hoofs, the sounds coming from dombra were raising spirit of each person. He saw in these people an irresistible desire to have freedom. Kui «Adai» is written and dedicated to the Adai not for nothing. Kui spreads huge delight and aspiration for life. The Adai are people who are worth respect and honor.

References:

1. Vostrov V. V., Mukanov M. S. «Tribal structure and resettlement of the Kazakh (end of the XIX – beginning of the XX centuries)», Printing house «Nauka» of Kazakh SSR, – Alma-Ata, – 1968, – 256 p.
2. Kunikov A. A. On Turkic Pechenegs and Komans according to Magyar sources. – Notes of the Academy of Science, – 1855, – vol. 3, – P. 715; Yadryntsev N. M. On the Altaian and Chernov Tatarian. St. Petersburg, – 1881, – P. 3; Aristov N. A. Notes on ethnic composition of Turkic tribes and nationalities and information about

¹ «Қазақ Совет энциклопедиясы» (12 томдық), – Алматы, – 1972–1978.

- their number. St. Petersburg, – 1897, – P. 64; Rudenko S. I. In the book: The first All-Union Turkic congress. – Baku, – 1926, – P. 92.
3. Mangistau regional sociologic newspaper «Zhana omir». Mangystau – № 33, – April 27, 1994, – P. 2–3.
  4. Amanzholov S. Problems of dialectology and history of Kazakh. – Alma-Ata, – 1959, – P. 98–160; Ebdrahimov A. Қазақстанның жер-су аттары. – Almaty, – 1959, – 104-б.
  5. «Kazak Soviet encyclopaedia» (12 volumes), – Almaty, – 1972–1978.

Contents

Section 1. Archaeology	3
<i>Hroshyk Valentyn</i>	
The History of the research of the Royal Castle Nyalab.	3
<i>Orfinskaya Olga Vjacheslavovna</i>	
The history of tailoring. The evolution of tailored sleeve.	6
Section 2. History of the world	11
<i>Kazhenova Gul'nar Tuligenovna,</i>	
<i>Kushpaeva Almagul' Burkutbaevna</i>	
«Vatican of the Soviet Union»:	
German And Polish catholics in Kazakhstan.	11
<i>Kuraev Islam Baktiyar oglu</i>	
Flower of the ottoman empire.	17
<i>Moiseenko Marina Andreevna</i>	
The Origins of American Neoconservatism: Ideology and Institutes	25
<i>Preymak Alexander Romanovich</i>	
Native American activism in action: 1969–1971 occupation of Alcatraz	33
<i>Poghosyan Samvel Andranikovich</i>	
The solidarity of Armenian organizations in the USA and the voluntary movement during World War I.	36
<i>Prischepa Tetyana Mukolaevna</i>	
The professional education of the Bulgarian young people in Kyiv University of St. Vladimir (II half of the XIX century)	43
<i>Shchegolikhina Svetlana Nickolaevna</i>	
The legal framework and the American notion of fairness in negotiations to end the Vietnam war	48
Section 3. Historiography, source criticism and methods of historic research	53
<i>Bondarenko Natalia Grigoryevna</i>	
The history of the daily routine in historiography	53
<i>Golovina Olga Volodymyrivna</i>	
The theoretical and methodological problems of the historiography of the Russian monarchical organizations at the beginning of the 20 th century.	58
<i>Doroshenko Lina Vasylivna</i>	
Ornamentation of ceramic pottery of raykovetska culture (historiography aspect)	64

Section 4. European history.....	70
<i>Perga Iurii Mykolaiovych</i>	
Preparation for religious revindication in Holm and Podlasie regions in 1937–38	70
<i>Shapiro Bella Lvovna</i>	
The history of women’s equestrian hunt attire	75
Section 5. History of international relations and foreign politics	82
<i>Bulanyi Mykola Yurievich</i>	
Prerequisites for the occurrence the land of Turov-Pinsk Principality in the Grand Duchy of Lithuania on the Chronicle materials.....	82
Section 6. History of science and technology	88
<i>Balalykin Dmitry Alekseevich</i>	
Methodological problems in history and philosophy of medicine	88
<i>Vorona Yulia Volodymyrivna</i>	
Foundation and activity of Kiev industrial technical school of labour backlogs in 1944 – 1950’s	93
<i>Kuznetsov Vyacheslav Aleksandrovich, Ruzhitskaya Margarita Sergeevna</i>	
Elkin David Genrikhovich (31.10.1895–05.07.1983): The life and Scientific-pedagogical activity	103
<i>Jakobson Anatolii Yakovlevich, Batciun Natalia Vladimirovna</i>	
The history of management thought development in Russia — USSR: the early period	111
Section 7. History of Russia.....	119
<i>Arakelyan Inna Seryanovna</i>	
Socio-cultural and ethno-political situation in the North Caucasus during the perestroika 1985–1991	119
<i>Ataev Taulan Isifovich</i>	
Initial stage of formation of system disfranchisements in Karachay	124
<i>Karamyan Diana Romovna</i>	
Government’s national policy like indicator of the interethnic relations.....	126
<i>Kortunov Alexey Ivanovich</i>	
Some information about the Kalmyks service in the officer corps of the Orenburg irregular Cossack troops	131
<i>Krupenkin Evgeny Nikolaevich</i>	
The religious policy of Russia in Siberia and Central Asia at the end of the XVIII–XIX centuries	134

<i>Tryhub Oleksandr Oleksandrovuch</i>	
M. I. Tumansky general of the Russian army in the middle of XIX th century.	138
<i>Shebzukhova Tatyana Aleksandrovna,</i> <i>Bondarenko Natalia Grigoryevna</i>	
The Kuban Cossacks during the post-reform period	144
Section 8. Political culture and ideology	150
<i>Voloshchak Valentin Igorevich</i>	
North Korean Juche ideology: the elements of religion and materialist philosophy.	150
<i>Darkenov Kurmangali Gazezovich,</i> <i>Abzhapparova Bibihadisha Zhursinkizy</i>	
1937 – The year: Fate and tragedy of the Kazakh intelligentsia	156
<i>Kuzmova Olena Anatoliivna</i>	
The implementation of the political doctrine of the Catholic Church in Ukraine in the XX century	167
<i>Nasyrova Liliya Gabdelvalievna</i>	
Adam Heinrich Müller – ideologist Prussian conservatism	170
Section 9. Political problems of the international relations, global and regional development	174
<i>Abdullina Iana Borisovna</i>	
Kabyle crisis in Algeria	174
<i>Tretioukhine Mikhail Vyacheslavovich</i>	
The geopolitical concept of the «new left» in the context of global transformations.....	179
Section 10. Theory and philosophy of politics, history and methodology of political science	188
<i>Mukhitdinova Firyuza Abdurashidovna,</i> <i>Babakulov Atabek Bakhralkul Oglou</i>	
Spiritual and moral doctrines of thinkers of the East	188
<i>Ponomarenko Nadezhda Anatoljevna</i>	
“Growth crisis” of political elithology in Russia: causes and solutions	193
Section 11. Ethnography, ethnology and anthropology	209
<i>Aytmagambetova Aytgul</i>	
One of the martial tribes of Kazakhstan – Aday.....	209